

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ
И ВОСТОКОВЕДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

Языки Востока:
изученное и неизученное

Москва
2022

ББК 81г
П78

*Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор
А.И. Коган, д.ф.н., ФГБУН ИВ РАН

Редакторы-составители
А.С. Зверев, ФГБУН ИВ РАН
С.Д. Малышева, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
Е.Л. Рудницкая, д.ф.н., ФГБУН ИВ РАН
Ю.А. Ландер, к.ф.н., НИУ ВШЭ

Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Востока: изученное и неизученное : сб. ст. / Ин-т востоковедения РАН, Отдел языков народов Азии и Африки ; [отв. ред. А.И. Коган] – М.: ИВ РАН, 2022. – 194 с.

ISBN 978-5-907543-92-8

Сборник включает работы исследователей, представляющих научные и образовательные учреждения трех стран: России, Чехии и Турции. Тематика статей охватывает широкий круг вопросов, в частности, проблемы морфологической и синтаксической типологии, пунктуации, социолингвистики, сравнительно-исторического языкознания, истории востоковедной лингвистики. Книга предназначена для специалистов по восточным языкам, общему и историческому языкознанию.

ББК 81г

ISBN 978-5-907543-92-8

© Коллектив авторов, 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Блинов А.А. <i>Академия арабского языка в Хартуме</i>	5
Выжлаков М.В., Иткин И.Б. <i>Употребление показателей множественного числа -пта и -пта в тохарском В языке</i>	27
Зверев А.С. <i>Запятая при относительных придаточных в японском языке: неоднозначный синтаксис и неоконичная графика</i>	58
Кожа К.А. <i>Вклад советских лингвистов-синологов в дискуссию о фонетической сущности китайской письменности</i>	74
Погибенко Т.Г. <i>Сериальные конструкции в мон-кхмерских языках</i> ..	89
Смирнитская А.А. <i>Методология изучения тамильского языкового пуризма</i>	128
Столбова О.В. <i>Чадская лексика, связанная с переработкой знаков (в афризийском контексте)</i>	139
Хирик Э. <i>Сериальные глагольные конструкции и их место в турецком языке (перевод с турецкого и глоссирование примеров Кадыровой О.М.)</i>	154

Академия арабского языка в Хартуме

Андрей Андреевич Блинов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
progrock1@yandex.ru, ORCID 0000-0002-9694-8706

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются история возникновения и деятельность Академии арабского языка в Хартуме, которая является ведущим языковым регулятором Судана и участвует в проведении политики арабизации вместе с Высшей комиссией по арабизации. В статье освещены цели и задачи Академии арабского языка в Хартуме, описаны ее структура и количественный состав, изложены взгляды первого президента Академии и основоположника ее идей Абдаллы ат-Таййиба, проанализированы результаты работы и современные проекты. Также отдельное внимание уделено Высшей комиссии по арабизации, занимающейся арабизацией системы высшего образования и дополняющей в этом качестве Академию арабского языка в Хартуме.

Ключевые слова: арабский язык, арабизация, академия арабского языка, Хартум, Судан, Высшая комиссия по арабизации, Абдалла ат-Таййиб

Arabic Language Academy in Khartoum

Andrey Andreevich Blinov

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
progrock1@yandex.ru, ORCID 0000-0002-9694-8706

Abstract. This paper reviews the history of emergence and activities of the Khartoum Arabic Language Academy, which serves as the leading language regulator of Sudan and takes part in conducting the Arabization policy together with the High Arabization Committee. It highlights the purposes and tasks of the Khartoum Arabic Language Academy, describes its structure and composition, outlines the views of the first Academy president and ideological leader Abdullah El Tayyib, analyzes the work results and modern projects. Special consideration is given to the High Arabization Committee, which is involved in the Arabization of the higher education system and supplements the Khartoum Arabic Language Academy in this capacity.

Keywords: Arabic, Arabization, Arabic Language Academy, Khartoum, Sudan, High Arabization Committee, Abdullah El Tayyib

1. Введение

Языковые академии по праву считаются важнейшими органами нормативного регулирования, определяющими наше понимание языковых вопросов. Они способствуют формированию мировоззрения людей относительно того, как должен выглядеть язык, хотя обычный человек практически никогда не сталкивается в своей повседневной жизни со строго регламентированными формами и конструкциями, зафиксированными в словарях. Особенно сильно это проявляется в арабском мире, где в каждой стране наблюдается сложная языковая ситуация с обилием различных диалектов и говоров, требующая принятия надлежащих мер стандартизации на основе арабского литературного языка. Исторически именно опора на литературный язык являлась системообразующим элементом политики любой языковой академии, и академии арабского языка в этом отношении не отличались от большинства других языковых академий мира. Также их деятельность на начальных этапах развития была всегда политически окрашена и продиктована необходимостью деколонизации общества после ослабления влияния европейских метрополий и становления национальной идентичности.

Как известно, политика колониальных властей ориентировалась в первую очередь на культурную модернизацию арабского общества и затрагивала в том числе языковые аспекты. Не секрет, что идея создания первой научной академии на Арабском Востоке была, собственно говоря, колониальным изобретением. Концепция «осовременивания» арабских социальных устоев так и не увенчалась успехом ввиду свержения колониальных режимов, однако благодаря этому был заложен необходимый фундамент для укрепления положения арабского литературного языка в рамках работы арабских академий, оперирующих такими понятиями, как «примитивный» и «цивилизованный», «традиционный» и «современный», «культурный» и «исторический», применительно к различным вариантам языка. В этой связи академии арабского языка как блюстители чистоты его лексического фонда были органично интегрированы в процесс модернизации. В своей работе, посвященной разновидностям арабского языка в Египте (включая арабский литературный язык), немецкий лингвист Сюзанна Штадльбауэр пишет, что «языковые идеологии таких разновидностей являются порождением прошлого и настоящего: они появились во время британского колониального правления в конце XIX в. и сохранялись в постколониальной среде посредством ведения дискуссий о чистоте классического арабского языка, лингвистической “порче” диалектов и расширении использования английского языка в качестве символа западного капитализма и современности» [Stadlbauer 2010, с. 1].

Процессы социальной и культурной глобализации привели к возникновению нетрадиционных языковых явлений в арабском языке. Национальные органы языкового регулирования восприняли эти изменения как угрозу распада единого языка, что повлекло за собой активизацию усилий для защиты арабо-мусульманского наследия, которое рассматривалось как консолидирующий фактор в борьбе с внешними воздействиями. В этом смысле на первый план в работе арабских академий вышла стабилизация норм словоупотребления на фоне появления большого количества неологизмов и нестандартных конструкций, кодификация которых осуществлялась с позиций незыблемого авторитета и престижности арабского литературного языка.

Таким образом, вышеописанные культурно-исторические реалии в значительной степени предопределили облик современных академий арабского языка. Помимо улучшения социолингвистических условий функционирования арабского языка после ухода западных колонизаторов, при которых арабский язык зачастую находился в подчиненном положении по сравнению с доминирующими европейскими языками (английским, французским, итальянским и т.д.), академии арабского языка также занимались решением проблемы диглоссии, а также общими вопросами языкового планирования и языковой политики. Первые академии арабского языка были организованы по образу и подобию своих западных предшественниц, которые создавались национальными государствами Европы начиная с XVI в. Европейские языковые академии возникли в эпоху Ренессанса в 1584 г., когда было основано первое учреждение подобного рода – Академия делла Круска во Флоренции, стремившееся очистить итальянский язык от всего наносного и неграмотного. Подобные пуристические установки прослеживались и в доктринах других академий, последовавших за флорентийской, – Французской академии, основанной в 1635 г., и Королевской академии испанского языка, основанной в 1713 г. Основополагающей идеологией европейских академий на первых порах являлся монолингвизм (одноязычие) в качестве стратегии национального строительства, подкрепляющей целостность государства. Их ключевые задачи включали распространение предпочтительной языковой нормы и стандартизацию, т.е. обеспечение единства и постоянства лингвистической структуры.

Существенное различие между европейскими языковыми академиями и их более поздними аналогами в Африке и на Арабском Востоке заключалось в том, что первые акцентировали внимание не на сохранении действующей литературной нормы (латинского языка), а на закреплении за местными нелитературными говорами в различных странах статуса общенациональных языков (главным образом романских). Напротив, академии арабского языка интересовали лишь языки с четко кодифицированными нормами, а любые нелитературные варианты, будь то диалекты, просторе-

чие или койне, отрицались и обесценивались ими как неязыковые разновидности либо в лучшем случае считались отклонением от общепринятого стандарта.

Уже в наши дни академии арабского языка впервые столкнулись с серьезной конкуренцией в области языкового регулирования со стороны различных языковых комиссий и структур, щедро финансируемых правительствами арабских государств на локальном уровне, а также популярных спутниковых каналов, таких как, например, катарский телеканал «Аль-Джазира», где регулярно транслируются программы ликвидации безграмотности и устранения распространенных ошибок. В последнее время именно они взяли на себя роль языковых регуляторов, а функции академий арабского языка значительно сократились и иногда даже стали чисто символическими из-за отсутствия достаточного финансирования со стороны правительства. Тем не менее все они по-прежнему придерживаются схожих идеологических принципов, встроенных в канву более сложной культурной политики в арабском мире.

2. История возникновения и деятельность Академии арабского языка в Хартуме

Академия арабского языка в Хартуме не настолько известна, как Академии арабского языка в Дамаске или Каире, и не обладает таким же научным весом, информация о ней редко появляется на страницах арабских газет и журналов. Она была основана намного позже других академий арабского языка и поэтому долгое время оставалась в тени своих предшественниц. Тем не менее ее деятельность представляет несомненный интерес с учетом специфики такой сложной многоязычной и полиэтнической страны, как Судан. Как справедливо отмечает отечественный арабист В.В. Шагаль, «внутренняя нестабильность в государстве, многонациональный состав населения, его этноязыковая пестрота, существование нескольких религий, смешанность культур, разнообразие исторического наследия, многовековые контакты с народами Средиземноморья и Ближнего Востока, прежде всего Египта и Аравийского полуострова, географическое расположение в окружении арабских стран и одновременно в центре Африканского материка, наличие границ, не учитывающих интересы этнических групп, высокий уровень неграмотности и другие факторы делают Судан особой социокультурной общностью, многомерность которой должна учитываться во всем ее многообразии при анализе и решении всех аспектов языкового вопроса» [Шагаль 1998, с. 125].

В рамках данной статьи мы намерены отойти от тематики изучения особенностей языковой политики и языковой ситуации в Судане или противостояния между севером и югом страны, которая была подробно

освещена в ряде предыдущих публикаций (см., в частности, следующие работы: [Блинов 2019, 2020 (2), 2020 (3)]), и рассмотреть процесс арабизации в Судане через призму достижений Академии арабского языка в Хартуме. В то же время необходимо отметить, что в момент появления Хартумской академии антагонизм между югом и севером страны достиг уже критической отметки, так что ее деятельность была направлена не столько на арабизацию Южного Судана (после того, как провалились многочисленные попытки распространить арабскую культуру среди местных негроидных племен со стороны органов государственной власти), сколько на решение языковых проблем, стоящих перед жителями Северного Судана.

Активная фаза арабизации в Судане началась в 1972 г. после заключения Аддис-Абебского соглашения между южносуданскими повстанцами и центральным правительством, когда арабский был объявлен официальным языком всей страны. Для пересмотра образовательной системы в Судане был сформирован международный комитет, который в 1975 г. рекомендовал ввести арабский язык в начальной школе, а затем и в старшей начальной школе, поскольку он был известен большинству племен Южного Судана в форме джубайского пиджин-арабика. Через семь лет арабский начал использоваться в средней школе вместо английского.

Идея о создании Академии арабского языка в Хартуме уходит своими корнями в первую половину 1980-х гг. Предтечей Хартумской академии можно считать созданный указом правительства в 1980 г. Суданский комитет по арабизации, в сферу обязанностей которого входили:

- 1) пропаганда идей арабизации, развитие арабского языка, расширение сферы его функционирования, утверждение его роли во всех сферах государственной и общественной жизни;
- 2) планирование мероприятий по осуществлению арабизации и превращению арабского языка в средство обучения на всех ступенях образования;
- 3) создание арабских терминов для использования их в науке, технике, литературе, других видах искусства и культуре вообще;
- 4) сбор имеющихся арабских терминов по всем областям знаний и внедрение их вместо иностранных терминов;
- 5) утверждение и модернизация новых терминов, участие в работе межарабских языковых центров с целью унификации терминологии;
- 6) обеспечение ведущей роли арабского языка во всей жизни суданского общества, в органах государственной власти и официальном делопроизводстве, в средствах массовой информации, во всех учреждениях, предприятиях и организациях;

- 7) поощрение научной деятельности по проблемам перевода и употребления арабского языка;
- 8) создание и издание различных словарей [Шагаль 1998, с. 143].

В декабре 1982 г., выступая на конференции по арабскому языку, президент Судана Джафар Нумейри подчеркнул важность арабского языка для системы обучения и общества в целом и объявил о планируемых шагах и мерах по его продвижению, включая: 1) учреждение Совета по языковому планированию; 2) открытие Академии арабского языка в Хартуме; 3) интенсификацию политики арабизации в области высшего образования и научных исследований.

В 1983 г. Национальный совет по высшему образованию принял целый ряд решений и рекомендаций, предписывающих внедрить политику арабизации во всех высших учебных заведениях Судана. Университетам была предоставлена относительная свобода в выработке надлежащих программ для реализации этой политики. Хартумский университет одобрил ее проведение для факультета гуманитарных наук, педагогического и юридического факультетов в том же году и предложил распространить ее на другие факультеты в следующем учебном году (1984-1985). Тем не менее политика арабизации языка обучения на уровне вузов так и не была завершена до конца. Через шесть лет реформа системы высшего образования была продолжена Академией арабского языка в Хартуме, основанной Советом командования революцией национального спасения в 1991 г. во главе с бригадным генералом Омаром аль-Баширом, который пришел к власти в результате государственного переворота и взял на себя функции правительства в тот период времени. Он также создал Высшую комиссию по арабизации в качестве государственного учреждения, занимающегося арабизацией языка обучения в системе университетского образования и дополняющую в этом качестве Академию арабского языка в Хартуме.

Хартумская академия арабского языка и Высшая комиссия по арабизации стали частью так называемого проекта *al-mašrū'u l-ḥaḍāriyyu*¹, запущенного после свержения демократического правительства Омаром аль-Баширом и объявления курса на исламизацию Судана. Его идеологом был мусульманский философ и политический деятель Хасан ат-Тураби, который стремился к модернизации страны и восстановлению национальной идентичности на базе исламских ценностей. Один из ключевых пунктов проекта предусматривал замену языка обучения в большинстве университетов, где на постоянной основе использовался английский язык. Он также наделял государственные органы полномочиями по закрытию частных школ, где велось преподавание на английском языке. Все это

¹ Досл. «цивилизационный проект».

выглядело в глазах суданцев, пришедших к власти, пережитками колониального прошлого и подлежало искоренению в рамках нового исламистского режима. Хотя *al-mašrū‘u l-ḥadāriyu* являлся по своей сути культурным проектом, распространение арабского языка в качестве официальной политики государства, закрепленной в действующем законодательстве, занимало центральное место в его программе.

Академия арабского языка в Хартуме была учреждена указом президента Омара аль-Башира в 1991 г. Ее торжественное открытие состоялось 14 января 1993 г., а через два года она вошла в Союз академий арабского языка, объединяющий все существующие академии арабского языка и координирующий их работу. Во время торжественного открытия Академии с официальной речью выступили следующие лица: 1) министр высшего образования и научных исследований Ибрагим Ахмад Омар; 2) представитель Академий арабского языка в Каире, Аммане, Багдаде и Дамаске, египетский ученый Камаль Мухаммад Дисуки; 3) президент Академии арабского языка в Хартуме Абдалла ат-Таййиб [Abdelhay 2016, с. 10].

Хартумская академия была организована по модели Каирской академии арабского языка (созданной в 1932 г.), в состав которой входил сам ат-Таййиб. Ее основной целью являлось решение вопросов, связанных с планированием лингвистических корпусов (например, рассмотрение и устранение широко распространенных ошибок в суданских арабоязычных СМИ). Хартумская академия также активно занималась изучением сложившихся форм арабского языка, стремясь официально узаконить сферы употребления арабского литературного языка.

Официальный журнал Академии арабского языка в Хартуме (*mağallatu mağma‘i l-luğati l-‘arabiyyah*) впервые увидел свет в 1996 г. В первом выпуске журнала на оборотной стороне обложки были размещены аяты из Корана, демонстрирующие особый статус арабского языка как языка ислама. Также заслуживали внимания две статьи, посвященные исправлению часто встречающихся ошибок в арабском языке (под «арабским языком» издатели журнала понимали именно литературный арабский язык). В первом выпуске журнала также были впервые представлены следующие задачи Академии:

1. Сохранение арабского языка и развитие его риторических возможностей, основывающихся на Коране, хадисах (преданиях о словах и действиях пророка Мухаммада) и поэтической традиции.
2. Проведение научных исследований в области арабского языка в качестве средства достижения этой цели.
3. Поддержание и укрепление отношений с другими академиями арабского языка посредством обмена результатами научных иссле-

- дований, отчетами и журналами, а также назначения рекомендованных ими представителей в Хартумскую академию.
4. Борьба с распространенными языковыми ошибками путем обучения основам грамматики и стилистики арабского языка.
 5. Стимулирование развития арабской науки путем поощрения научных изысканий и подготовки научных публикаций.
 6. Возрождение и распространение арабского культурного наследия в Судане.
 7. Сбор неарабских материалов и их перевод.
 8. Публикация журнала, посвященного вопросам арабизации.
 9. Продвижение и поддержка переводческой деятельности и арабизации.
 10. Содействие улучшению качества переводов путем отслеживания результатов работы других официальных учреждений, задействованных в процессе арабизации [Abdelhay 2016, с. 11].

Таким образом, если взглянуть на вышеприведенные цели Хартумской академии с позиций современной социолингвистики, то они отражали два значимых аспекта стандартизации: иерархическое упорядочивание языковых ресурсов (например, продвижение литературного арабского языка) и стилевое нормирование (лингвистическая коррекция). Отталкиваясь от «традиции представления языковых жалоб»² [Milroy 1985, с. 36], Академия указывала на то, что уровень владения литературным арабским языком в Судане неуклонно снижается, а речь дикторов новостей и учителей арабского языка переполнена солецизмами (в данном контексте ученые Академии использовали арабский термин *lahn* «нарушение грамматических норм»; см. обсуждение истории этого термина в книге палестинского ученого Ясира Сулеймана «Арабский язык и национальная идентичность: исследование идеологии» [Suleiman 2003, с. 49-55]).

Академия арабского языка в Хартуме выпустила меморандум о правилах преподавания арабского языка (*muḥakkirah 'an ta'līmi l-luġati l-'arabiyyah*), в котором говорилось, что изучение арабской грамматической традиции и литературного наследия должно поощряться и подкрепляться образовательной политикой государства. Авторы меморандума рекомен-

² Британские лингвисты Джеймс и Лесли Милрой отмечают в своей книге «Авторитетные источники в языке: исследование языкового регулирования и стандартизации» (1985), что в английском языке наблюдается традиция написания писем редакторам газет и журналов, в которых читатели жалуются на встретившиеся им языковые ошибки. Это положило начало изданию различных справочников с описанием трудностей английского языка, которые публикуются ежегодно в Великобритании начиная с 1770 г.

довали издательствам, газетам и типографиям назначить редакторов и корректоров арабского языка для исправления широко распространенных грамматических ошибок в своих публикациях. Они также предложили открыть педагогический институт для подготовки учителей арабского языка. Академия также приступила к обучению ведущих теле- и радиопрограмм литературному арабскому языку.

Академия арабского языка в Хартуме задумывалась как независимый орган, финансируемый правительством и наделенный консультативными полномочиями. Ее состав формировался из членов, которые избирались на основе их лингвистических или литературных достижений в арабском языке. Членами Академии также могли стать ученые из других стран за пределами Судана (например, входящие в состав других академий арабского языка), снискавшие признание за свои успехи в арабской лингвистике и литературе.

Хартумская академия специализировалась в вопросах нормирования и стандартизации арабского языка и развития высокой арабской культуры. Деятельность Академии не ограничивалась только университетами, где находилась ее основная целевая аудитория, но и распространялась на другие публичные сферы официального языкового употребления (например, на журналистику). Для Хартумской академии арабизация по своей сути заключалась, по меткому наблюдению Ясира Сулеймана, в «избавлении от инородных элементов в арабском языке (следов влияния европейских языков, разговорных слов и выражений и т.д.)» [Suleiman 2003, с. 11]. Время от времени Академия также проводила мероприятия, посвященные памяти выдающихся ученых в области арабской поэзии и языкознания.

3. История возникновения и деятельность Высшей комиссии по арабизации

Другим важным органом языкового регулирования в Судане являлась Высшая комиссия по арабизации, которая нередко согласовывала с Хартумской академией арабского языка свои действия и периодически дублировала ее функции. Таким образом, как Академия арабского языка в Хартуме, так и Высшая комиссия по арабизации служили проводниками идей распространения арабского языка, вне зависимости от особенностей их реализации.

В ноябре 1990 г. был издан президентский указ о начале процесса арабизации высшего образования в (Северном) Судане (в это время южная часть страны находилась в состоянии войны с центральным правительством). Высшая комиссия по арабизации была создана под эгидой министерства образования Судана. Ее первостепенной целью являлась

разработка планов и мер по арабизации языка обучения в высших учебных заведениях, а также контроль реализации этой программы совместно с органами арабизации в суданских университетах. Учреждение Высшей комиссии по арабизации способствовало достижению комплексной задачи, поставленной перед ней правительством, путем выполнения следующих шагов:

1. Координирование действий с университетами для обеспечения внедрения президентского указа об арабизации в высших учебных заведениях Судана.
2. Арабизация и унификация научной терминологии.
3. Предоставление учебников по различным научным направлениям для университетов.
4. Создание централизованной библиотеки с арабскими научными материалами в различных областях знаний.
5. Проведение и поддержка научных исследований в сфере арабизации научных терминов, распространение учебников в университетах для содействия процессу арабизации и его претворения в жизнь.
6. Разработка и распространение инструкций по написанию научных работ, переводной и издательской деятельности.
7. Поощрение и стимулирование подготовки статей и монографий, а также переводов текстов учителями и учеными.
8. Осуществление технического контроля за изданием и публикацией книг, разрешенных к выпуску.
9. Организация семинаров по арабскому языку и лингвистике для оказания помощи специалистам в подготовке собственных материалов, переводе работ других авторов и преподавании на арабском языке.
10. Составление технических словарей для различных научных областей [Abdelhay 2016, с. 13].

Как мы можем убедиться в свете вышеизложенного, в отличие от Академии арабского языка в Хартуме, обязанности которой были весьма широкими и многозначными, Высшая комиссия по арабизации была учреждена с конкретной и четко определенной целью: арабизация языка обучения в высших учебных заведениях Судана. В ее полномочия не входило возрождение арабского литературного наследия или сохранение арабского литературного языка в его первоначальном виде. В частности, даже в тех случаях, когда на ее заседаниях поднимались вопросы, касающиеся арабского языка и его языковой системы (грамматики и фонологии), они рассматривались с точки зрения содействия переводчикам и профессорам

университетов в организации преподавания на правильном арабском литературном языке, свободном от диалектизмов, заимствований и других иноязычных примесей.

Структура Высшей комиссии по арабизации включала административные подразделения и совет. Состав совета формировался из представителей суданских университетов. В университетах были созданы собственные органы или комитеты по вопросам арабизации для ввода в действие политики Высшей комиссии по арабизации и отслеживания хода ее выполнения. Наличие специализации в арабской лингвистике или грамматике не являлось обязательным условием для вхождения в состав Высшей комиссии по арабизации. Ее совет возглавил профессор инженерных наук из Хартумского университета Дафаалля ат-Тураби. На уровне университета в 1990 г. был сформирован комитет по вопросам арабизации для управления всем процессом. Политика арабизации языка обучения в университете была внедрена с учебного года 1990/1991. Плодами этих усилий стали составление и публикация стандартных технических словарей по физике, химии, гражданскому строительству, математике, сельскому хозяйству и ветеринарии, подготовка справочников по орфографии и правописанию, переводу «иностранных» имен с арабского и на арабский, распространение книг об использовании математических обозначений на арабском языке, арабизация единиц измерения, проведение и участие в работе большого количества конференций и семинаров по арабизации в Судане и арабском мире, открытие библиотеки.

Кроме того, в 1990 г. в Хартумском университете был проведен симпозиум для обсуждения введения арабского в повсеместный обиход в системе высшего образования, в результате которого было рекомендовано пересмотреть учебный план, учебники, обучающие материалы и общие цели обучения наряду с переподготовкой и повышением квалификации учителей. К этому времени в рамках системы высшего образования Судана арабский использовался в качестве языка обучения всего лишь в нескольких университетах: в филиале Каирского университета в Хартуме, программа которого базировалась на египетской образовательной модели, а также в Университете Омдурмана. Другие университеты сменили свой язык обучения с английского на арабский позднее в соответствии с политикой арабизации, объявленной новым правительством. Нельзя не признать, что это было поспешным и непродуманным решением, потому что у университетов отсутствовали учебные пособия и материалы в необходимом количестве, а некоторым учителям требовалось прохождение курсов переподготовки для преподавания на арабском языке. Также все средства массовой информации (радио, телевидение, газеты и журналы) перешли на арабский язык.

В 1994 г. в Судане прошла седьмая конференция по арабизации, которая подтвердила необходимость использования арабского языка в научных институтах, образовательных учреждениях и средствах массовой информации. Также было озвучено предложение сделать рекомендации, принятые на конференции, обязательными для всего арабского мира как на образовательном, так и на государственном уровне. Помимо этого, были приняты шаги для усиления процесса арабизации, например обмен визитами между преподавателями арабских медицинских колледжей. В 2002 г. была проведена конференция для оценки результатов арабизации в Университете Гезиры. Наконец в отчете, опубликованном посольством Судана в Южной Африке в 2004 г., были подведены итоги практической реализации политики арабизации в Судане: «К данному моменту процесс арабизации охватил все государственные высшие учебные заведения, за исключением нескольких факультетов прикладных наук только в двух университетах, где ведется работа по завершению арабизации в самое ближайшее время» [Balla 2017, с. 147].

Таким образом, в настоящее время можно сделать вывод, что в результате целенаправленных действий правительства по распространению арабского языка среди всех слоев населения (включая усилия Высшей комиссии по арабизации) уровень владения английским языком в Северном Судане значительно снизился. В своей статье 1986 г. «От школы до университета: языковая политика и эффективность в Хартумском университете» американский ученый Дэн Дуглас выявил связь между уровнем владения двумя языками (арабским и английским) и академической успеваемостью, установив, что на уровне владения английским языком сказалась арабизация средней школы в Судане. На это указывали и ряд других авторов, например суданский исследователь Таухида Хадра в своей статье «Ситуация с обучением английскому языку в Северном Судане: политика и ограничения» (1998) и американский лингвист Стивен Эндрюс в своей работе «Влияние арабизации на обслуживающую роль английского языка» (1984).

В 1990 г. арабский ученый Абдель Маджид Таха в своей статье «Арабизация высшего образования: случай Хартумского университета» пришел к выводу, что после введения арабского как языка обучения ученики стали понимать содержание лекций значительно лучше, – на этот факт указывали 81% преподавателей, а 73% студентов согласились с такой оценкой. Более того, обучение на арабском языке привело к тому, что успеваемость учащихся резко улучшилась. Примечательно, что, хотя участники исследования относились к политике арабизации сугубо положительно, она явно не способствовала развитию иностранных языков в Судане в общем и английского языка в частности. Если подводить общие результаты исследования Абдель Маджида Тахи, то оно свидетельствует о том, что

более плавный процесс арабизации позволил бы улучшить успеваемость студентов по английскому языку и скорректировать учебные задачи, не допустив падения уровня владения английским языком до критической отметки.

В данном контексте необходимо сказать об аналогичном исследовании, которое проводилось в Американском университете в Бейруте, где в 1991 г. был организован любопытный эксперимент [Balla 2017, с. 147]. Студенты были разделены на две группы обучения, одна из которых использовала английский язык для изучения определенного научного предмета, а другая – арабский. Как следствие, студенты, обучение которых проводилось на арабском языке, продемонстрировали лучшие результаты. На втором этапе эксперимента оценивались навыки понимания текста студентами – и снова группа, использовавшая арабский язык вместо английского, добилась успеха.

В целом это показывает благожелательное отношение арабов к программе арабизации высшего образования в Судане. Конечно, иногда встречались и обратные примеры. Например, в 1993 г. научный совет медицинского факультета в Хартумском университете открыто проигнорировал решение о проведении политики арабизации и вернулся к обучению на английском языке. Как отмечает британский ученый Питер Кандела в своей статье «Научное неповиновение в Судане» (1993), бывший вице-президент Хартумского университета Музаффир Тингари поощрял преподавание на английском языке и критиковал правительство за нехватку финансирования для расширения процесса арабизации.

Если внимательно проанализировать результаты деятельности Высшей комиссии по арабизации в Судане, то их можно признать весьма успешными, так как арабизация университетского образования в стране была завершена практически до конца. Как резюмирует Стивен Эндрюс, «хотя динамика арабизации была сопряжена с проблемами, она также помогла ограничить наши возможности и заставила принять трудные, но необходимые решения» [Andrews 1984, с. 185].

4. Абдалла ат-Таййиб как основоположник идей Академии арабского языка в Хартуме

Первым президентом Академии арабского языка в Хартуме был избран Абдалла ат-Таййиб (1921-2003). Абдалла ат-Таййиб окончил Хартумский университет и защитил докторскую диссертацию в Лондонском университете в 1950 г. Он являлся обладателем многих наград в области лингвистики, в том числе лауреатом Международной премии короля Фейсала по арабскому языку и литературе, которую он получил в 2000 г. за свою эпохальную работу «Руководство к пониманию арабской

поэзии». Его фигура олицетворяла собой арабскую интеллектуальную мысль. Абдалла ат-Таййиб последовательно отстаивал позиции арабского языка, считая его кодифицированный литературный вариант идеалом, к которому должны стремиться все арабские ученые, поэтому он критиковал другие органы регулирования арабского языка, которые, по его мнению, не обладали достаточным уровнем знаний в области коранических наук и арабской грамматической традиции.

Абдалла ат-Таййиб утверждал, что атака на арабский язык и его письменность, проводившаяся под девизом «модернизации» и «реформирования» в Судане, имела своей целью отдалить арабский язык от арабомусульманского наследия [at-Taayib 1996 (9), с. 14]. Он также отмечал, что призывы латинизировать арабскую письменность были частью планируемой «войны» против арабского языка, арабизма и исламского наследия. Поэтому реформа орфографии не была включена в список целей Академии арабского языка в Хартуме из-за ее несомненного символического значения, имеющего огромную культурно-историческую ценность.

Кроме того, ат-Таййиб придерживался мнения, что незнание большей части аятов Корана, учения пророка и арабской (рифмованной) поэзии стало результатом посягательства на методику запоминания, используемую преподавателями при обучении священным текстам в Судане [at-Taayib 1996 (9), с. 14]. Он также был враждебно настроен к современной поэзии, считая, что она увеличивает разрыв между Кораном и арабским языком – «языком нации, являющимся воплощением ее гордости и славы» [at-Taayib 1996 (8), с. 75]. Кроме того, он не одобрял выполнение переводов с английского языка на арабский учеными и преподавателями университетов без надзора со стороны Академии, считая, что это ослабляет связь с арабомусульманским наследием. Подобные взгляды отражали попытку арабского литератора найти оптимальный баланс между необходимостью контроля качества переводов и стремлением догнать Запад в научно-технологической сфере.

В отношении арабизации аргументация ат-Таййиба сводилась к тому, что модернизаторы стремятся сорвать процесс арабизации посредством ее дистанцирования от ислама и арабского литературного наследия. Как следствие, согласно его точке зрения, арабизация в некоторых странах недостаточно арабизирована, ввиду чего задача Хартумской академии состоит в том, чтобы «арабизировать арабизацию» (lā budda minā l-'i'rāb li-t-ta'īb). При этом он критиковал даже Высшую комиссию по арабизации, которая, по его мнению, недостаточно усердно выполняет свои обязанности по арабизации Судана, что выразилось в незримом конфликте между двумя языковыми регуляторами страны, возникшем на почве недостаточной «литературности» арабского литературного языка.

Абдалла ат-Таййиб был убежден, что для обеспечения эффективной арабизации в арабском мире арабские языковые академии и другие органы, регламентирующие арабский язык (например, Высшая комиссия по арабизации), должны признать главенствующую роль Корана и арабской грамматической традиции при проведении данной политики. Он считал, что арабизация может осуществляться двумя способами. Первый, более длительный способ предполагал составление арабских педагогических материалов, ориентированных на язык Корана и описывающих арабские лексико-грамматические процессы, которые впоследствии будут использоваться в качестве основы для создания научных неологизмов и выполнения переводов. С другой стороны, более короткий способ предусматривал организацию курсов обучения арабскому языку для тех, кто соприкасается с ним в технических областях. Содержание курса должно было включать принципы арабской грамматики, обсуждение сюжетов из арабских литературных произведений, чтение и толкование Корана [at-Tauiib 1996 (8), с. 82].

Идеи Абдаллы ат-Таййиба были подхвачены Академией арабского языка в Хартуме и стали важнейшей составляющей ее стратегии развития. Несмотря на то что приоритетным направлением работы Хартумской академии всегда считалось планирование корпуса арабского языка, т.е. массива языковых данных, предназначенного для решения конкретных лингвистических задач и оценки фактических примеров, эти практики использовались в целях поддержания образа арабского как «чистого» и «неиспорченного» языка. Академия смотрела на арабский язык не как на средство коммуникации, а как на символический код, служащий отражением религии и истории арабов, отождествляя непогрешимый Коран с арабским языком.

Соответственно, с точки зрения Академии арабского языка в Хартуме любая серьезная попытка арабизации должна была неукоснительно соответствовать кораническому стилю, учению пророка (хадисам) и арабской литературной традиции. Например, Хартумская академия представила суданскому правительству докладную записку по арабскому языку, в которой пожаловалась на то, что арабским философским исследованиям уделяется слишком мало внимания, а другим областям науки, таким как инженерное дело и медицина, наоборот, – слишком много [at-Tauiib 1996 (10), с. 48]. Академия также придавала особое значение арабскому языку в его письменной форме и основанным на нем лексико-грамматическим правилам (например, литературному наследию, стандартизации, грамматике, лексическому фонду), противопоставляя его сложившейся в Судане ситуации диглоссии и диалектам, что вылилось в ассоциацию письменной формы с правильностью и чистотой, с одной стороны, а разговорной формы с «порчей» и «загрязнением» языка – с другой. При этом не учитывалось, что интенсивная политика арабизации никогда не приводила к

полному устранению автохтонных языков, а могла вызвать, напротив, противодействие местных народов, чувствующих угрозу своей национальной идентичности со стороны арабского языка. Как следствие, арабизация нередко имела обратный эффект, т.е. возрождение и стандартизация родных языков, развитие которых становилось прерогативой не узкоспециализированных лингвистов, а политических активистов. В подобных случаях появление и выход на первый план языков коренных народов парадоксальным образом становилось результатом самой арабизации.

Академия также не принимала в расчет, что процесс арабизации часто приводил к фрагментации и дроблению арабского языка ввиду его использования на слишком обширной территории. В 1975 г. такую мысль высказал профессор арабского языка в Хартумском университете Аун аш-Шариф Касим: «Люди являются порождением своей среды и поэтому подвергаются непрерывному воздействию. <...> В данном случае примечательно, что разновидностью арабского, в максимальной степени подверженной изменениям, является ничто иное, как арабский литературный язык, который был навязан определенным арабским племенам в результате влияния конкретных исторических и социальных факторов (и который в этом отношении был искусственной формацией, особенно если мы взглянем на него вне исторических и социальных условий его развития)» [Qasim 1975, с. 94].

Таким образом, именно Абдалла ат-Таййиб заложил основу политики Академии арабского языка в Хартуме на ближайшие несколько десятилетий. После его смерти в 2003 г. президентом Хартумской академии стал известный суданский поэт и писатель Али Ахмад Мухаммад Бабакр, который до этого возглавлял Исламский университет Омдурмана в течение 12 лет. Впоследствии его сменил на этом посту Хасан Башир Садик, автор многочисленных критических работ в области толкования Корана, джахилийской поэзии и арабо-мусульманской литературы. В настоящее время президентом Академии является профессор лингвистических и грамматических исследований Бакри Мухаммад аль-Хадж, бывший декан факультета арабского языка Исламского университета Омдурмана в Судане и Института исламских исследований им. Султана Кабуса в Салале (Оман), который вступил в должность в 2017 г.

5. Современный состав и деятельность Академии арабского языка в Хартуме

Согласно действующему уставу Академии арабского языка в Хартуме, в ее состав входят 60 членов: 50 суданских и 10 иностранных ученых, основной специализацией которых являются арабский язык и литература. Она включает в себя следующие отделы: отдел словарей и

терминологии, отдел арабского языка и местных диалектов, отдел перевода и библиотек, отдел информации, печати, издательского дела и информатики, отдел прикладных наук и литературы.

В Хартумской академии проходят регулярные семинары и лекции, посвященные арабскому языку и литературе, с участием приглашенных профессоров из ведущих университетов Судана и других стран. Ежегодно устраивается празднование Международного дня арабского языка, который, как известно, отмечается 18 декабря. Академия сотрудничает с другими языковыми академиями арабского мира и вносит свои предложения по составлению словарей, унификации терминологии и популяризации арабского языка. В частности, один из последних проектов Академии предусматривает создание единого универсального сертификата на знание арабского языка по аналогии с другими языками (например, английским, французским и т.д.). Планируется выдача двух видов сертификатов – «Дад 1» и «Дад 2», подтверждающих базовый и продвинутый уровень владения арабским языком и напоминающих по своему содержанию схожие англоязычные сертификаты IELTS, TOEFL и т.д. Название этих сертификатов связано с одной из букв арабского алфавита, являющейся предметом гордости всех арабов и не имеющей аналогов в других языках.

Академия арабского языка в Хартуме уже подготовила ряд обучающих пособий для подготовки к сдаче экзаменов с целью получения этих сертификатов (четыре учебника для сертификата «Дад 1», шесть учебников для сертификата «Дад 2»), а также организовала серию учебных курсов, ориентированных на африканские народности Судана, плохо знающие арабский язык. Экзамены будут приниматься общеарабскими организациями, например Союзом академий арабского языка. Предложение Академии было передано на рассмотрение в Каирскую академию, а затем и в Союз академий арабского языка и Лигу арабских государств, где получило первоначальное одобрение и было направлено для доработки в Организацию Лиги арабских государств по вопросам образования, культуры и науки (АЛЕКСО).

Еще одной серьезной проблемой остается унификация терминологии, которая отличается в регионах Машрика и Магриба, что иногда приводит к казусам при участии самих арабов в различных зарубежных конференциях, где они не могут прийти к единому мнению по поводу выбранной терминологии. В этой связи Академия арабского языка в Хартуме предлагает создать Национальную академию арабского языка, которая бы включала по одному представителю от каждой арабской страны. Прообразом такой академии она видит Союз академий арабского языка. Подобное предложение представляется весьма целесообразным, ведь, по сути дела, каждая академия арабского языка отвечает в первую очередь за языковую политику конкретной страны, стандартизацию местных терми-

нов и утверждение словарей, однако для достижения успеха в области унификации терминологии требуется согласование усилий с другими академиями арабского языка, которых зачастую оказывается явно недостаточно для получения действенного результата. В этом смысле Союз академий арабского языка, консолидирующий работу всех ведущих языковых регуляторов в арабском мире, идеально подходит на данную роль.

Особое внимание Академия арабского языка в Хартуме уделяет развитию информационных технологий, считая уровень проникновения арабского языка в киберпространство весьма незначительным и несоизмеримым с величиной арабской нации. Уже традиционной для Академии стала Международная конференция по информатике и инженерии, приуроченная к празднованию Дня арабского языка, на которой обсуждаются эффективные способы внедрения арабского языка в компьютерные системы и программы. Изучением этой темы в Академии занимается специальный отдел. Также в 2018 г. был вновь запущен официальный сайт Академии после того, как его работа была приостановлена в 2015 г. Помимо этого, особый интерес представляет общенациональный проект по арабскому компьютерному языку, развиваемый Академией, который основывается на накопленном опыте других стран в этой сфере: лексической базе данных, собранной Рабатским университетом Мухаммада V в 1978 г., саудовском банке компьютерных терминов, банке терминов, составленном Иорданской академией арабского языка в 1985 г., а также банке терминов и универсальном компьютерном словаре, подготовленных Рабатским управлением по координированию арабизации в 2000 г. Алжирский профессор Масуда бин ан-Науи насчитал 11 словарей такого рода в своем исследовании «Усилия отдельных лиц и групп по разработке словарей компьютерных терминов на арабском языке» (2014).

В деле распространения арабского языка Академия арабского языка в Хартуме сотрудничает с министерством высшего образования и научных исследований, принуждая частные и иностранные школы, находящиеся на территории Судана, следовать национальной учебной программе по арабскому языку. Академия также контролирует освоение новых научных терминов и знаний, которое должно осуществляться только при условии неукоснительного соблюдения норм арабского языка. Кроме того, она поддерживает контакты с министерством иностранных дел для распространения культуры Судана за рубежом (например, на международных форумах по арабскому языку) во исполнение Резолюции Генеральной ассамблеи ООН № 3190, закрепившей за арабским статус официального языка этой организации. В планы Академии также входит расширение полномочий посольств Судана, которые, помимо выполнения основных функций, должны играть роль официальных амбассадоров арабского языка за пределами страны. В дополнение к этому Академия арабского языка в

Хартуме предлагает разместить в суданских посольствах за рубежом традиционные и электронные библиотеки с книгами на арабском языке, а также открыть центры приема международных экзаменов по арабскому языку, в том числе для получения запланированных сертификатов «Дад 1» и «Дад 2».

Также совместно с другими академиями, входящими в Союз академий арабского языка, Хартумская академия занимается разработкой всеобъемлющего исторического словаря, в котором прослеживаются изменения значений арабских слов с древнейших времен и до наших дней. Идея этого проекта родилась еще в 1932 г., когда состоялось открытие Академии арабского языка в Каире, однако была возрождена эмиром Шарджи Султаном бин Мухаммадом аль-Касими, который основал для ее осуществления Академию арабского языка в Шардже в 2016 г. По словам действующего президента Академии арабского языка в Хартуме Бакри Мухаммада аль-Хаджа, такая работа может занять от 15 до 20 лет с использованием технологии искусственного интеллекта, значительно ускоряющей процесс выделения корней слов. Тем не менее, как отмечает аль-Хадж, такой срок не является завышенным по сравнению с другими языками, например английским, где для создания подобного словаря понадобилось 70 лет, а в случае некоторых других языков – 50 лет. В 2021 г. было представлено 17 первых томов словаря, составление которого осуществляется в ОАЭ под покровительством эмира Шарджи Султана бин Мухаммада аль-Касими. Окончание работы намечено на 2026 г., объем словаря составит без малого 70 томов. Академия арабского языка в Хартуме внесла свой посильный вклад в подготовку научной структуры исторического словаря, над которым трудились 40 специальных редакторов, выделивших 300 из нескольких тысяч арабских корней, включенных в словарь.

Знаменательным событием в жизни Хартумской академии арабского языка стало принятие отдельного закона, регулирующего ее работу. Разработка закона началась еще в 2005 г., однако прекратилась в силу различных причин и была возобновлена только в 2016 г. В 2018 г. он был представлен на рассмотрение в министерство высшего образования Судана. В законе перечислены основополагающие цели Академии, такие как сохранение целостности арабского языка, соответствие арабского языка требованиям современной жизни, изучение истории арабской нации и обеспечение взаимодействия арабской культуры с культурами других стран, разработка научных терминов, содействие движению арабизации, перевод научных работ с арабского на другие языки, исследование старых и новых диалектов, а также их связи с литературным языком, исследование языков Судана неарабского происхождения, рассмотрение распространенных ошибок в СМИ, пересмотр учебных программ общего и университетского образования, расширение присутствия арабского языка на международной арене.

Кроме того, Академия арабского языка в Хартуме продолжает проведение политики усиленной арабизации во исполнение решения президента Судана от 1991 г. о всеобщей арабизации страны. Так, одним из предложений Академии, внесенных в министерство высшего образования Судана, является присвоение ученым профессорского звания только при условии написания книги на арабском языке либо перевода книги на арабский язык по их основной специальности. Также не допускается создание новых частных и иностранных высших учебных заведений до тех пор, пока они не докажут свою приверженность суданской национальной политике по арабизации высшего образования.

Литература

1. Блинов А.А. Языковая политика Судана в первой половине XX в. // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2019. № 5. С. 161-173.
2. Блинов А.А. Современная языковая ситуация в Южном Судане // *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 27. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Азии и Африки*. 2020. С. 5-25.
3. Блинов А.А. Языковая политика Судана во второй половине XX века // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2020. № 2. С. 41-51.
4. Шагаль В.Э. *Арабские страны: язык и общество*. РАН. Ин-т востоковедения. М.: «Вост. лит.» РАН, 1998. — 279 с.
5. Abdelhay, Ashraf, Eljak, Nada, Mugaddam, AbdelRahim and Sinfree, Makoni. Arabicisation and the Khartoum Arabic Language Academy // *The Journal of North African Studies*. Vol. 21. Abingdon: Routlrdge. 2016. P. 1-26.
6. Andrews, Steven. The Effect of Arabicization on the Role of Service English // John M. Swales and Hassan Mustafa (eds.), *English for Specific Purposes in the Arab World*. Birmingham: The University of Aston, 1984. P. 172-183.
7. an-Nawi, Mas'ūdah Bin. Ġuhūdu l-'afrād wa l-ġamā'āt fī waḍ'ī ma'āġimi muṣṭalahāti l-ḥāsūbiyyāt fī l-luġati l-'arabiyyah // *Al-luġatu l-'arabiyyah*. Al-'adad 17. Al-Ġazā'ir: al-maġlisu l-'a'lā li-l-luġati l-'arabiyyah, 2015. Š. 129-154.
8. aṭ-Ṭayyib, 'Abdallah. Ḥawāṭir 'ani l-luġati l-'arabiyyah wa ta'līmihā // *Maġallatu maġma'ī l-luġati l-'arabiyyah*. Al-'adad 1. Al-Ḥartūm: maġallatu maġma'ī l-luġati l-'arabiyyah, 1996. Š. 73-85.
9. aṭ-Ṭayyib, 'Abdallah. Lā budda mina l-'i'rāb li-ta'rīb // *Maġallatu maġma'ī l-luġati l-'arabiyyah*. Al-'adad 1. Al-Ḥartūm: maġallatu maġma'ī l-luġati l-'arabiyyah, 1996. Š. 14-17.

10. aṭ-Ṭayyib, ‘Abdallah. Muḏakkirah ‘an ta’līmi l-luġati l-‘arabiyyah // *Maġallatu maġma’i l-luġati l-‘arabiyyah*. Al-‘adad 1. Al-Ḥartūm: maġallatu maġma’i l-luġati l-‘arabiyyah, 1996. S. 47-48.
11. Balla, Asjad. A Review of Arabicization as a Controversial Issue of Language Planning in the Sudan // *English Language and Literature Studies*. Vol. 7. No. 2. Toronto: Canadian Center of Science and Education, 2017. P. 144-150.
12. Douglas, Dan. From School to University: Language Policy and Performance at the University of Khartoum // *International Journal of Sociology of Language*. Vol. 61. Berkeley: University of California Press, 1986. P.-89-122.
13. Hadra, Tawheeda. The Situation of Teaching English in Northern Sudan: Policies and Constraints // *Sudan Notes and Records*. Vol. 11. Khartoum: University of Khartoum, 1998. P. 37-51.
14. Kandela, Peter. Academic Defiance in Sudan // *The Lancet*. Vol. 342(8862). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 44-45.
15. Milroy, James and Milroy, Lesley. *Authority in Language: Investigating Language Prescription and Standardisation*. London: Routledge and Kegan Paul, 1985. — 208 p.
16. Qasim, ‘Awn aš-Šarīf. Sudanese Colloquial Arabic in Social and Historical Perspective // Sayyid Hurreiz and Herman Bell (eds.). *Directions in Sudanese Linguistics and Folklore*. Khartoum: Khartoum University Press, 1975. P. 94-101.
17. Stadlbauer, Susanne. Language Ideologies in the Arabic Diglossia of Egypt // *Colorado Research in Linguistics*. Vol. 22. Boulder: University of Colorado, 2010. P. 1-19.
18. Suleiman, Yasir. *The Arabic Language and National Identity: A Study in Ideology*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. — 288 p.
19. Taha, Abdel Mageed. The Arabicization of Higher Education: The Case of University of Khartoum // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, Vol. 11(4). Abingdon: Routledge, 1990. P. 291-305.

Фонетическая транскрипция

Согласные звуки:

ب – b	ز – z	ق – q
ء – ’	س – s	ك – k
ت – t	ش – š	ل – l

ث – <u>s</u>	ص – <u>ş</u>	م – <u>m</u>
ج – <u>ğ</u>	ض – <u>đ</u>	ن – <u>n</u>
ح – <u>h</u>	ط – <u>ţ</u>	ه – <u>h</u>
خ – <u>h</u>	ظ – <u>ž</u>	و – <u>w</u>
د – <u>d</u>	ع – ‘	ى – <u>y</u>
ذ – <u>ž</u>	غ – <u>ğ</u>	
ر – <u>r</u>	ف – <u>f</u>	

Гласные звуки:

Краткие:	Долгие:
a, i, u	ā, ī, ū

**Употребление показателей множественного числа
-nta и -nta в тохарском В языке**

Максим Владимирович Выжлаков

Университет Палацкого в Оломоуце, Оломоуц, Чехия,
m.v.vyzhlakov@gmail.com, ORCID 0000-0002-7813-6640

Илья Борисович Иткин

Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
ilya.borisovich.itkin@gmail.com, ORCID 0000-0003-2143-6666

Аннотация. В статье рассматриваются правила употребления и акцентные свойства двух частотных тохарских В суффиксов множественного числа: *-nta* и *-nta*. Показано, что выбор того или иного суффикса зависит от целого ряда факторов: значения слова, количества слогов в исходной основе, ее ауслота, места ударения, а отчасти – и от этимологии (заимствования из санскрита в некоторых случаях ведут себя иначе, чем все остальные лексемы).

Ключевые слова: тохарский В язык, морфология, множественное число, ударение, диссимилиация, многофакторное распределение, заимствования

**The usage of plural endings
-nta and -nta in Tocharian B**

Maksim V. Vyzhlakov

Palacký University Olomouc, Olomouc, Czechia,
m.v.vyzhlakov@gmail.com, ORCID 0000-0002-7813-6640

Илья В. Иткин

Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ilya.borisovich.itkin@gmail.com, ORCID 0000-0003-2143-6666

Abstract. In this paper, we analyze the rules of usage and the accentual features of two frequent Tocharian B plural suffixes: *-nta* and *-nta*. We show that choosing between either suffix depends on a series of factors: the semantics of the word, the number of syllables in the original stem, its auslaut, the position

of accent, and partly, the etymology (the loanwords from Sanskrit sometimes behave differently from the other lexemes).

Keywords: Tocharian B, morphology, plural, accent, dissimilation, multifactorial distribution, loanwords

0. Введение

Тохарские языки отличаются большим разнообразием моделей склонения существительных. Важнейшая особенность системы субстантивного словоизменения состоит в разделении существительных на два типа: в типе I формы номинатива и аккузатива множественного числа всегда совпадают, и, таким образом, можно говорить просто о показателе мн. ч., в типе II – всегда различаются [Бурлак, Иткин 2013а: 410; 2013б: 456]. Двумя наиболее частотными и продуктивными показателями мн. ч. у слов типа I в тохарском B (западнотохарском) языке являются суффиксы *-nta* и *-nta*. Первый из них к настоящему моменту засвидетельствован примерно у 250 лексем, второй – примерно у 80. Как суффикс *-nta*, так и суффикс *-nta* широко представлены в том числе в санскритских заимствованиях, которыми изобилуют тохарские тексты.

Несмотря на то, что в предшествующих работах имеются важные наблюдения, касающиеся правил употребления показателей *-nta* и *-nta* (см. ниже), их систематическое сопоставление, насколько нам известно, ранее не проводилось. В настоящей статье мы предпринимаем попытку:

- рассмотреть весь имеющийся в этой области материал;
- там, где это возможно, сформулировать правила распределения суффиксов *-nta* и *-nta*;
- охарактеризовать область вариативности, в которой между двумя суффиксами имеется конкуренция;
- описать акцентные свойства слов, образующих формы мн. ч. с суффиксами *-nta* и *-nta*, и самих этих форм.

В тох. B имеются следующие гласные фонемы: /ā/ (предположительно – долгое *a*), /ä/ (редуцированный гласный типа шва, возможно, несколько опередненный), /e/, /o/, /i/, /u/. Имеются также дифтонги; вопрос о количестве и реальном фонетическом качестве тох. B дифтонгов сложен (см. специально [Peuget 2008: 41-52]), однако для наших целей достаточен чисто графический подход, позволяющий рассматривать как дифтонги диакритики *ai* и *au*. Стечения гласных в тохарских языках безусловно запрещены.

При этом в тох. B реконструируется разноместное динамическое ударение, правила постановки которого не могут быть заданы какой-либо

простой формулой типа той, которая релевантна, например, для латыни. В большинстве тох. В текстах гласный /ā/ записывается как ā под ударением и как a без ударения. Гласный /ä/ записывается как a под ударением (кроме позиции перед глайдами: /áyu/ дает iy, а /áw/ – uw) и как ä без ударения в закрытых слогах; в открытых слогах безударное ä выпадает. Поскольку никакого «другого» a, которое не было бы вовлечено в чередования ā ~ a и a ~ ä/Ø, в исконной тох. В лексике нет, можно сделать вывод об отсутствии в западнотохарском особой фонемы /a/.

Таким образом, в «классических» и поздних тох. В текстах невозможно написание ä в открытом слоге, а также написание в одной словоформе более чем одного ā. Имеется, однако, группа рукописей, в которых ударное /ä/ может записываться как ä, а безударное /ā/ – как ā. Согласно концепции П. Штумпфа и М. Перо [Stumpf 1990; Peyrot 2008], такие рукописи следует рассматривать как архаические. Хотя хронологическая трактовка данной особенности не является единственно возможной, мы для простоты будем следовать именно ей.

Особых фонем /ī/, /ū/ нет, однако долгие i и u нередко пишутся на месте соответствующих кратких – как правило, под ударением, но иногда и в безударной позиции.

Как явствует из вышеизложенного, несмотря на отсутствие в тохарских текстах специальных акцентных знаков, во многих словоформах место ударения можно определить по их вокалическому составу.

Морфонологическое представление показателей *-nta* и *-nma* не очевидно. Если косвенная основа заканчивается на согласный, между этим согласным и суффиксом мн. ч. может появляться гласный ä (под ударением – a). Статус этого гласного неясен: часть основы? часть суффикса? эпентеза? Поскольку после сонорных, а в редких случаях – и после шумных ä может отсутствовать, мы придерживаемся именно этой последней трактовки, то есть рассматриваем оба суффикса как начинающиеся на кластер: {-ntā}, {-n mā}.

Задача составления исчерпывающего списка лексем, образующих мн. ч. с суффиксами *-nta* и *-nma*, в настоящее время невыполнима: тезаурус западнотохарского языка не существует, многие тексты не опубликованы, а частично даже фактически не прочитаны. Для форм на *-nta* наиболее представительной до настоящего времени остается подборка в [Melchert 2000: 53-54], составленная на основе первого издания авторитетного тох. В словаре Д.К. Адамса [Adams 1999]; тем не менее, эта подборка весьма неполна. При сборе материала мы пользовались прежде всего вторым, “revised and greatly enlarged”, изданием словаря Адамса [Adams 2013], а также собранием текстов на специализированном

тохаристическом сайте [CEToM]. Несколько ранее неизвестных форм были выявлены непосредственно нами.

В основной части статьи классы основ перечисляются не в соответствии с каким-либо формальным признаком, а по принципу «от простого к сложному» – от тех случаев, когда правила выбора одного из показателей мн. ч. тривиальны, до таких, для которых характерны конкуренция и прямая вариативность. Внутри каждого класса лексемы разбиты на две категории: «Общий случай» и «Санскритизмы»¹. Под рубрикой «Общий случай» объединены исконно тохарские слова, а также заимствования из любых «не-индоарийских» источников (иранских, тюркских, китайского); сюда же, разумеется, попадают многочисленные слова, этимология которых неизвестна или спорна. Поскольку явно выраженных различий между исконной лексикой и заимствованиями, относящимися к этой группе, с точки зрения правил выбора суффиксов *-nta* и *-nma* не обнаруживается, сведения об этимологии в настоящей работе не приводятся. Под рубрикой «Санскритизмы» объединены слова, несомненно восходящие к буддийскому санскриту (иногда, возможно, через посредство пали или праkritов). Такие слова в обоих тохарских языках отчасти обладают собственной грамматикой; достаточно сказать, что только в них встречаются отсутствующие в собственно-тохарской графической системе согласные *kh*, *g*, *gh*, *ch*, *j*, *jh*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *ṇ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *ph*, *b*, *bh* и *v* (о том, как подобного рода неосвоенные заимствования реально произносились тохарами, можно лишь строить догадки). Гласные *a* и *ā* в санскритизмах употребляются непосредственно даже в «классических» текстах – по-видимому, вследствие конкуренции двух разнонаправленных принципов: «писать *a* и *ā* в зависимости от ударения» и «писать *a* и *ā* в соответствии с оригиналом». Иногда за счет этой непоследовательности создается иллюзия псевдо-«чередований» вроде *acār* ‘правило, правильность’ (< скр. *ācāra-*) – N-Асс Pl *ācārānta*.

Для всех классов основ, как правило, приводятся все известные примеры. Единственное исключение составляют многочисленные (более 30 случаев) и совершенно однотипные формы на *-nta* от абстрактных существительных с суффиксом *-āññe* ~ *-ñe*: такие формы приведены выборочно (отметим, что формы мн. ч. таких существительных не даются и в словаре Д.К. Адамса).

Словоформы номинатива-аккузатива ед. ч. с нулевым окончанием и мн. ч. с показателями *-nta* и *-nma* приводятся без соответствующих грамматических помет. Знак * после таких словоформ означает, что эти слово-

¹ Если в том или ином параграфе соответствующие указания отсутствуют, все перечисленные в нем лексемы относятся к категории «Общий случай».

формы непосредственно в текстах не засвидетельствованы, а восстанавливаются на основе других форм – косвенных падежей, производных прилагательных и др. Иногда более наглядным оказалось не прибегать к реконструкции, а привести реально засвидетельствованную форму как таковую. В ряде случаев после показателя мн. ч. следует либо обрыв текста, либо частично утраченная и не читаемая однозначно акшара, а после нее – опять-таки обрыв текста. При такого рода повреждениях невозможно определить, имеем ли мы дело непосредственно с формой N-Асс Pl или с какой-либо косвенной формой. Для случаев первого типа в статье используется запись вида *ośanma* ///, для случаев второго типа – запись вида *śatrenta* [-] ///. Формы, отсутствующие в словаре Д.К. Адамса, предваряются надстрочным знаком ⁻, если они известны по работам других исследователей, и надстрочным знаком ⁺, если они впервые привлекаются к рассмотрению нами. Такие формы обязательно снабжаются указанием адреса²; впрочем, мы старались указывать адрес во всех случаях, когда поиск соответствующей словоформы в тохаристических источниках может быть по каким-то причинам затруднен. Формы, приведенные в словаре [Adams 2013] и недоступные проверке по текстам, цитируются со ссылкой на этот словарь.

Различия в отражении безударных гласных между архаическими и остальными текстами и колебание *i, u ~ ī, ū* составляют лишь малую часть факторов, обуславливающих чрезвычайно высокую вариативность графического облика тох. В словоформ. Если та или иная словоформа засвидетельствована в нескольких вариантах, мы обычно приводим лишь один из них, по возможности – наиболее «стандартный»; другие написания приводятся в том случае, если они несут какую-либо важную в том или ином отношении информацию.

1. Личные существительные

Существительные, обозначающие людей и сверхъестественных существ, могут принимать только суффикс *-nta*.

Общий случай:

amāc ‘визирь’ – *amācānta*

kāṣṣī ‘учитель’ – *kāṣṣīnta*

poysī ‘Всезнающий (эпитет Будды)’ – *poysīnta*

moko ‘старейшина (?)’ – *mokonta*

² О принятой в настоящее время системе адресов тохарских текстов см. [Malzahn 2007].

mciṣke ‘принц’ – *mciṣkanta* (соотношение форм ед. и мн. ч. нестандартно)

возможно, также

tāś ‘вождь, начальник’ – (?) Perl Pl *+taśśantasa* (IOL Toch 411 b3)

Санскритизмы:

*aptsar** ‘апсара, небесная танцовщица’ – *-aptsarnta* (ТНТ 1389.d a1) [Tamaï 2007]

aśari ‘учитель’ – *aśarinta**

cakkravārtti ‘царь – владыка мира’ – *-cakkravārti(nta)* (PK AS 17D b4)

*devarṣi** ‘божественный мудрец’ – *devarṣinta*

*brahmacāri** ‘брахман-ученик’ – *-brahmacārinta* (ТНТ 1249 b4) [Tamaï 2007]

*mahārṣi** ‘великий мудрец’ – *maharṣinta*

viṣnu ‘Вишну (имя бога)’ – *viṣnunta*

*śuddhavāś** ‘разновидность божеств’ – *śuddhavāśanta*

*ṣaḍvargi** ‘член одной из монашеских групп’ – *ṣaḍvarginta*

В дальнейшем при обсуждении правил употребления суффиксов *-nta* и *-nta* личные существительные не учитываются.

2. Основы на *-o*

В этой и двух следующих группах также представлен только суффикс *-nta*.

Общий случай:

okaro ‘разновидность лекарственного растения’ – *okronta* [Adams 2013, т. I: 114]

oko ‘плод’ – *okonta*

kāko ‘приглашение’ – *kakonta*

krāso ‘огорчение’ – *krasonta*

traṅko ‘грех’ – *trāṅkonta*

parso ‘письмо’ – *pārsona*

palsko ‘мысль’ – *pālskonta*

pintsamonta pl.t.? ‘рыбья чешуя’

pilko ‘взгляд’ – *pilkonta*

yarpo ‘заслуга, добродетель’ – *yārpona*

raso ‘пядь’ – *rsonta* ~ *rāsonta* (ТНТ 1662 b1; архаический текст)

wartto ‘лес’ – *wārttonta*

ṣiko ‘шаг’ – *ṣikonta**

Санскритизмы: примеров нет.

3. Основы на дифтонг

Основы этого типа следует отличать от отглагольных имен на *-ai*, *-āi* /*āw*/ (см. ниже, п. 8).

Общий случай:

trau ‘мера объема’ – *traunta*

Санскритизмы:

*asaṃkhyai** ‘неисчислимый период времени’ – *asaṃkhyainta*

nrai ‘ад’ – *nrainta*

viṣai ‘область чувств’ – *viṣainta*

4. Основы на *-a* /*ā*/

Общий случай:

piśāka ‘50’ – *piśakānta*

śalna ~ *śalla* ‘ссора’ – *śalānta*

формально также *śaiyu* ‘мелкий рогатый скот’ – *śānta* (соотношение форм ед. и мн. ч. уникально)

Санскритизмы: надежных примеров нет.

Д.К. Адамс [Adams 2013, т. I: 160] предполагает, что неясная форма *kantānta* (ТНТ 1310 b5) представляет собой N Pl от *kānta** – заимствования из скр. *kānta*- ‘возлюбленный’. Однако оформление такого заимствования по типу основ на *-a* было бы крайне необычным: другие подобные случаи нам неизвестны.

5. Основы на *-e*

5.1. Формы на *-aiwe-nta*

*eśaiwenta** ‘отдельные пары глаз (?)’

ostwaiwenta ‘группы домов’

yok[ai]wenta (PK AS 16.1 a5) ‘виды шерсти (?)’ (согласно [СЕТoM], такой перевод более вероятен, чем предложенный в [Adams 2013, т. II: 553] перевод ‘± виды напитков’)

*misaiwenta** ‘куски мяса’

О существительных на *-aiwenta*, предположительно выражающих значение распределительной множественности, см. [Adams 2013, т. I: 111].

5.2. Герундивы

Герундивы – глагольные прилагательные с модальным значением; при субстантивации во мн. ч. принимают суффикс *-nta*:

*pälsknälle** (точное значение субстантивированной формы неизвестно)
гер. I от *pälsk-* ‘думать’ – G Pl *-(pä)lsknällentamts* (147.4 b2)

preksalle ‘следствие, суд (?)’ гер. I от *pärk-* ‘просить, спрашивать’ –
preksallenta (ТНТ 1424.е+1415.ж а2; соединение установлено нами) [Тамай
2007]

sanāpalle ‘мазь’ гер. II от *sanāp-* ‘мазать’ – *sanāpallenta* (W-18 а4).

5.3. Абстрактные существительные с суффиксом *-äññe ~ -ñe*

а) Суффикс *-nta* (выборочно):

enkalñe ‘привязанность, подверженность страстям’ – *enkalñenta*

aiśamñe ‘мудрость’ – *aiśamñenta*

triśalñe ‘заблуждение’ – *triśalñenta*

rapāṣṣorñe ‘соблюдение’ – *rapāṣṣorñenta**

pernerñe ‘слава, сияние’ – *pernerñenta*

yamalñe ‘дело, действие’ – *yamalñenta*

yolaiñe ‘зло, дурной поступок’ – *yolaiñenta*

ykorñe ‘пренебрежение’ – *ykorñenta*

unāñmāññe ‘почтение’ – *unāñmāññenta**

welñe ‘речь, беседа’ – *welñenta*

*waiptārtsāññe** ‘различение’ – *waiptārtsāññenta*

[*t*]sn(a)mñe ‘притекание, влияние’ – *tsnamñenta*

б) Суффикс *-nta*:

nesaññe ‘бытие, существование’ – Perl Pl *nesaññānmasa* (ТНТ 2377.р
а3) [Тамай 2007]

Форма *nesaññe* – характерный для поздних текстов вариант к *nesalñe* [Reyrot 2008: 64]. Причина появления в таком тексте "незаконной" формы на *-nta*, да еще с нигде более не встречающейся меной *e* → *ä*, остается неясной. На данный момент форма *nesaññānmasa*, по-видимому, должна рассматриваться как полностью изолированная. На [СЕТом] приводится похожая форма *epa(stye)ññent(a)* (PK AS 19.18 b2) – N-Acc Pl от *epastyaññe* ‘искусство, умение’, однако чтение совершенно ненадежно: оно не соответствует даже количеству сохранившихся фрагментов акшар.

5.4. Прочие основы на *-e*

Общий случай:

а) Суффикс *-nta*:

āke ‘конец’ – *akenta**

ātstse ‘чаща, заросли (?)’ – *atstsentā*

īke ‘место’ – *ikenta*

erepate ‘внешность, форма’ – *erepatenta*
*erkāse** ‘какое-то лекарственное средство’ – *erkasenta*
*kariške** ‘урожай (?)’ – *kariškenta*
krāke ‘грязь’ – *krakenta* (ТНТ 1258 а5)
cake ‘река’ – *ckenta*
carke ‘гирлянда’ – *cārkena*
ñātse ‘угроза, опасность’ – *ñatsenta*
naumiye ‘драгоценность’ – *naumiyenta*
pāke ‘часть’ – *pakenta*
pīle ‘рана’ – *pilenta**
*puwe** ‘спица’ – *pwenta*
pelaikne ‘дхарма, религиозный закон’ – *pelaiknenta*
paukte ‘дань (?)’ – *pautkenta* [-] //// (ТНТ 1395.v а1) [Tamai 2007]
paušye ‘налог, взыскание (?)’ – *pau[s]yenta*
mīše ‘поле’ – *mišenta* (PK AS 16.2 а4)
yarke ‘почтение’ – *yārkena*
ukāṃṣe ‘отвращение’ – *ukāṃṣentā*
*ynaikne** ‘какой-то съедобный продукт (?)’ – *ynaiknenta*
raitwe ‘соединение, сочинение’ – *raitwenta*
lakle ‘страдание’ – *lāklenā*
lāre ‘близкий человек, любимый’ – *larenta* (IOL Toch 240 б5)
werwiye ‘сад’ – *werwyenta* (PK DA M 507.37+36)
waipacce ‘имущество’ – *waipaccenta*
šātre ‘зерно’ – *šatrenta* [-] //// (ТНТ 1349.i б1) [Tamai 2007]
šāktālye ‘семя’ – *šāktālyenta*
šūke ‘вкус’ – *šukenta*
šalype ‘мазь’ – *šālypenta*
*tsaiñe** ‘украшение’ – *tsaiñenta* (наряду с Acc Pl *tsaiñem*?*)

возможно, также

wrenta pl.t.? ‘?’

В [Adams 2013, т. II: 672] для *wrenta* указан N-Acc Sg *wrente**, однако такое соотношение форм ед. и мн. ч. в тох. В невозможно. Скорее всего, форма *wrente* //// (W-34 а2) представляет собой опisku вместо *wrenta* ////.

sarrīwenta pl.t.? ‘намерение, попытка (?)’ (значение устанавливается ненадежно, связь с *sārri** ‘собрание’ неясна)

б) Суффикс *-nma*:

kante ‘100’ – *kāntenma*

tmāne ‘10000’ – *tmanenma**

pkante ‘препятствие’ – *pkāntenma**

yaltse ‘1000’ – *yāltsenma*

Санскритизмы (суффикс *-nta*):

-(a)*bhijñe* (В 500-502, 1) ‘высшее знание’ – [a]*bhijñenta* (ТНТ 1677.с а2) [Tamai 2007]

sāmtke ‘(лекарственная) трава, лекарство’ – *sāmtkenta*

Как правило, слова на *-e* образуют мн. ч. с помощью суффикса *-nta*. Для четырех исключений мыслимы два возможных сценария:

1) двусложные числительные на *-e*, в отличие от существительных аналогичной структуры, образуют мн. ч. с суффиксом *-nta*; слово *pkante* получило этот суффикс под влиянием слова *kante*;

2) двусложные имена на *-nte* образуют мн. ч. не на *-nta*, а на *-nta* в результате диссимилиации; числительные *tmāne* и *yaltse* получили этот суффикс под влиянием слова *kante*.

Нет, однако, никаких очевидных причин, по которым числительные должны были бы иметь во мн. ч. другой суффикс, чем формально подобные им существительные; числительное *piśāka* ‘50’ образует мн. ч. на *-nta* (см. выше). Влияние числительного *kante* на существительное *pkante* выглядит значительно менее правдоподобным, чем его влияние на другие названия порядков³. Таким образом, объяснение через сценарий 2) кажется нам безусловно предпочтительным – даже несмотря на то, что, как будет ясно из дальнейшего, подобного рода правила диссимилиации действуют не для всех групп существительных, образующих мн. ч. с суффиксами *-nta* и *-nta*.

6. Основы на *-i*

6.1. Многосложные основы

Суффикс *-nta*.

Общий случай:

ekañi ~ *ekñi* ‘имущество’ – *ekñinta*

*perāmi** ‘?’ – *perāmintā*

*muśnaśi** ‘караван верблюдов (?)’ – *muśnaśinta*

sarkalyi ‘?’ – *sarkalyinta*

Санскритизмы:

akappi ‘нечистота’ – *akappinta*

³ В типе I может быть усмотрен еще один похожий пример. Редкий суффикс мн. ч. *-ana* ~ *-na* в общем случае присоединяется к односложным основам; единственное исключение составляет слово *karāk* ‘ветвь’ – N-Асс PI *karākna* [Krause, Thomas 1960: 120] По всей видимости, форма *karākna* возникла под влиянием формы *stāna* N-Асс PI от *stām* ‘дерево’ (с упрощением *mn* → *n*).

apramaṇi ‘неисчислимое множество, бесконечность (?)’ – *apramaṇinta*
 ~ прил. от Pl ⁺*apramaṇyāntaṣṣe* (ТНТ 1928ext b6-7⁴)
utpatti ‘происхождение, случай’ – *utpattinta** (PK AS 6D b7 и др.)
*upekṣindri** ‘безразличное чувство’ – *upekṣindrinta**
cintāmaṇi ‘камень, исполняющий желания’ – (*cintāma*)ṇinta (76 a6)
*nirvedhabhāgi** ‘стадия прозрения’ – ⁺*nirvedhabhāginta* (ТНТ
 3595+1502 a3; соединение установлено нами)
paryari ~ *pratihari* ‘чудо’ – *paryarinta* ~ *pratiharinta*
prahati ‘паслен’ – *praha(ti)[nta]* (PK AS 2A a4-5)
*mahābhūtaḍṣavyi** ‘субстанция первоэлемента’ – (*ma*)hābhūtaḍṣavyinta
vibhakti ‘падежное окончание’ – *vibhaktinta*
wimūkti ‘освобождение от оков бытия’ – *wimūktinta*
⁻*śaśaraji** ‘мельчайшая частица вещества’ – ⁻*śaśarajinta* (326 b4)
samādhī ‘транс’ – *samādhinta**

6.2. Двусложные основы

6.2.1. Субстантивированные инфинитивы

Суффикс *-nta*.

yoktsi ‘питье’ – *yoktsanma*

wassi ‘одежда’ – *wāssanma*

śwātsi ‘еда’ – *śwatsanma*

возможно, также (?)

wāntsi (IOL Toch 105 b3) ‘?’ – *wamtsamṇma* [Adams 2013, т. II: 627] (с
 неясным *wa* вместо ожидаемого *wā*).

Как отмечает Д.К. Адамс, “In form at least this word would appear to be a nominalized infinitive and its plural”, но следует учитывать, что субстантивации инфинитивов как продуктивного процесса в тох. В нет: помимо приведенных здесь трех форм от частотных глаголов, означающих базовые потребности человека, другие примеры неизвестны.

6.2.2. Прочие двусложные основы

Общий случай:

а) Суффикс *-nta*:

teri ~ *tiri* ‘способ; устав’ – *terinta* ~ *tirinta*

также ? – Лос Pl *keñintane* (325 a2) ‘колени (?)’

⁴ ТНТ 1928ext = ТНТ 3272+3288 + 3274+1928 + 1273.b+1231+1438.d + 1421.e+1919; соединение установлено нами.

Эта форма, встретившаяся в позднем тексте, является предметом многочисленных дискуссий, касающихся как ее значения, так и характера связи с *keni* ~ *kenī* ‘колени’ (в поздних текстах – *keñi** [Peyrot 2008: 117]), см. [Winter 1962/1984: 135-136; Peyrot 2008: 117, сн. 187; Adams 2013, т. I: 203; Kim 2018: 39].

б) Суффикс *-nma*:

*tāsi** ‘хранилище (?)’ – *tananna**

teki ‘болезнь’ – *tekanma*

telki ‘жертва’ – *telkanma**

nāki ‘грех, недостаток; упрек, хула’ – *nakanma*

wāki ‘отличие, особенность’ – *wakanma**

также *ṣotri* ‘знак’ – *ṣotanna* (PK AS 3B a1)

Форма *ṣotanna* засвидетельствована 1x вместо обычного *ṣotrūna* и, как отмечено на сайте [CEToM], “seems to be a late plural form of *ṣotri*”.

Санскритизмы:

а) Суффикс *-nta*:

indri ‘чувство, орган чувства’ – *indrinta*

kunti ‘горшок’ – *kuntinta*

pāyī ‘дисциплинарный проступок’ – *pāyinta*

*bhūmi** ‘элемент’ – *bhūminta*

*yoni** ‘(материнская) утроба; место происхождения’ – *yoninta**

*skandhi** ‘?’ – *skandhinta* (ТНТ 4018, 1) [Tamai 2007]

(Поскольку текст оборван не только справа, но и слева, возможно, что реально мы имеем здесь дело со второй частью какого-то композита.)

б) Вариативность:

kappi ‘чистота’ – Abl Pl *kappintameṃ* (IOL Toch 62 b2) // Perl Pl *kappinmasa* (IOL Toch 25 a2)

*śakti** ‘копье’ – *śaktinta* (ТНТ 1192 a2) // *śaktinmasa* (IOL Toch 174 a3)

В [Adams 2013, т. II: 675] для этого слова указано другое значение – ‘сила; способность’.

в) Суффикс *-nma*:

kāvvi ‘поэма’ – *kāva(v)i(n)ma* (ТНТ 2959 b4)

kṣānti ‘прощение’ – *kṣāntinma*

dravyi ‘вещество, материя’ – *dravyanma*

bodhi (ТНТ 1537.f a1) [Tamai 2007] ‘просветление’ – прил. от Pl *bodhin[m]aṣṣe* (ТНТ 1468 a5)

rāddhi ‘магическая сила’ – *rāddhinma**

*vṛtti** ‘образ поведения’ – *vṛttinma**

*śānti** ‘обряд отвращения зла’ – *śāntinma*

возможно, также

*kodī** ~ *koḷī** ~ *kor** ‘1000000’ – *kodyanma* ~ *koṭanma* ~ *koranma**

Форма мн. ч. *kodyanma* предполагает существование варианта *kodī**, близкого к санскритскому оригиналу (*koṭī-*), но реально формы ед. ч. этого числительного в тох. В текстах не засвидетельствованы.

Транскрипция [*k*]odryänma, приведенная в [Adams 2013, т. I: 215] для строки ТНТ 1859 "а"5, на наш взгляд, представляет собой ошибку чтения вместо [*k*]odyänma, ср. транскрипцию без *r* в [Tamaï 2007].

Ключевую роль противопоставления трех- и более сложных основ на *-i* двусложным наглядно демонстрируют пары однокоренных слов, образующих мн. ч. по-разному: *akappi* vs. *kappi*, *mahābhūṭadravuṣi** vs. *dravūṣi*. В то время как первые независимо от своего происхождения последовательно принимают суффикс *-nta*, вторые характеризуются, пожалуй, наиболее разнообразным поведением среди всех типов основ, причем санскритские двусложные *i*-основы отличаются от остальных как в морфологическом, так и в фонологическом отношении.

Для «обычных» основ, в том числе для инфинитивов, нормой является присоединение суффикса *-nta*, конечное *-i* при этом выпадает. Заимствования из санскрита делятся примерно пополам на требующие суффикса *-nta* и требующие суффикса *-nma*. Никаких очевидных факторов, обуславливающих такое разделение, мы указать не можем. Правило диссимилиации, подобное тому, которое отмечено у основ на *-e*, в данном типе основ не работает; наиболее определенно об этом свидетельствует форма *kuntinta*, нередко встречающаяся в хозяйственных документах. По крайней мере у двух лексем представлена прямая вариативность (не отраженная в словаре Д.К. Адамса). Конечное *-i* чаще всего сохраняется, однако в слове *kodī** (если такая форма реальна) оно переходит в *u*, а в слове *dravūṣi* – выпадает (или также переходит в *u* с последующим упрощением *uu* → *u*). При этом слово *dravūṣi* ведет себя как имеющее основу *dravū-* и в словообразовании – ср. относительное прилагательное *dravūṣiṣe**, в то время как у исконных основ на *-i* это *i* в таких случаях сохраняется: ср., например, *wakūṣe* – производное от *wāki* с тем же суффиксом. Аналогичный пример перехода *i* → *u* перед *-nta* в прилагательном *apramāṇyāntaṣṣe* выглядит (с поправкой на ограниченность материала) единичным отклонением.

7. Основы на *-i*

Общий случай:

а) Суффикс *-nta*:

keru ‘барабан’ – *kerunta*

б) Суффикс *-nma*:

sani ‘опасность’ – *snīnma*

Санскритизмы:

а) Суффикс *-nta*:

paramānu ‘атом’ – *paramānunta*

*lokadhātu** ‘область мира’ – *lokadhātunt(a) //// (567 b2)*

б) Суффикс *-nma*:

gi ‘пещера’ – *giṇnma*

dhātu ‘составная часть, основа’ – *dhatunma*

Для санскритских заимствований на *-u* опять-таки релевантно противопоставление одно- и двусложных основ многосложным. Здесь также есть пример с парой однокоренных слов: *dhātu* vs. *lokadhātu**.

8. Отглагольные имена на *-au*, *-āu* /*āw*/

Основы этого типа следует отличать от основ на дифтонг (см. выше, п. 3).

а) Суффикс *-nta*:

pārkā_u ‘выгода’ – *pārkāwānta*

б) Суффикс *-nma*:

śanmau ‘узы, путы’ – *śānmānma*

возможно, также

? – *milkānma* ‘?’ (PK AS 7K a3)

? – *stmānma* ‘трубка, желоб (?)’

Существительные *pārkā_u* и *śanmau* образованы соответственно от глаголов *pārk-* ‘восходить (о светилах), возрастать’ и *śānm-* ‘связывать’. Вполне вероятно, что существительные *milkānma* и *stmānma* также образованы от глаголов, а именно *mālk-* с не вполне ясной семантикой (возможно, ‘≈ соединять’; значение типа ‘связки, сухожилия’ не противоречит контексту) и *kāly-/stām-* ‘стоять’ ([Adams 2013, т. II: 778]; в качестве некоторой параллели ср. русск. *стояк*).

9. Основы на согласный

9.1. Основы на *-ṇ* /*n*/

В тохарских языках /*n*/ на конце слова переходит в назализацию предшествующего гласного (обозначается знаком *ṇ*, «анусвара»).

Перед суффиксами *-nta* и *-nma* в основах на /*n*/ может происходить гаплоглия – выпадение слога *nā*. В основах на *-eṇ* гаплоглия обязательна, в других основах перед суффиксом *-nma*, наоборот, невозможна (по крайней мере, не засвидетельствована), перед суффиксом *-nta* обычно происходит, но факультативна.

9.1.1. Основы на -eṭ

Суффикс -*nta*.

Общий случай:

empreṭ ‘истина’ – *emprenṭa*

возможно, также

*erkau** ‘кладбище’ (косвенная основа *erken*-?) – *erkenṭa*

Санскритизмы:

leṭ ‘комната, келья’ – *lenṭa*

9.1.2. Прочие основы на -ṭ, односложные

Общий случай: примеров нет.

Санскритизмы:

а) Суффикс -*nta*:

śrāṭ ‘убежище’ – *śrāṅta*

См. об этом примере специально ниже.

б) Суффикс -*nta*:

kṣaṭ ‘мгновение’ – *kṣanaṅta*

*jñāṭ** ‘знание’ – [j]ñ(a)naṅta (IOL Toch 135 a2)

dhyāṭ ‘медитация’ – *dhyanaṅta*

9.1.3. Прочие основы на -ṭ, неодносложные

Суффикс -*nta*.

Общий случай:

spaktāṭ ‘служба’ – *spaktāṅta* (ТНТ 1347 а5)

В [Adams 2013, т. II: 782] эта форма приведена со ссылкой на глоссарий [Thomas 1964] без указания адреса.

Санскритизмы:

*anulakṣaṭ** ‘второстепенный признак (?)’ – *anulakṣanta*

asāṭ ‘сиденье, ложе’ – *asāṅta** ~ *asānta*

*āyataṭ** ‘орган чувства’ – *āyataṅta*

*kātagaṭ** ‘страсть’ – *kātagunta*

*nivāraṭ** ‘препятствие, помеха’ – *nivāraṅta*

pakaccāṭ ‘период воздержания от странствий’ – *pakaccānta*

pratiṭ ‘решение’ – *pratinta*

*prahāṭ** ‘отказ (от чего-л.), оставление’ – *prahāṅta*(n)t(a)

*bhavaṭ** ‘форма бытия’ – Loc Pl *bhavanta* (350 а4)

bhājaṭ ‘горшок’ – *bhājanta*

*ratāṭ** ‘соковище’ – *ratānta*

lakṣāṃ ‘знак’ – *lakṣānānta* ~ *lakṣānta*
vijñāṃ ‘практическое знание’ – *vijñānta* ///
wimāṃ ‘дворец’ – *wimānta**
*śodham** ‘слабительное’ – *śodhanta*
*saṃskṛtalakṣam** ‘признак совершенства (?)’ – *saṃskṛtalakṣanta*
santāṃ ‘цепь перерождений’ – Loc Pl *˚santāntane* (ТНТ 1928ext b1)

[Тамай 2007]

*smṛtyupasthāṃ** ‘медитативная практика осознанности’ –
(*smṛtyupa*)*sthān[āṃ]nta* ~ *smṛtyupasthānta*

9.2. Двусложные основы на *-ar* и *-ār* ~ *-rā*

Общий случай: примеров нет.

Санскритизмы:

а) Суффикс *-nta*:

duṣkār ‘незначительный проступок’ – *duṣkrānta*
*stōtār** ‘стотра (хвалебный гимн)’ – *˚stōtārnta** (429 a5)

б) Вариативность:

*akṣar** ~ *akṣār* ‘акшара (слоговой знак)’ – *akṣārānta* (не менее 4x; см. список в [Peurot 2008: 115]) // *akṣaranma* (PK NS 49B a1)

sūtār ‘сутра’ – G Pl *sūtārntats* (197 a2) // прил. от Pl *sūtārmmāṣṣe* (134 a2) ~ *sutarma* (не менее 3x)

в) Суффикс *-nma*:

śāstrā ‘шастра (пояснительный трактат)’ – *śāstārnmā* ~ *śastarma*

Наличие у слова ‘акшара’ конкурирующих форм мн. ч. М. Перо комментирует следующим образом: “*nta*-plurals are very productive with words ending in a vowel, whereas *nma*-plurals are very productive with words ending in a consonant <...>. The interesting thing is that *-r* mostly seems to count is a vowel – at least we find many words ending in *-r* among the *nta*-plurals, but only a few among the *nma*-plurals” [там же]. Форма *akṣaranma*, согласно М. Перо, появилась потому, что “in one case the scribe apparently applied the rule that *-nma* is used after consonants” [там же]. Звук *r* в тохарских языках действительно может по некоторым признакам объединяться с гласными. Однако, во-первых, как показывают только что приведенные примеры, речь идет не о единичном отклонении, причем для слова ‘сутра’ количественное соотношение форм с *-nta* и *-nma* в точности обратно тому, которое наблюдается у слова ‘акшара’. Во-вторых, формулировка «*-nta* после гласных, *-nma* после согласных» настолько сильно упрощает реальное положение дел, что едва ли может быть принята в качестве объяснения.

9.3. Прочие основы на согласный, односложные

Общий случай:

а) Суффикс *-nta*:

lyam ‘пруд’ – *lymanta*

*māskw** ‘трудность’ – *maskwanta**

war ‘вода’ – *wranta*

šim ‘петушиный гребень (?)’ – *šimā[nta]*

возможно, также

*kār** ‘?’ – *kāranta* (IOL Toch 801 b4)

Не исключено, что, вопреки [Carling 2009: 115], тох. А *kār** ‘?’ (N-Acc Pl *kārāntu* (A 14 b1)) соответствует не тох. В *kāre* ‘яма, пропасть’, а именно тох. В *kār**. Контексты, в которых встретились эти два *ἄλαξ* λεγόμενα, сходны: *nraine kāranta* ‘в аду *kār*’ы vs. *āpāyšinās kārāntu* ‘*kār*’ы низших рождений’. Правда, сомнения вызывает странный вокализм тох. В формы: для архаического текста ожидалось бы **kārānta*, для «классического» или позднего – **karanta*.

б) Суффикс *-nma*:

oś ‘зло’ – *ośanma* ///

*kāy** ‘конверт (?)’ – *kayanma* [Adams 2013, т. I: 161]

cāk ‘мера объема’ – *cakanma*

cok ‘лампа’ – *cokānma* ///

*tant** ‘владение (?)’ – *tantanma* (возможно, описка вместо *tāntanma**)

*troñk** ‘пустота, впадина’ – *troñkanma*

*pikw** ‘пятнышко, родинка (?)’ – *pi[kwa]nma* (W-40 b2-3)

См. об этом слове [Itkin 2021: 135].

yarm ‘мера’ – *yārmanma*

*lyitkw** ‘трубка, полый цилиндр (?)’ – *lyitkwānmā*

weṣ ‘облик’ – *weṣanma*

šak ‘10’ – *šakanma**

šaul ‘жизнь’ – *šaulanma*

*šañkw** ‘рот, пасть’ – *šañkwanma*

šarm ‘причина’ – *šārmanma* (наряду с *šārmana*)

sakw ‘счастье’ – *skwanma*

sāñ ‘искусство’ – *sañanma* ~ *šañanma* (359 b4; если *š* здесь не описка)

*skāk** ‘балкон’ – *skakanma*

sklok ‘сомнение, вопрос’ – *sklokanma*

также *tuñe* ‘цветы на деревьях (?)’, Acc Sg *tuñ* – *tuñanma*

Косвенная основа слова *tuñe* односложна, так что выбор показателя *-nma* закономерен. Однако у всех слов, образующих мн. ч. с суффиксами *-nta* и *-nma*, кроме некоторых личных существительных,

формы N Sg и Acc Sg совпадают. В свою очередь, слова, склоняющиеся в ед. ч. так же, как слово *tuñe*, образуют мн. ч. по одному из подтипов типа II: ср., например, *kektseñe* ‘тело’ – Acc Sg *kektseñ* – N Pl *kektseñi* – Acc Pl *kektseñam*.

Санскритизмы:

а) Суффикс *-nta*:

*kmut** ‘белый лотос’ – *kmutānta**

nmit ‘знак, признак’ – *nmitānta*

pāt ‘растение *Cissampelos pareira*’ – *pātānta**

*bhap** ‘форма бытия’ – Loc Pl *bhawāntane* (175 b3), ср. [Kim 2018: 9,

41]

*vrkṣ** ‘дерево’ – *vrkṣām[nta]* //// (ТНТ 1405.a b2x) [Tamai 2007]

sparś ‘прикосновение’ – //// *sparśānta*

б) Суффикс *-nta*:

ārth ‘смысл, цель’ – *arthannta* ~ *ārthannta* (ТНТ 2959 b3)

kālṛ ‘кальпа’ – *kalpannta* ~ Perl Pl *k[a]lpānntasa* (590 a3; *ā* – возможно,

описки)

kleś ‘мучение’ – *kleśannta*

kṣur ‘нож’ – *kṣurannta*

*grak** ‘планета’ – *grahannta*

cūrṇ ‘порошок’ – *cūrṇannta**

*dvīp** ‘остров’ – *dvīpannta**

pat ‘ступа (буддийское сооружение)’ – *ptannta*

*pākṣ** ‘половина лунного месяца’ – *pakṣannta**

prāp ‘драгоценный камень’ – Perl Pl *prapanntasa* (ТНТ 1603.a a1)

В [Adams 2013, т. I: 446] эта форма приведена со ссылкой на глоссарий [Thomas 1964] без указания адреса.

*bāl** ‘сила’ – *balannta*

marmannta pl.t.? ‘жилы’

rūp ‘форма, внешний вид’ – *rūpannta*

*ved** ‘веда’ – *vedannta*

*vic** ‘волшебство’ – *vicannta**

śuṇḍ ‘хобот’ – *śuṇḍannta**

ślok ‘шлока, строфа’ – *ślokannta*

sañjñā (косвенная основа *sañjñ-*) ‘умение, навык’ – *sañjñannta* ////

sāṅk ‘община’ – *saṅkannta**

*stāp** ‘восхваление, панегирик’ – *stapannta*

*hār** ‘жемчужина’ – *harannta*

возможно, также

*cār** ‘?’ – *carannta**

Гипотезу о заимствовании из скр. *cara-* или *cāra-* (“but in which meaning?”) см. [Adams 2013, т. I: 271].

lek ‘жест, телодвижение’ – *lekanṁta*

Аргументы в пользу возможного заимствования из скр. *lekha-* ‘черта, линия; письмо’ см. [Иткин (в печати)].

9.4. Прочие основы на согласный, неодносложные

Суффикс *-nta*.

Общий случай:

akālk ‘желание’ – *akālkānta*

atok ‘искусство’ – *ātokānta* (255 b1; архаический текст)

āyor ‘дар’ – *āyornta*

karāś ‘джунгли’ – PerI Pl ⁺[k](a)r(ā)[śā]nt(a)s(ā) (ТНТ 1238 a1)

*kekley** ‘?’ – *kekleynta*

*pārkwari** ‘?’ – *pārkwā[r]tānta*

pārmaṅk ‘надежда’ – *pārmaṅkānta*

*pässakw** ~ *pässak* ‘гирлянда’ – *pässakwān(t)a* ~ *pässakānta**

*pikār** ‘жест, телодвижение’ – *pikārnta*

yātor ‘дело, действие’ – *yātornta*

*yauyuk** ‘разновидность документа (?)’ – *yauyukānta*

Санскритизмы:

acār ‘правило, правильность’ – *ācārānta*

*anantārś** ‘смертный грех’ – *anantārśānta*

antarāy ‘препятствие, затруднение’ – *antarāyānta*

*apāy** ‘низшее рождение’ – *apāynta**

abhijñā ‘высшее знание’ (косвенная основа *abhijñ-*) – *abhijñānta*

abhiprāy ‘намерение’ – *abhiprāynta*

*alaṅkār** ‘украшение, орнамент’ – *alaṅkārnta* (PK AS 17G a4)

*āgai** ‘лекарство’ – *āgatānta*

āgam ‘канонический текст’ – *agāmānta*

*āryavaṁś** ‘знатный род’ – *āryavaṁśānta**

*āhār** ‘еда, пропитание’ – [ā](hārā)[n]t(a)

*iryāpath** ‘положение тела’ – *iryāpathānta*

*iprāy** ‘способ, средство; уловка’ – *iprāynta*

*ipekṣopavicār** ‘сфера безразличия’ – *ipekṣopavicārānta*

ippāl ‘лотос’ – *ippālnta*

karmapath ‘путь деяния’ – *karmapathānta*

kaṣāy ‘отвар, настой’ – *kaṣāynta* ///

kuśalamūl ‘корень заслуг’ – *kuśalamūlānta*

*khadyot** ‘светлячок’ – *khadyotānta*

*gaṇī** ‘подсчет’ – *gaṇīānta*
*gandharasopavicār** ‘соседство запаха и вкуса’ – *gandharasopa-*
vicārānta

(?) *ˀcaturk** ‘?’ – *ˀcaturkānta* (SI B Toch 10, 6)

jātak ‘джатака (буддийское сочинение)’ – *jātakānta*

*taryopavicār** ‘три уровня чувств (?)’ – *(ta)[ry](o)p(a)vicārānta*

*tinār** ‘динар’ – *tinārnta*

*triśul** ‘трезубец’ – *ˀtriśulānta* (ТНТ 1192 a2)

nastukārm ‘лекарство в нос’ – *nastukārmānta*

*nikṣātār** ‘созвездие’ – *nikṣātārnta*

nirghāt ‘ураган’ – *nirghātānta*

*nirmāṇacī** ‘рождающая мысль (?)’ – G Pl *nirmāṇacittamntats*

*pañcwarṣik** ‘квинквеннале’ – *pañcwarṣikānta*

*patāk** ‘стих, строка’ – *patākānta*

padum ‘лотос’ – *(pa)dūmānta* (242 b4)

pannāk ‘сандалия’ – *pannākānta*

*pariṣkāṛ** ‘снаряжение (?)’ – *pariṣkāṛnta* ///

pāramit ‘совершенство’ – *paramitānta*

*piṭak** ‘собрание буддийских текстов (букв. ‘корзина’)’ – *piṭakānta*

*pittāk** ‘волдырь (?)’ – *pittākānta*

pippāl ‘перец’ – *pippālāmnta*

*puṇḍarīk** ‘белый лотос’ – *ˀpuṇḍarīknta* (242 b4)

prakār ‘вид, сорт’ – *prakārānta*

*pratisaṃvit** ‘особое знание’ – *pratis[am]vitānta*

prayok ‘употребление, применение; лекарство’ – *prayokānta*

ˀprahār ‘удар, рана (?)’ (ТНТ 1335.b passim) – *ˀprahārnta* (ТНТ 1335.b

b3) [Tamaï 2007]

*bodhipākṣik** ‘этап просветления’ – *ˀ(bodhip)ākṣik(ṭ)a* (PK NS 39 b8)

*bodhyaṅk** ‘составляющая просветления’ – *bodhyaṅkānta*

*bhagaṇḍāl** ‘свищ’ – *bhagaṇḍālānta*

*bhavāṅk** ‘элемент существования’ – *bhavāṅkānta*

maṅkāl ‘благополучие, удача; добрый знак’ – *maṅkālānta*

*manopavicār** ‘?’ – *manopavi[c]ārānta*

mahābhūt ‘первоэлемент’ – *mahābhūtānta*

*mārgāṅg** ‘часть пути’ – *mārgāṅgānta*

māsāk ‘разновидность гороха’ – *māsākānta* [Filliozat 1948: 69] (sic?)

*muktihār** ‘жемчужное ожерелье’ – *muktihārānta*

*muhūrt** ‘промежуток времени (в астрономии)’ – *ˀmuhūrntānta* (PK.AS

16.3 a4)

*rātipat** ‘элемент магической силы’ – *rātipatānta**

vitark ‘предположение, сомнение’ – *vitarkānta**

*vimokṣ** ‘окончательное освобождение души’ – *vimokṣāṃnta*
*viṣucik** ‘холера’ – Лос Pl (*vi*)*ṣucikāntane*
*watām** ‘миндаль’ – *watāmānta*
wirot ‘несовместимость’ – *wirotānta*
śarīr ‘мощи’ – *śarīrnta*
śikṣapāt ‘моральный закон’ – *śikṣapātānta*
saṅkrām ‘монастырь’ – *saṅkrāmnta*
samudtār ‘океан’ – *samudtārnta*
sumer ‘Сумеру (мифическая гора)’ – *sumerntā*
*sparśakāy** ‘группа из (шести) чувственных контактов’ –
sparśa[kāyi]nta (вероятно, с нередким для тох. В эффектом *ä* → *i* после *y*).

Рассматривая образование формы мн. ч. у санскритских заимствований с исходом основы на согласный, Р. Ким пишет: “The plural formation of these nouns follows a simple rule: underlyingly disyllabic stems take *-nma*, while those of three or more syllables take *-nta*” [Kim 2018: 66, сн. 167] (Р. Ким трактует консонантные основы как оканчивающиеся на глубинном уровне гласным /ə/ (в нашей нотации – /ä/). Тем самым “underlyingly disyllabic stems” Р. Кима соответствуют нашим односложным и т.д.). Если для неодносложных основ правило Р. Кима безусловно и безысключительно верно, некоторые односложные все же принимают суффикс *-nta*.

Среди односложных *-nta*-основ обращают на себя внимание прежде всего лексемы *kmūt** и *nmit*, к которым следует добавить *śrām* (см. выше, п. 9.1.2). В санскритских прототипах этих слов после первого согласного имеется гласный: *kumuda-*, *nimitta-*, *śaraṇa-*. Можно думать, что выпадение первого из двух (одинаковых?) гласных произошло на собственно-тохарской почве уже после того, как эти основы, первоначально двусложные, получили суффикс *-nta* по общему правилу. Форма *śarām* также засвидетельствована в тох. В текстах, но, конечно, такие тексты не следует рассматривать как более ранние по сравнению с содержащими форму *śrām*: санскритские слова могли многократно заимствоваться в виде, максимально близком к оригиналу. Отметим еще *nimittājñe** ‘знающий предзнаменования’ наряду с *nmit*.

Поскольку слева лист оборван, форма *//// sparśānta* может быть частью какого-то многосложного композита. Вообще говоря, то же верно для формы *vykṣām[nta] ////*: предшествующий текст практически нечитаем. Форма Лос Pl *bhawāntane* в [Adams 2013, т. I: 467] рассматривается как производная не от *bhap** ‘форма бытия’, а от *bhavaṃ** ‘гж.’. От двусложной *ṃ*-основы ожидалась бы – и реально засвидетельствована – форма *bhavantane* (см. п. 9.1.3), но между настолько фонетически близкими

формами двух синонимичных лексем вполне возможна та или иная контаминация.

Несмотря на только что сказанное, «избавиться» от всех случаев присоединения суффикса *-nta* к односложным консонантным основам санскритского происхождения, очевидно, невозможно. Тем более это верно для исконно-тохарских основ той же структуры. Две из них – *lyam* ‘пруд’ и *ṣim* ‘петушиный гребень (?)’ – заканчиваются на *-m*, что вновь позволяет предполагать действие механизма диссимиляции. Но, если это и так, следует оговорить, что данный механизм по какой-то причине не работает для основ на *-m* – ср. формы *yārmanma*, *ṣārmanma*, *marmanna*. Выбор суффикса *-nta* при основах *māskw** ‘трудность’ и *war* ‘вода’ в любом случае остается необъясненным.

10. Акцентологический анализ форм мн. ч.

Приведенный материал позволяет с уверенностью говорить о том, что акцентные свойства суффиксов *-nta* и *-ntma* существенным образом различны.

Все без исключения формы с суффиксом *-ntma* имеют ударение на гласном, предшествующем *-ntma*. Об этом свидетельствуют следующие их особенности:

– корневое *a /ā/* в закрытом слоге переходит в *ä*, в открытом – выпадает;

– корневое *ā* переходит в *a*. Очень важно, что в санскритских заимствованиях этот переход представлен практически столь же последовательно, что и в собственно-тохарских словах;

– эпентетический гласный, предшествующий *-ntma*, в архаических текстах выглядит как *ä*, а в «классических» и поздних – только как *a*, что указывает на его ударность.

Приведем несколько показательных примеров:

kante ‘100’ – *kāntenma*

ṣotri ‘знак’ – *ṣotarntma*

kṣānti ‘прощение’ – *kṣāntinma*

sani ‘опасность’ – *snūnma*

dhātu ‘составная часть, основа’ – *dhatunma* (не менее 10х; форма ***dh[ā]tunma* (IOL Toch 118 a4) [CEToM] – ошибка чтения вместо *dhatunma*)

yarm ‘мера’ – *yārmanma*

sakw ‘счастье’ – *skwanma*

ārth ‘смысл, цель’ – *arthanma* (2 или 3х; написание *ārthanma* (ТНТ 2959 b3) – единичное отклонение)

pat ‘ступа (буддийское сооружение)’ – *ptanma*.

Для форм с суффиксом *-nta* действуют более сложные правила. Рассмотрим сначала лексемы не-санскритского происхождения. У двусложных слов с исходом на *-o*, *-e* и у односложных слов с исходом на согласный, как и у основ на *-nta*, ударение в N-Асс Pl переносится на гласный, предшествующий суффиксу. Соответственно, *-nta*-основы этого типа демонстрируют те же особенности, что и *-nta*-основы, ср., например:

kāko ‘приглашение’ – *kakonta*
palsko ‘мысль’ – *pālskonta*
cake ‘река’ – *ckenta*
pāke ‘часть’ – *pakenta*
yarke ‘почтение’ – *yārkenta*
tāś ‘вождь, начальник’ – (?) Perl Pl *taśśantasa*
war ‘вода’ – *wranta*.

У основ всех остальных типов, по которым имеются сколько-нибудь надежные данные, – а именно, у многосложных слов с исходом на *-e* и, по-видимому, на *-i* и у двусложных слов с исходом на согласный – в N-Асс Pl сохраняется ударение ед. ч. Ср., например (NB! сохранение в неизменном виде *ā*, *a* и *ä*, отражение эпентетического гласного перед *-nta* в виде *ä*):

triśalñe ‘заблуждение’ – *triśalñenta*
yamalñe ‘дело, действие’ – *yamalñenta*
śāktālye ‘семя’ – *śāktālyenta*
sanāpalle ‘мазь’ гер. II от *sanāp-* ‘мазать’ – *sanāpallenta*
sarkalyi ‘?’ – *sarkalyinta*
amāc ‘визирь’ – *amācānta*
āyor ‘дар’ – *āyornta*
pārmañk ‘надежда’ – *pārmañkānta*
spaktām ‘служба’ – *spaktānānta*.

Наблюдаемое распределение можно обобщить: ударение переходит на слог вправо у основ, содержащих один неконечный гласный, и сохраняется у основ, в которых таких гласных более одного.

Две группы основ заслуживают отдельного рассмотрения:

а) основы на *-a /ā/*. Фактически речь идет о двух лексемах:

piśāka ‘50’ – *piśakānta*
śalna ~ *śalla* ‘ссора’ – *śalānta*.

У слова ‘50’, как кажется, представлен уникальный перенос ударения вправо в трехсложной основе. Однако пример не совсем однозначен: форма *piśakānta* (252 b4) встретилась единственный раз в архаическом тексте. Строкой выше N-Асс Sg числительного ‘50’ записан в виде *piśākā*, так что

мы не можем полностью исключать у формы *piśakānta* ударения на втором слоге.

Вокализм первого слога слова ‘ссора’ аномален; привлекательным выглядит предположение Д.К. Адамса о контаминации форм /śālnā-/ и /śālā-/ [Adams 2013, т. II: 680]. При этом, поскольку речь идет о двусложной основе на гласный, перенос ударения на слог перед *-nta* у этой лексемы закономерен;

б) трехсложные основы со срединным ударным /á/. Анализ основ этого типа затруднен тем обстоятельством, что ударение в них может (как минимум, в метрических целях) переноситься на другой слог, в результате чего возникают акцентные дублеты, аналогичные русск. *пришелец* ~ *пришлец*. Формы на *-nta* засвидетельствованы от 4 таких основ:

ekañi ~ *ekñi* ‘имущество’ – *ekñinta*

okaro ‘разновидность лекарственного растения’ – *okronta*

naumiye ~ *naumye* ‘драгоценность’ – *naumiyenta* ~ *naumyenta*

werwiye ‘сад’ – *werwyenta*.

Как видно, имеющиеся данные неоднозначны. С одной стороны, они позволяют усматривать некоторую тенденцию к постановке ударения перед *-nta*, с другой – частотное слово *naumiye* многократно встречается в обоих акцентных вариантах как в ед., так и во мн. ч.

Что касается лексем санскритского происхождения, они неожиданным образом практически всегда сохраняют ударение ед. ч. – независимо от структуры основы и числа слогов. Ср., например:

*aptsar** ‘апсара, небесная танцовщица’ – *aptsarnta*

uppāl ‘лотос’ – *uppālnta*

pakaccām ‘период воздержания от странствий’ – *pakaccānta*

paramānu ‘атом’ – *paramānunta*

pāt ‘растение *Cissampelos pareira*’ – *pātānta**

pāyiti ‘дисциплинарный проступок’ – *pāyitnta*

bhājaṃ ‘горшок’ – *bhājanta*

śikṣapāt ‘моральный закон’ – *śikṣapātānta*

samādhi ‘транс’ – *samādhinta**.

Единственное исключение составляет пара *sāmtke* ‘(лекарственная) трава, лекарство’ – *sāmtkenta*. Форма *sāmtke* далеко отстоит фонетически от своего прототипа (скр. *śāntaka-*), имеет нехарактерное для санскритизмов оформление и, по-видимому, полностью уподобилась исконно-тохарским двусложным основам на *-e*.

Различие в акцентуации между формами на *-nta* и *-ntma*, образованными от санскритских заимствований, надежно подтверждает «минимальная пара» *akṣar** ~ *akṣār* ‘акшара (слоговой знак)’ – *akṣārānta* // *akṣaranma*.

Большой интерес представляет форма *rāsonṭa* (ТНТ 1662 b1) – архаический вариант мн. ч. от *raso* ‘пядь’ при обычном *rsontā*. Поскольку *ā* в открытом слоге может быть только ударным, возникает вопрос, не является ли перенос ударения вправо в формах на *-nta* сравнительно поздним явлением, завершившимся уже в эпоху письменной фиксации тохарского В. Какие-либо другие прямые свидетельства в подтверждение этой гипотезы нам, однако, неизвестны; встретившаяся в чрезвычайно трудном как для чтения, так и для интерпретации тексте ТНТ 1520 форма *šīmā[nta]* таковым служить все же не может (об употреблении долгих *ī* и *ū* см. также ниже).

С учетом изложенных здесь закономерностей некоторые формы в приведенных выше списках восстанавливаются нами не в точности так, как в словаре Д.К. Адамса. А именно, формы N-Асс Sg слов ‘какое-то лекарственное средство’ и ‘караван верблюдов (?)’ мы приводим в виде *erkase** и *muśnaši**, форму N-Асс Pl слова ‘знание’ – в виде *[j]ñ(a)nanma*; в [Adams 2013, т. I: 101, 280; т. II: 500] эти формы имеют вид *erkāse**, *muśnāši** и *jñānanma*.

11. Акцентологический анализ форм ед. ч.

Как видно из приведенных списков, основным фактором, определяющим выбор между суффиксами *-nta* и *-nma*, является количество слогов: односложные основы принимают суффикс *-nma*, неодносложные – суффикс *-nta*. Эта закономерность, отмеченная Р. Кимом для заимствований из санскрита с исходом основы на согласный, распространяется не только на них, но и на всю рассматриваемую группу лексем. Для многосложных основ запрет на сочетаемость с суффиксом *-nma* имеет абсолютный характер (форму *nesaññānmasa* есть основания считать просто ошибкой). Для одно- и двусложных основ число отклонений в обе стороны сравнительно невелико, и некоторые из них (прежде всего, формы на *-nte-nma*) легко объяснимы.

Наиболее же интересный факт состоит в том, что двусложные (де-факто) основы на *-i*, *-u*, *-āw/*, а также на *-ar* и *-ār ~ -rā* морфологически трактуются, так сказать, как «полуторасложные» и представляют собой зону активной конкуренции двух показателей. Для наглядности выпишем в виде таблицы те лексемы, относящиеся к этим группам (не из числа санскритских заимствований), у которых засвидетельствованы формы ед. ч. (переводы для краткости опущены):

Таблица 1.

-nta	-nma
<i>teri</i> ~ <i>tiri</i> – <i>terinta</i> ~ <i>tirinta</i> <i>keni</i> ~ <i>kenī</i> – Loc Pl <i>keñintane</i>	<i>teki</i> – <i>tekanma</i> <i>telki</i> – <i>telkanma</i> * <i>nāki</i> – <i>nakanma</i> <i>wāki</i> – <i>wakanma</i> * <i>ṣotri</i> – <i>ṣotarnma</i> <i>yoktsi</i> – <i>yoktsanma</i> <i>wassi</i> – <i>wāssanma</i> <i>šwātsi</i> – <i>šwatsanma</i> (?) <i>wāntsi</i> – <i>wāntsamnma</i>
<i>keru</i> – <i>kerunta</i>	<i>sanu</i> – <i>snūnma</i>
<i>pärkā_u</i> – <i>pärkāwānta</i>	<i>šanmau</i> – <i>šānmānma</i>

У форм *pärkā_u*, с одной стороны, и *nāki*, *wāki*, *wāssi*, *šwātsi*, *sānu*, *šanmau* – с другой, место ударения определяется однозначно по написаниям с *ā* и *a* /*á*/. Форма *wāntsi*, по-видимому, происходит из архаического текста; *ā* в ней может быть и ударным. Форма *kenī* встретила с *ī* не менее 5-6х в самых разных рукописях, так что такое написание можно считать надежным свидетельством ударения на втором слоге; в монографии Р. Кима имеется (к сожалению, никак не поясняемое автором) замечание о том, что форма *keñintane* содержит “exactly the productive plural marker one would expect for an undercharacterized *kenī*” [Kim 2018: 39]. Написания *terī* (PK AS 14.1.1 a6) и *kerū* (PK AS 5B b2) также засвидетельствованы, но они единичны и потому непоказательны: *ī* и *ū* вполне могут писаться в безударной позиции. Так, время от времени встречается с *ī* заведомо безударное окончание инфинитива *-tsi*, причем имеются даже примеры типа *rīntsi* ‘оставлять, покидать’ или *rītatsi* ‘желать, стремиться’. Более того: имеется случай написания с *-ī* одного из слов, образующих мн. ч. с суффиксом *-nma*: *tekī* (IOL Toch 163 a2). Правда, и это написание единично; прочие возможные примеры сомнительны или должны быть отведены. Особо отметим, что вместо данного в издании *//// wakī su* (618 b6; с кратким *a*) ‘особенность эта’ [Sieg, Siegling 1953: 395], несомненно, следует читать *//// wakīsu = wakīssu** ‘отличительный, особенный (?)’.

Как кажется, у нас имеется достаточно оснований для вывода о том, что «полуторасложные» основы с ударением на втором слоге присоединяют суффикс *-nta*, а «полуторасложные» основы с ударением на первом слоге – суффикс *-nma*. Это наблюдение служит существенным аргументом в пользу реконструкции N-Акк Sg лексемы со значением ‘трубка, желоб (?)’ (N-Акк Pl *stmānma*) в виде *stamau** /*stāmāw*/, предложенной в [Krause, Thomas 1960: 122].

Заметим далее, что прямая вариативность форм мн. ч. на *-nta* и *-nma* при одних и тех же основах отмечена только у заимствований из санскрита. Если выбор суффикса мн. ч. в словах подобной структуры действительно определяется исключительно местом ударения, такая ситуация объяснима. Либо санскритское ударение по своему фонетическому типу сильно отличалось от западнотохарского, и тохары его «не слышали», либо место ударения в «книжных» заимствованиях было тохарским писцам просто неизвестно. И в том, и в другом случае имелись предпосылки для того, чтобы разные носители тохарского В акцентировали санскритские слова по-разному.

Экстраполяция предложенного правила на односложные слова возможна, только если предположить, что в тох. В такие слова могут относиться к разным акцентным парадигмам (а. п.). Как известно, так обстоит дело, в частности, в русском языке: например, слово *ключ* (род. п. ед. ч. *ключа*) имеет условное ударение на основе и относится к а. п. *a*, а слово *ключ* (род. п. ед. ч. *ключá*) имеет условное ударение на окончании и относится к а. п. *b* (о понятии «условного ударения» см. [Зализняк 1967: 152]). Аналогичным образом, тох. В слово *ṣaṅkw** ‘рот, пасть’ (N-Асс Pl *ṣaṅkwanma*) можно было бы рассматривать как имеющее условное ударение на основе и относящееся к а. п. *a*, а тох. В слово *māskw** ‘трудность’ (N-Асс Pl *maskwanta**) – как имеющее условное ударение на окончании и относящееся к а. п. *b*. Но, разумеется, столь сильное допущение требует независимых подтверждений, которые нам в настоящее время неизвестны.

12. Заключение

Представленные выше данные о сочетаемости суффиксов *-nta* и *-nma* могут быть суммированы в виде следующей таблицы (более редкий суффикс *-nma* для наглядности выделен полужирным шрифтом):

Таблица 2.

Тип существительного		Неличные			Личные
Количество слогов		1	2	>2	<i>-nta</i>
Исход основы	Категория				
<i>-o</i>	общ.	x	<i>-nta</i>		
	санскр.	x			
дифтонг	общ.	<i>-nta</i>	x		
	санскр.	<i>-nta</i>			
<i>-a /ā/</i>	общ.	x	<i>-nta</i>		

	санскр.	x		
-e	общ.	x	-nta > -nma	-nta
	санскр.		-nta	
-i	общ.	x	-nma > -nta	-nta
	санскр.		-nta // -nma	
-u	общ.	x	-nta / -nma	x
	санскр.	-nma		-nta
-au /āw/ (отглагольные имена)	общ.	x	-nta / -nma	x
	санскр.			
-eṃ /eṃ/	общ.	x	-nma	x
	санскр.	-nma	x	
-ṃ /n/ (прочие случаи)	общ.	x	-nta	x
	санскр.	-nma > -nta	-nta	
двусложные основы на -ar, -ār ~ -rā	общ.	x	x	x
	санскр.		-nta // -nma	
согласный (прочие случаи)	общ.	-nma > -nta	-nta	
	санскр.			

Пояснения к таблице

общ. – общий случай

санскр. – санскритизмы

-nta > -nma – для данной группы лексем засвидетельствованы оба показателя, один из которых доминирует, отклонения единичны и/или могут быть объяснены

-nta / -nma – для данной группы лексем засвидетельствованы оба показателя, число примеров сопоставимо, распределение установлено, вариативности нет

-nta // -nma – для данной группы лексем засвидетельствованы оба показателя, число примеров сопоставимо, распределение не установлено, имеется прямая вариативность

x – примеров нет

Правила употребления показателей -nta и -nma – яркий пример многофакторного распределения. На выбор одной из двух конкурирующих морфем оказывают влияние по крайней мере следующие факторы:

– семантика (личность / неличность);

- количество слогов в исходной основе;
- ее ауслат;
- место ударения;
- принадлежность / непринадлежность лексемы к числу (неосвоенных) заимствований из санскрита.

Ряд вопросов, касающихся поведения суффиксов *-nta* и *-nta*, по-прежнему остается открытым. Мы надеемся, что дальнейшие находки будут способствовать их разрешению.

Принятые сокращения и условные обозначения

- скр. – санскритское
 - Abl – аблатив
 - Acc – аккузатив
 - G – генитив
 - Loc – локатив
 - N – номинатив
 - N-Acc – номинатив-аккузатив
 - Perl – перлатив
 - Pl – множественное число
 - pl.t. – plurale tantum
 - Sg – единственное число
 - [a] – поврежденная буква
 - (a) – конъектура, восстановление утраченной буквы
 - [-] – поврежденная, неоднозначно читаемая акшара
 - //// – обрыв в рукописи, предшествующий или последующий текст
- утрачен
- x – (столько-то) раз

Литература

1. Бурлак С.А., Иткин И.Б. Тохарский А язык // *Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии*. М.: Academia, 2013а. С. 398-444.
2. Бурлак С.А., Иткин И.Б. Тохарский В язык // *Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии*. М.: Academia, 2013б. С. 444-485.
3. Зализняк А.А. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука, 1967.
4. Иткин И.Б. К истории тохарского выражения *lek rikār* ‘жесты, телодвижения; пантомима (?)’ // *Грани Естественного языка и*

- Кинесики: Сборник статей к 75-летию Г.Е. Крейдлина*. М.: Лабиринт, 2022 (в печати).
5. Adams, Douglas Q. *A dictionary of Tocharian B*. Amsterdam – Atlanta: Rodopi, 1999.
 6. Adams, Douglas Q. *A Dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged*. Vol. I–II. Amsterdam – New York: Rodopi, 2013.
 7. Carling, Gerd. *Dictionary and thesaurus of Tocharian A*. Volume 1: A–J. Compiled by Gerd Carling in collaboration with Georges-Jean Pinault and Werner Winter. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009.
 8. СЕТоМ – *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts* [электронный ресурс] URL: <http://www.univie.ac.at/tocharian/> (дата обращения 16.10.2022).
 9. Filliozat, Jean. *Fragments de textes koutchéens de médecine et de magie. Texte, parallèles sanskrits et tibétains, traduction et glossaire*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1948.
 10. Itkin, Илья В. [Рец. на:] Kim 2018 // *Kratylos*. 2021. № 66. P. 124-148.
 11. Kim, Ronald I. *The Dual in Tocharian: From Typology to Auslautgesetz*. (Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, Beiheft 26.) Dettelbach: J.H. Röhl, 2018.
 12. Krause, Wolfgang, Thomas, Werner. *Tocharisches Elementarbuch*, Bd. 1. Heidelberg: Winter, 1960.
 13. Malzahn, Melanie. Tocharian texts and where to find them // *Instrumenta Tocharica*, ed. Melanie Malzahn. Heidelberg: Winter, 2007. P. 79-112.
 14. Melchert, H. Craig. Tocharian plurals in *-nt-* and Related Phenomena // *Tocharian and Indo-European Studies*. 2000. Vol. 9. P. 53-75.
 15. Peyrot, Michael. *Variation and change in Tocharian B*. (Leiden Studies in Indo-European, Vol. 15.) Amsterdam – New York: Rodopi, 2008.
 16. Sieg, Emil H., Siegling, Wilhelm. *Tocharische Sprachreste. Sprache B*. Hf. 2. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1953.
 17. Stumpf, Peter. *Die Erscheinungsformen des Westtocharischen. Ihre Beziehungen zueinander und ihre Funktionen*. (Tocharian and Indo-European Studies, Suppl. 2.) Reykjavík: Málvísindastofnun Háskóla Íslands, 1990.
 18. Tamai, Tatsushi. *A preliminary edition of unpublished texts from the Berlin Turfan Collection* [электронный ресурс] URL: <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/thtframe.htm> (дата обращения 16.10.2022).
 19. Thomas, Werner. *Tocharisches Elementarbuch*, Bd. 2. Heidelberg: Winter, 1964.

20. Winter, Werner. Nominal and pronominal dual in Tocharian // *Studia Tocharica. Selected writings. Ausgewählte Beiträge*. Poznań: Uniwersytet Im. Adama Mickiewicza, 1984. P. 124-159. (Впервые опубликовано в: Winter, Werner. Nominal and pronominal dual in Tocharian // *Language*. 1962. № 38. P. 111-134.)

Запятая при относительных придаточных в японском языке: неоднозначный синтаксис и неиконичная графика

Алексей Сергеевич Зверев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
zvereval@inbox.ru, ORCID 0000-0001-9059-4057

Аннотация. Статья посвящена феномену неиконичного расхождения между графической и синтаксической структурами в употреблении пунктуации. Используя стандартный подход к знакам препинания как к средствам обозначения синтаксических границ, мы рассмотрим особый класс употреблений японской запятой, снимающей синтаксическую неоднозначность, и покажем, что она выступает начальным синтаксическим элементом следующего за ней относительного придаточного, маркируя его левую границу, несмотря на то, что графически примыкает к предшествующей фразе.

Ключевые слова: запятая, относительное придаточное, пунктуация, знаки препинания, синтаксическая неоднозначность, японский язык

The comma introducing relative clauses in Japanese: ambiguous syntax and non-iconic graphic

Zverev Alexey Sergeevich

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
zvereval@inbox.ru, ORCID 0000-0001-9059-4057

Abstract. The paper examines the phenomenon of non-iconic mismatch between graphic and syntactic structures in punctuation use. A particular case of disambiguating comma in Japanese is taken into consideration. Employing the standard approach to punctuation marks as syntactic delimiters, we argue the comma to be the starting syntactic element of the following relative clause that marks its left boundary, despite being graphically cliticized to the preceding phrase.

Keywords: comma, relative clause, punctuation, syntactic ambiguity, Japanese

1. Введение

В описании синтаксической функции пунктуации на материале разных языков наибольшее распространение получил подход, согласно которому знаки препинания позиционно привязываются к границам тех

или иных составляющих и тем самым маркируют эти границы. Точки и другие знаки, которые употребляются в конце предложения, указывают на положение этих концов (правых границ предложения), тогда как внутри предложения главная роль отводится запятым, которые обозначают границы придаточных и всевозможных оборотов (в русском – преимущественно клауз). Особенно прочно этот подход утвердился в русистике – многочисленные формулировки такого типа можно встретить в монографиях [Шапиро 1955; Шварцкопф 1988] или справочнике [Розенталь и др. 1994]¹. Как проявление этого подхода, в частности, в изложении правил русской пунктуации регулярно используется понятие «обособления» (разных категорий синтаксических единиц) – ср. [Розенталь и др. 1994, с. 99]:

«Как правило, обособляются (отделяются запятой, а в середине предложения выделяются с двух сторон запятыми) согласованные пространственные определения, выраженные причастием или прилагательным с зависимыми от них словами и стоящие после определяемого слова».

Принято считать, что расположенные на границах составляющих знаки препинания «проявляют», делают наглядной синтаксическую структуру благодаря своей противопоставленности непунктуационным графемам [Шварцкопф 1988, с. 7-8, с. 120-121]. Действительно, следует признать, что пунктуационные пометы выделяются на фоне остального текста при самом поверхностном визуальном анализе. Но графическая выделенность знака препинания сама по себе позволяет только привлечь внимание к одной точке (позиции) в текстовой последовательности. Полноценная же синтаксическая интерпретация требует ассоциировать знак препинания с некоторой составляющей – т.е. в конечном итоге установить, находится ли соответствующий фрагмент текста справа или слева от знака и какую он имеет протяженность. Иными словами, пунктуационные показатели действуют на множестве синтаксических составляющих и обозначают не «границы вообще», а границы определенных синтаксических единиц.

Впрочем, поверхностно-графические явления не исчерпываются выделенностью знаков препинания на фоне графем других классов. Что касается направления синтаксических связей, то его во многих случаях тоже проясняет графика, а именно выраженная асимметрия синтагматических связей внутри графического означающего. Поведение пунктуации с точки зрения параметров графической связности определяется ха-

¹ Об особенностях традиционного подхода в сопоставлении с развиваемой альтернативой см. [Зверев 2019].

рактором ограничений на перенос, асимметричной конфигурацией пустого пространства вокруг знака [Зверев 2018].

Иконичную согласованность между графическими и синтаксическими связями легко наблюдать на примере скобок и кавычек. Эти парные знаки не только графически примыкают к заключенному между ними внутреннему тексту, но и принадлежат ему синтаксически – в частности, перемещаются, удаляются из предложения вместе с ним. Ср. примеры:

- (1) *Мария прочитала еще несколько страниц «Фауста» (с неохотой) и съела кусочек торта «Прага» (с большим удовольствием).*
- (2) *Мария прочитала (с неохотой) еще несколько страниц и съела (с большим удовольствием) кусочек торта.*
- (3) *Мария прочитала еще несколько страниц и съела кусочек торта.*

Роль графических связей в наиболее чистом виде проявляется в текстах, подобных машинописным, где форма открывающих и закрывающих знаков не различается, а унифицируется, например, в варианте " (для кавычек) или / (для скобок). В такой ситуации именно асимметрия графических связей позволяет сразу определить, с какой стороны от скобки или кавычки находится оформленная ею конструкция, что существенно повышает удобочитаемость. См. пример:

- (4) БАСКАКОВ. Так. /Читает./ "Инженер-психолог Вельцева вторично направляется... для проведения работы... Предварительные выводы получили высокую оценку экспертов..." Подпись... министра. /Смотрит на Вельцеву./ Так. И что же это означает практически? /Вызывает секретаршу./ [Шварцкопф 1988, с. 119]

Столь же прозрачно ведут себя пунктуационные показатели конца предложения: точки, вопросительные, восклицательные и другие знаки. Одновременно графически, синтаксически и семантически все они связываются с преконтекстом.

Однако такая прозрачная картина связей наблюдается не при любых знаках. Запятые, как и большинство знаков препинания, всегда графически примыкают к преконтексту. Но эта графическая связь вовсе не обязательно сопровождается синтаксической аффилиацией². Запятые, син-

² Дж. Нанберг отметил подобное явление на английском материале, комментируя поведение первой запятой в англ. *John, who had seen the movie, left early*. Он обратил внимание, что с точки зрения разбиения текста на строки, в частности, эта запятая ведет себя как неотъемлемая часть предшествующего

таксически аффилированные с постконтекстом (мы называем их левосторонними – расположенными на левой границе оформляемой группы), давно известны в русистике – как первый компонент особого знака «двойная запятая» (ср. [Шапиро 1955, с. 88-89]). Такие запятые употребляются на границах различных вставных конструкций (parenthes), придаточных и оборотов. Рассмотрим пример с деепричастным оборотом:

(5) *В прошлом году мой брат, не думая о последствиях, решил переехать в соседний город со всей семьей.*

Обе запятые ведут себя как пограничные структурные компоненты деепричастного оборота – передвигаются вместе с ним по предложению и удаляются из него вместе с ним:

(6) *В прошлом году, не думая о последствиях, мой брат решил переехать в соседний город со всей семьей.*

(7) *В прошлом году мой брат решил переехать, не думая о последствиях, в соседний город со всей семьей.*

(8) *В прошлом году мой брат решил переехать в соседний город со всей семьей.*

Можно заметить, что с точки зрения графики две запятые, поставленные в середине предложения, визуальнo разбивают его на три фрагмента. Но только один из них неизменно соответствует синтаксической составляющей, а именно деепричастному обороту. Остальные же в общем случае вообще не образуют синтаксического единства – ср. «*В прошлом году мой брат*» в (5) или «*в соседний город со всей семьей.*» в (7). Поверхностно-графическое вычленение таких фрагментов текста не имеет под собой синтаксического основания и является только побочным результатом употребления запятых при деепричастном обороте.

Двойные запятые можно заместить скобками или тире. В отличие от нейтральных запятых, помимо чисто синтаксического обособления, эти знаки сообщают оформленной ими составляющей дополнительную содержательную характеристику – пониженную коммуникативную значимость (скобки) или, напротив, некоторую коммуникативную выделенность (двойное тире):

(9) *В прошлом году мой брат (не думая о последствиях) решил переехать в соседний город со всей семьей.*

(10) *В прошлом году мой брат – не думая о последствиях – решил переехать в соседний город со всей семьей.*

слова – несмотря на то, что синтаксически выступает показателем границы следующего придаточного [Nunberg 1990, p. 58].

По-видимому, всем предложениям в этом парадигматическом ряду (примеры (5), (9), (10)) следует приписывать принципиально одинаковую структуру, в которой парные знаки (скобки, двойные запятые или тире) синтаксически и семантически привязываются к деепричастному обороту – несмотря на различия в графическом поведении трех показателей.

Итак, все приведенные наблюдения показывают, что с точки зрения синтаксиса первая из двух запятых, уподобляясь открывающей скобке, присоединяется к следующему за ней деепричастному обороту и сигнализирует о его левой границе.

Грамотному носителю русского языка подобные синтаксические рассуждения могут показаться избыточными, а выводы – слишком тривиальными. Русская нормативно-школьная традиция твердо приучает ассоциировать постановку обеих запятых с деепричастным оборотом, и формулировки соответствующих пунктуационных правил в любых учебниках и справочниках содержат прямое указание на данную синтаксическую категорию. При этом попыток как-то обосновать такое положение вещей, раскрывая асимметричную картину синтагматических связей запятой, нам в лингвистической литературе не встречалось.

Между тем потребность в аккуратном анализе, который бы опирался на объективные критерии, становится очевидной после знакомства с материалом «экзотических» языков, которые не имеют столь же развитой традиции описания пунктуации и к тому же не являются родным языком исследователя. Нельзя всецело полагаться на интуицию носителя, привычные формулировки из популярных описаний или «иконичную» графику.

В настоящей статье мы ставим своей целью распространить устоявшийся подход к пунктуации как к средству обозначения границ составляющих на особый класс употреблений японской запятой. Мы проанализируем ее роль в прояснении синтаксиса, вместе с тем обращая внимание и на графику – чтобы более полно оценить «наглядность» отражения синтаксической структуры средствами пунктуации.

2. Левосторонняя запятая в японском языке

2.1. Запятая при вставных конструкциях

Оформление вставных конструкций-парентез путем размещения запятых одновременно на левой и правой границах известно и в японском языке [Номото 1975, с. 17; О:руй 2006, с. 14, с. 42; Сё:гаккан 2007, с. 13]. В отличие от русистики, в японской традиции не принято выделять «двойную запятую» как какой-то особый знак препинания – не в последнюю очередь потому, что в японском, по сравнению с русским, это пунктуационное средство является более периферийным. Тем не

менее в плане соотношения графических и синтаксических связей левосторонней запятой японская ситуация представляется аналогичной. См. пример:

(11) 会社は、ストの場合も、休まない。

kaisha wa, suto no baai mo, yasum-ana-i.
компания TOP, забастовка GEN случай даже, не.работать-
NEG-PRS.

Компания, даже в случае забастовки, не прекращает работу. [Номото 1975, с. 17]

Первая запятая графически примыкает к преконтексту, но позиционируется описанием как расположенная перед вставной конструкцией *ストの場合も* «даже в случае забастовки», помещенной в середину главного предложения [Номото 1975, с. 17].

Примечательно, что японские описания, наряду с постановкой двух запятых, иногда одновременно отмечают и возможность оформления парентез при помощи одиночной запятой на левой границе:

(12) こうした傾向は初期の作品、たとえば『草枕』『虞美人草』などに代表的に見られる。

kooshita keikoo wa shoki no sakuhin,
такой тенденция TOP ранний.период GEN произведение,
tatoeba “kusa-makura” “gubijinsoo” nado ni
например “травы-подушка” “мак.самосейка” PL DAT
daihyooteki ni mi-rare-ru.
типичный ADV видеть-PASS-PRS.

Такая тенденция типично наблюдается в произведениях раннего периода, таких как «Трава у изголовья», «Мак» и другие. [Сё:гаккан 2007, с. 13]

Хотя справочник [Сё:гаккан 2007, с. 13] также усматривает в этом примере «вставную конструкцию», этот случай обладает своей спецификой. Открытый в уточняющей группе *たとえば『草枕』『虞美人草』*など «таких как «Трава у изголовья», «Мак» и другие» альтернативный путь развертывания дискурса не обрывается – напротив, вставка интегрируется с постконтекстом, который достраивается как ее плавное продолжение. Соответственно, вставленное уточнение обособляется запятой только от левого контекста³.

³ Судя по данным [Сё:гаккан 2007, с. 48-49; Данилов, Сыромятников 2011, с. 67-68], подобные «односторонние парентезы» могут оформляться и одиночным тире в начале конструкции.

Независимо от присутствия запятой на правой границе парентезы, оба типа случаев характеризуются важной общей особенностью. Левосторонняя запятая, синтаксически аффилированная с правым контекстом (составляющей-парентезой), со своим левым контекстом связывается только графически и не предъявляет к нему синтаксических (и в целом содержательных) требований. Это может приводить к графическому обособлению случайных фрагментов преконтекста, которые не являются синтаксическими составляющими. Если в примере (11) предшествующий запятой фрагмент 会社は «компания» оказался целой составляющей (тематической именной группой), то в примере (12) начальная последовательность こうした傾向は初期の作品 «такая тенденция произведения раннего периода» не образует единого синтаксического узла.

2.2. Запятая, снимающая синтаксическую неоднозначность

С нашей точки зрения, сфера употребления левосторонней запятой в японском языке может быть существенно шире и включать в себя, помимо различных вставных конструкций, как минимум еще один обширный класс случаев, которые не трактуются таким же образом традиционными описаниями. Рассмотрим следующий пример:

(13) ある時彼は大曲の所で、電車を下る平岡の影を半町程手前から認めた。

<i>aru</i>	<i>toki</i>	<i>kare</i>	<i>wa</i>	<i>oomagari</i>	<i>no</i>	<i>tokoro</i>	<i>de,</i>
один	время	он	TOP	Омагари	GEN	место	INS,
<i>densha</i>	<i>o</i>	<i>ori-ru</i>		<i>hiraoka</i>	<i>no</i>	<i>kage</i>	<i>o</i>
трамвай	ACC	сходить-PRS		Хираока	GEN	фигура	ACC
<i>han-choo</i>		<i>hodo</i>	<i>temae</i>		<i>kara</i>	<i>mitome-ta.</i>	
половина-тё		как	эта.сторона		от	замечать-PS.T.	

Однажды неподалеку от Омагари он с полусотни метров увидел фигуру Хираоки, который сходил с трамвая. [Сё:гаккан 2007, с. 12] (расстояние в 1 тё – около 109 м)

В справочнике [Сё:гаккан 2007, с. 12] данный пример подается как иллюстрация к случаю, когда запятая ставится «после зависимой группы слов, если она удалена от модифицируемой главной группы». Поясняется, что в отсутствие запятой после группы 大曲の所で «неподалеку от Омагари», относящейся к вершинному предикату 認めた «увидел», при чтении ее можно ошибочно включить в группу 電車を下る «[который] сходил с трамвая» (т.е. в относительное придаточное).

Нужно подчеркнуть, что в изученных описаниях этого употребления запятой категория «относительного придаточного» прямо не упоминается – обычно они вообще не содержат какого-либо указания на

соответствующий компонент предложения. Однако реально все приводимые примеры практически сводятся к предложениям с определенными клаузами с вершиной-глаголом или другой предикативной единицей. По-видимому, это основной источник структурной неоднозначности такого типа в японском языке. Имея в виду возможность распространения подхода и на смежные случаи, в данной статье мы намерены ограничиться предложениями с относительными придаточными.

Второй пример из того же справочника:

(14) このように、実地を無視した考え方がいまだ罷り通っているのである。

<i>kono</i>	<i>yoo</i>	<i>ni,</i>	<i>jitchi</i>	<i>o</i>	<i>mugen</i>
этот	образ	ADV,	реальность	ACC	игнорирование
<i>sh-ita</i>	<i>kangaekata</i>	<i>ga</i>	<i>imada</i>	<i>magaritoot-te</i>	
VRB-PST	образ.мыслей	NOM	все.еще	проходить.мимо-CNV	
<i>i-ru</i>	<i>no</i>	<i>de</i>	<i>ar-u.</i>		
AUX-PRS	NML	COP.CNV	быть-PRS.		

Так мысль, не замечавшая реальности, по-прежнему проходит мимо. [Сё:гаккан 2007, с. 13]

Запятая после сирконстанта *このように* «так» позволяет исключить его принадлежность следующему относительному придаточному *実地を無視した* «не замечавший реальности».

Описания с аналогичными формулировками, которые фокусируются на зависимом и поиске его вершины, мы обнаруживаем в изложении [Номото 1975, с. 17-18], [О:руй 2006, с. 14, с. 36] (последний сборник цитирует и ранний пунктуационный проект 1906 года): чтобы некоторое зависимое («наречие», «модификатор», «определение») не было по ошибке привязано к другой вершине, после него надо поставить запятую.

Такое же видение, ориентированное на характеристику зависимого, стоящего перед запятой, предлагается и в русском пособии по японской пунктуации [Данилов, Сыромятников 2011, с. 51]: «запятая ставится после определения, если между ним и определяемым словом «вклиниваются» другие слова, поскольку без запятой определение может быть по ошибке отнесено непосредственно к следующему за ним слову». Вот один из иллюстративных примеров:

(15) 大きな、町の中央を流れる川が見える。

<i>ooki-na,</i>	<i>machi</i>	<i>no</i>	<i>chuuoo</i>	<i>o</i>	<i>nagare-ru</i>
большой-ATR,	городок	GEN	центр	ACC	течь-PRS
<i>kawa</i>	<i>ga</i>	<i>mie-ru.</i>			
река	NOM	виднеться-PRS.			

Видна большая река, протекающая через центр городка. [Данилов, Сыромятников 2001, с. 51]

Как поясняется, запятая помогает избежать «бесмысленной» трактовки *大きな町* ^{???} «большой городок». В отличие от двух примеров выше, здесь зависимое присоединяется не к ближайшему (после исключенного запятой) грамматически приемлемому кандидату *中央* («большой...центр»), а к стоящему еще правее *川* («большая...река»). Это показывает, что в общем случае такая запятая не конкретизирует положения настоящей вершины, а только исключает один из ложных вариантов.

В статье [Номото 1975, с. 18] параллельно дается и пример обратной ситуации, когда то понимание, которое диктовалось бы вставленной запятой, было бы ошибочным (точнее, не отвечало бы намерению пишущего):

- (16) *すべて国民は、法律の定めるところにより、その能力に応じて、ひとしく教育を受ける権利を有する。*

<i>subete</i>	<i>kokumin</i>	<i>wa,</i>	<i>hooritsu no</i>	<i>sadame-ru</i>	<i>tokoro</i>
весь	народ	TOP,	закон	GEN	устанавливать-PRS NML
<i>niyori,</i>	<i>sono</i>	<i>nooryoku</i>	<i>nioojite,</i>	<i>hitoshi-ku</i>	
согласно,	этот	способность	в.зависимости,	равный-ADV	
<i>kyooiku</i>	<i>o</i>	<i>uke-ru</i>	<i>kenri o</i>	<i>uui</i>	<i>su-ru.</i>
образование	ACC	получать-PRS	право	ACC	обладание VRB-PRS.

Все имеют равное право на образование в соответствии со своими способностями в порядке, предусмотренном законом. [Номото 1975, с. 18] (26-я статья конституции Японии)

Если бы после *ひとしく* «равно» стояла запятая, этот сирконстант включался бы в состав главной клаузы с вершиной *有する* «имеют», а не относительного придаточного *教育を受ける* «получать образование». Иначе говоря, идея «все имеют право на равных получать образование» подменялась бы идеей «все одинаково имеют право получать образование»; последнее означало бы, что право на образование как таковое имеют все, но образование при этом может быть разным и получаться на разных условиях. В русском переводе этот семантико-синтаксический нюанс отчасти сохранен – в том смысле, что идея равенства выражена в определении к «праву», а не в главной клаузе, сообщающей про «обладание».

Стандартные формулировки, в которых позиция запятой определяется по отношению именно к левому, а не правому синтаксическому контексту («после зависимого»), диктуют соответствующий взгляд на асимметрию ее синтаксических связей: запятая ставится после зависимого, как, например, падежный послелог, и точно так же сообщает ему некоторую грамматическую характеристику. Цели нашего исследования

заставляют переосмыслить такую трактовку и проверить, как она согласуется с интерпретацией запятой как показателя, который передает информацию о границе некоторой составляющей.

2.3. Синтаксическая аффилиация запятой

Итак, перед нами встает задача определить, информацию о какой синтаксической границе привносит в текст запятая – так, что это приводит к разрешению синтаксической неоднозначности, которая наблюдалась бы в предложении в отсутствие запятой. Иначе говоря, нужно установить, какую (левую или правую) границу какой составляющей эта запятая маркирует. Чтобы облегчить восприятие наших общих рассуждений, в качестве опорной иллюстрации мы будем использовать приводившийся выше пример из справочника [Сё:гаккан 2007, с. 12]:

(17) ある時彼は大曲の所で、電車を下る平岡の影を半町程手前から認めた。

<i>aru</i>	<i>toki</i>	<i>kare</i>	<i>wa</i>	<i>oomagari</i>	<i>no</i>	<i>tokoro</i>	<i>de,</i>
один	время	он	TOP	Омагари	GEN	место	INS,
<i>densha</i>	<i>o</i>	<i>ori-ru</i>		<i>hiraoka</i>	<i>no</i>	<i>kage</i>	<i>o</i>
трамвай	ACC	сходить-PRS		Хираока	GEN	фигура	ACC
<i>han-choo</i>		<i>hodo</i>	<i>temae</i>		<i>kara</i>	<i>mitome-ta.</i>	
половина-tё		как	эта.сторона		от	замечать-PST.	

Однажды неподалеку от Омагари он с полусотни метров увидел фигуру Хираоки, который сходил с трамвая. [Сё:гаккан 2007, с. 12] (расстояние в 1 тё – около 109 м)

Очевидно, что интерпретация, согласно которой запятая обозначает правую границу группы предшествующего зависимого (大曲の所で «неподалеку от Омагари»), не имеет под собой оснований – уже потому, что это никак не способствует снятию заявленной синтаксической неоднозначности. К тому же, на эту границу обычно надежно указывают завершающие зависимое суффиксы или послелого, как て в данном примере.

Продолжая рассмотрение прекоптекста, можно заметить, что синтаксический эффект от постановки запятой не ограничивается синтаксической аффилиацией непосредственно предшествующего зависимого.

В данном примере с отдаленной вершиной 認めた «увидел» связывается не только соседствующая с запятой группа 大曲の所で «неподалеку от Омагари», но и стоящие еще левее ある時 «однажды» и 彼は «он». Между тем в условиях последовательного чтения слева направо анализ

мог бы с самого начала пойти по ложной «садовой тропинке»⁴. В отсутствие запятой все три группы могли бы быть первоначально включены в одну клаузу с прямым дополнением 電車を «с трамвая», как зависимые при том же глаголе 下る «сходил»: «однажды он неподалеку от Омагари с трамвая сходил...». Только продолжение анализа выявило бы ошибку: тематический показатель は не употребляется в относительных придаточных [Алпатов и др. 2008, с. 287]. (Разумеется, ключей типа は в тексте могло и не оказаться.) Таким образом, запятая одновременно корректирует синтаксическую привязку всех встреченных ранее актантов и сирконстантов, а не только последнего из них.

Соответственно, можно было бы сказать, что запятая обозначает правую границу всей последовательности таких зависимых, связанных с отдаленной вершиной: ある時彼は大曲の所で «однажды он неподалеку от Омагари».

Здесь важно подчеркнуть: мы предпочитаем исходить из того, что в своей синтаксической функции знаки препинания действуют на множестве тех же составляющих, в которые вербальный (непунктуационный) материал организуется на основании внутренних для него критериев. Говоря языком традиционных описаний, они «проясняют» ту синтаксическую структуру, которая выстраивается и в работах, вообще игнорирующих пунктуацию. Мы избегаем постулировать избыточные синтаксические сущности, чтобы оправдать решения, которые не вписываются в эту картину. Поэтому выделение отрезка ある時彼は大曲の所で «однажды он неподалеку от Омагари» как некой синтаксической составляющей ad hoc представляется нам нежелательным допущением.

Получается, что при правосторонней интерпретации сфера действия запятой – претендующей на роль показателя, функционирующего на синтаксическом уровне, – в общем случае не образует синтаксического единства. Если в формулировке [Плунгян 2003, с. 33] уже способность языковых единиц к групповому оформлению понимается как «отсутствие синтаксической связанности», то в данном случае синтаксическая связанность запятой с преконтекстом не достигает и этого слабейшего уровня.

Поэтому решение следует искать в приписывании запятой функции, которая состоит в маркировании левой границы некоторой составляющей в постконтексте. Требуется установить, к началу какой составляющей привязана позиция запятой – иными словами, что за единица стоит в конце этой составляющей (для двустороннего ограничения парентез, как

⁴ Речь идет о ситуации временной синтаксической неоднозначности, с которой сталкивается анализ т.н. «предложений заблуждения» (англ. garden-path sentences).

отмечалось выше, иногда привлекается вторая запятая). Применительно к письменному японскому, это практически эквивалентно указанию вершины составляющей. Набор вариантов заведомо ограничен следующим списком:

(18) ある時彼は大曲の所で、 $[z_{\forall}[x \text{ 電車を下る}] \text{平岡の影を}] \text{半町程手前から認めた}]$ 。

Однажды неподалеку от Омагари он $[z$ с полусотни метров увидел $[\forall$ фигуру Хираоки $[x$, который сходил с трамвая]].

1) составляющая X , завершенная ближайшим (ложным) кандидатом на роль вершины (здесь – относительное придаточное 電車を下る «[который] сходил с трамвая»);

2) составляющая Y , которая соответствует следующей за данным зависимым соподчиненной единице (здесь – прямое дополнение 電車を下る 平岡の影を «фигуру Хираоки, который сходил с трамвая»);

3) группа Z , которая включает в себя настоящую вершину для рассматриваемого зависимого, а также весь разделяющий их контекст, вплоть до запятой (здесь – 電車を下る 平岡の影を 半町程手前から認めた «с полусотни метров увидел фигуру Хираоки, который сходил с трамвая»).

Три указанные составляющие, в отличие от всех прочих, можно выделить в любых неоднозначных контекстах такого рода: это заложено в заявленных условиях постановки запятой⁵.

Все эти три составляющие всегда вложены друг в друга ($X < Y < Z$), причем таким образом, что их левые границы обязательно совпадают. Однако по своей значимости для размещения запятой эти границы неравноценны, что обнаруживается простыми трансформациями. Достаточно информативным оказывается тест на изъятие из текста отдельных составляющих. Действительно, достаточно удалить только наименьшую составляющую X – т.е. ложную вершину вместе с ее группой, – и неоднозначность, обусловленная этой вершиной, закономерно устраняется вместе с запятой:

(19) ある時彼は大曲の所で $[z_{\forall} \text{平岡の影を}] \text{半町程手前から認めた}]$ 。

Однажды неподалеку от Омагари он $[z$ с полусотни метров увидел $[\forall$ фигуру Хираоки]].

Более крупные единицы Y и Z остаются (в новом составе, без относительного придаточного) на месте, но дополнительно обозначать их границы запятой для снятия неоднозначности уже нет необходимости.

Показательно, что если попытаться убрать предшествующее запятой зависимое (大曲の所で «неподалеку от Омагари»), то потребность в ней все еще сохраняется, если левее остались другие зависимые (ある時

⁵ В принципе, не исключается совпадение второй из названных составляющих с первой, но это только упрощает картину.

彼は «однажды он»), которые можно ошибочно присоединить к той же вершине (下りる «сходил»).

Постановка скобок при относительном придаточном (в качестве сигнала о факультативности, пониженной коммуникативной значимости) приводит к аналогичному синтаксическому результату – неоднозначность снимается, потребность в запятой отпадает:

(20) ある時彼は大曲の所で（電車を下る）平岡の影を半町程手前から認めた。

Однажды неподалеку от Омагари он с полусотни метров увидел фигуру Хираоки (который сходил с трамвая).

По классификации [Зверев 2012], относительное придаточное превращается в тесно интегрированную в контекст слабую скобочную группу, и открывающая скобка замещает собой запятую в качестве показателя левой границы.

Итак, объективные данные свидетельствуют в пользу того, что в таких конструкциях запятая синтаксически принадлежит постконтексту – причем наименьшей из перечисленных составляющих, с определением границ которой прежде всего и связана неоднозначность. Позиция запятой в первую очередь указывает на левую границу группы ближайшего (ложного) кандидата на роль вершины. Этой группой является относительное придаточное, тогда как сигналы о прочих границах могут рассматриваться как вторичные следствия.

3. Заключение

Рассмотренная в статье постановка запятой перед относительными придаточными, нацеленная на снятие синтаксической неоднозначности, пополняет множество употреблений левосторонней запятой в японском языке. При этом особенное сходство обнаруживается с оформлением «односторонних парентез» типа специфицирующей вставки из примера (12), обособленной только с левой стороны. Относительное придаточное похожим образом «прерывает» развертывание главной клаузы, но интегрируется с ее продолжением в постконтексте.

Феномен левосторонней запятой и проанализированные примеры употребления обосновывают необходимость аккуратного различения синтаксических и графических явлений в изучении пунктуации.

Как уже было отмечено, знакам препинания обычно приписывают способность «эксплицировать» синтаксическую структуру благодаря графической выделенности, противопоставляющей их графемам других классов. Привязанность синтаксической функции к графической специфике пунктуационных показателей в традиционных представлениях настолько сильна, что знаки препинания фактически наделяются статусом графем, функционирующих на синтаксическом уровне. Например, при

обсуждении синтаксической функции пунктуации в монографии [Шварцкопф 1988, с. 120] автор прямо характеризует знаки препинания как «специализированные на предмет членения текста графемы». В теории пунктуации в целом разграничение графики и грамматики проводится очень нечетко.

Между тем изученный материал показывает, насколько нетривиальным может быть соотношение между графическими и синтаксическими структурами. Так, в примерах (12) и (13) предложение графически разделяется запятой на две части, одна из которых не соответствует синтаксической сфере действия запятой, а другая вообще не является синтаксической составляющей. Рассогласованность графических и синтаксических связей левосторонней запятой также заметно осложняет картину⁶. Синтаксическая интерпретация таких конструкций не может механически опираться на такие поверхностные свойства запятой, как ее визуальная выделенность или графическое примыкание к преконтексту.

Поэтому «наглядность» пунктуационной разметки синтаксических структур не следует переоценивать – переход от графики к синтаксису может требовать не менее сложных процедур, чем при работе с непунктуационными средствами. Как единицы синтаксического уровня, в этом смысле пунктуационные показатели принципиально не отличаются от обычных служебных слов – несмотря на свою поверхностно-графическую специфику. Все это служит дополнительным аргументом в пользу различения – как разных языковых объектов – пунктуационных графем и тех служебных показателей, которые записываются с их помощью (о развешиваемом подходе к пунктуации см. [Зверев 2014, с. 92-95]).

В заключение, помимо теоретических следствий полученных результатов, отметим и некоторую их практическую ценность. По сравнению с традиционными японскими описаниями, формулировка вида «запятая ставится перед относительным придаточным в середине предложения» представляется более близкой и понятной русским, знакомым с пунктуацией родного языка, и потому может найти применение в преподавании. Если носители русского языка привыкли выделять (относительные) придаточные запятыми с обеих сторон, с поправкой на контекст, то в японском запятая появляется только слева. Кроме того, японское употребление сопряжено с намерением снять синтаксическую неоднозначность, и правила обязательного обособления не предусмотрено.

⁶ Подобные явления сближают пунктуационные показатели с клитиками устных языков (о сопоставлении с клитиками см. [Nunberg 1990, p. 58], а также [Зверев 2018]).

Грамматические сокращения

ACC – аккузатив	NEG – отрицание
ADV – адвербиальная форма	NML – субстантиватор
ATR – атрибутивная форма	NOM – номинатив
AUX – вспомогательный глагол	PASS – пассив
CNV – деепричастие	PL – множественное число
COP – связка	PRS – настоящее-будущее время
DAT – датив	PST – прошедшее время
GEN – генитив	TOP – топик
INS – инструменталис	VRB – вербализатор

Литература

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. *Теоретическая грамматика японского языка*. М.: Наталис, 2008. Кн. 2.— 448 с.
2. Данилов А.Ю., Сыромятников Н.А. *Японский язык. Пунктуация, знаки повтора, вспомогательные пометы*. М.: Муравей-Гайд, 2001. — 128 с.
3. Зверев А.С. Графическая связность: линейно-синтагматический статус японских пунктуационных показателей // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 27-38.
4. Зверев А.С. Знаки препинания конца предложения как заключительные частицы письменного японского языка // *Вопросы языкознания*. 2014. № 6. С. 92-110.
5. Зверев А.С. Классификация типов скобочных групп в японском языке // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы X международной конференции (Москва, 21-22 ноября 2012 года)*. М.: Ключ-С, 2012. С. 59-70.
6. Зверев А.С. О сочетаниях запятой с различными единицами синтаксического уровня в японском и русском языках // *言語教育における コロケーション — ロシア語と日本語 [Гэнго кё:ику ни окэру корокэ:сён – росиаго то нихонго {Коллокации в русском и японском языковом образовании}]*. Иокогама: Ун-т Канагава, 2019. С. 43-60.
7. Плуныян В.А. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: Едиториал УРСС, 2003. — 384 с.
8. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. *Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию*. М.: Московская международная школа переводчиков, 1994. — 400 с.

9. Шапиро А.Б. *Современный русский язык. Пунктуация*. М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 398 с.
10. Шварцкопф Б.С. *Современная русская пунктуация: система и ее функционирование*. М.: Наука, 1988. — 192 с.
11. Nunberg, Geoffrey. The linguistics of punctuation / *CSLI Lecture notes*. № 18. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1990. — 160 p.
12. 野元 菊雄 [Номото Кикию]. 区切り符号の用法 [Кугири фуго: но ё:хо: {Правила употребления знаков препинания}] // 言語 [Гэнго {Язык}] Токио: Тайсю:кан, 1975. Vol.4. № 9. С. 14-19.
13. 大類 雅敏 [О:руй Масатоси] 句読点活用辞典 [Куто:тэн кацүё: дзитэн {Словарь практического употребления пунктуации}]. Токио: Эйко:, 2006.— 313 с.
14. 句読点、記号・符号活用辞典 [Куто:тэн киго: фуго: кацүё: дзитэн {Словарь практического употребления пунктуации, специальных знаков и символов}]. Токио: Сё:гаккан, 2007. — 322 с.

**Вклад советских лингвистов-синологов
в дискуссию о фонетической сущности китайской письменности**

Кожа Ксения Анатольевна

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
ksenia.kozha@gmail.com, ORCID 0000-0003-2717-6156

Аннотация. В статье анализируется основной этап формирования языковой теории о фонетической природе иероглифического письма. Кратко представлены взгляды ведущих советских синологов первой половины XX в., предпосылки и некоторые следствия процесса осмысления сущности китайской письменности и механизмов её развития, происходившего как в советской, так и мировой синологии указанного периода.

Ключевые слова: фоноидеограмма, иероглифика, фонетизация

**Few remarks on the phonetic essence of the Chinese script:
Russian Soviet linguists' contribution**

Ksenia Kozha

Institute of Oriental Studies RAS,
ksenia.kozha@gmail.com, ORCID 0000-0003-2717-6156

Abstract. The paper discusses a short period of sinological studies on the nature of the Chinese hieroglyphic script. It touches upon the mainstream theories of the Soviet linguists in the first half of the twentieth century: new approaches to the script historical development and the mechanism of its phonetization. The postulates of the leading sinologists, both Russian and foreign, are briefly presented in close integration with each other.

Keywords: phono-ideographic, logographic, Chinese script phonetization

Некоторое время назад я уже проводила разбор методов исследования идеографических письменностей лингвистами и синологами XIX в. – на заре формирования современной лингвистической теории [Кожа 2020]. В ходе работы на эту тему накопилось много ценного материала. Оказалось интересным проследить развитие выявленных подходов в контексте оформления синологической лингвистики в самостоятельную отрасль научного знания. В настоящей статье предпринята попытка анализа

отдельных работ советских лингвистов-синологов, затрагивавших тему генезиса китайской письменности и отразивших участие авторов в дискуссии о фонетической сущности этой письменности. Эти работы будут представлены в связи с трансформацией представлений об этом предмете в общей европейской синологии, наметившейся благодаря революционным работам Б. Карлгрена (Bernhard Karlgren, 1889-1978) и П.А. Будберга (Peter Woodberg, 1903-1972). Таким образом, настоящий обзор будет посвящен формированию языковой теории в отношении открыто постулируемой к середине XX в. фонетической природы иероглифического знака.

Исходная идея о том, что иероглиф записывает смыслы и понятия, легла в основу идеографической [от греч. *idea* (идея) + *γραφο* (пишу)] концепции, многие десятилетия преваляровавшей в определениях письменностей этого типа. Любопытно, что термин «идеографический» оформился, по всей видимости, в работах Ж.-Ф. Шампольона (Champollion, 1790-1832) – того самого учёного, который явил миру фонетическое существо древнеегипетской иероглифики, определив тем самым решающий поворот в исследованиях и китайского иероглифического письма в направлении фонетизма. Как известно, *discussio mater veritas est* – по сути, противоборство подходов к исследованию китайской письменности с позиций фонетизма и семантизма выступает главным фактором эволюции взглядов на её природу и устройство.

Напомню, что к осознанию фонетической природы иероглифического письма востоковедное языкознание приблизилось спустя несколько столетий со времени знакомства с древними неалфавитными письменностями. Зарождались и сменяли друг друга различные лингвофилософские концепты (как, например, *clavis sinica* в XVII-XVIII вв.¹), были написаны первые китайские грамматики на европейских языках [F. Vago 1703; H. Grémarie 1728/1831; J.-P. Abel-Rémusat 1822 и др.], разрабатывались фонетические транскрипции, а в основе восприятия иероглифического знака продолжал оставаться его семантический компонент. Такое восприятие было predeterminedено самой китайской лексикографической традицией, согласно которой иероглифические знаки со времён словаря «Шовэнь»² подразделялись на шесть структурных категорий и группировались по графическому принципу – наличию общего графического указателя (кит. 部

¹ Об этом см., например, [Mungello 2009], а также недавнее отдельное исследование [Baretto 2017].

² «Шовэнь цзецзы» «說文解字» *shuōwén jiězì* «Толкование простых и объяснение сложных иероглифов», словарь П в. н.э.

首 *bùshǒu*, англ. *radical*, в современной терминологии – «ключ»), который в своём функциональном диапазоне мог совпадать (или полагался совпадающим в тех случаях, которые на поверку часто оказывались поисками ложных этимологий) с указателем семантическим. Примечательно, что наиболее многочисленной из этих шести категорий являлась категория 形声 *xíng shēng* *син шэн*, объединяющая фоноидеогаммы или знаки, содержащие фонетический указатель – 声旁 *shēngpáng* *шэнпан* «фонетик». Таким образом, уже на заре нашей эры китайский словарь на более чем 80% состоял из фонетических знаков (7697 из 9353 иероглифов словаря «Шовэнь»), а почти два тысячелетия спустя, в словаре Канси, доля идеограмм упала до 3% [Шпринцин 1969, с. 128], чётко обозначив тенденцию к дальнейшей фонетизации.

Намеренно не углубляясь здесь в проблему генезиса китайской системы письма, скажем лишь, что задача поиска обоснованного места в этой системе фонетических компонентов и их категоризация волновала, в первую очередь, зарубежных исследователей, в то время как в самом Китае филологическая традиция давно указывала на фонетическую основу иероглифики, не предполагая дальнейшего теоретического осмысления структуры письменного знака³.

Первые специальные лингвистические работы, в которых заявлялось о сущностной значимости фонетических компонентов китайских иероглифов, принадлежат перу американских учёных П. Дюпонсо [(P. DuPonceau, 1760-1844) и С. Эндрюса (S. Andrews, 1812-1886), а также французского синолога Ж.-М. Каллери (J.-M. Callery, 1810-1862) и британского натуралиста Дж. Лэя (T.G. Lay, 1800-1845). В исследованиях этих учёных, пусть и не всегда в виде чётких постулатов, были заложены фундаментальные теоретические основы современного подхода к китайской письменности⁴. Однако до конца девятнадцатого столетия основной курс академической синологической лингвистики (точнее, того комплекса исследований, которые подпадали под это определение) по-прежнему пролегал в семанτικο-категориальном измерении, и китайские иероглифы продолжали рассматриваться через призму идеографизма.

Говоря о предпосылках формирования фонетической концепции иероглифических письменностей, немецкий синолог К. Харбсмайер отме-

³ Древний метод индикации звучания иероглифа 反切 *fǎnqiè* *фаньце* (III в.) применялся вплоть до разработки китайского фонетического алфавита 注音字母 *чжунь цзыму* в первой четверти XX в. [Концевич 2002, с. 150].

⁴ [DuPonceau 1838], [Callery 1843], [Lay 1838, 1843], [Andrews 1848, 1854].

чает: переход к фонетической парадигме был обусловлен постепенным осознанием того факта, что китайские иероглифы:

«заключают в себе указание на произношение морфем или слов разговорного языка и означают то, что они означают только потому, что морфемы имеют определённые значения в разговорном языке, что доказывается в работах шведского лингвиста Б. Карлгрена и американского учёного П. Будберга. Вторя Ю. Чжао (1940), мы можем назвать их концепцию китайской иероглифики логографической. Эта точка зрения сегодня принята большинством специалистов по китайской лингвистике. Логографическая концепция, конечно же, ни в коей мере не отрицает наличия у иероглифов важнейших графических этимологий и собственных эстетических параметров, которые служат различным важным задачам письменности как таковой» [Harbsmeier 1998, p. 34 – *пер. К.К.*]

Действительно, имена Б. Карлгрена (B. Karlgren, 1889-1978) и П. Будберга (P. Boodberg, 1903-1972) символизируют начало новой эпохи в осмыслении основ китайской фонологии и эволюции письменности. Блестящая статья Будберга в ответ на критику Х. Крила (H. Creel, 1905-1994) демонстрирует ряд примеров «очевидно пиктографических» иероглифов, в композиции которых при внимательном лингвистическом анализе с использованием реконструкций выявляются фонетические параметры⁵:

“the discussion on the cardinal points of the origin and development of the Chinese written language cannot be fruitfully continued, so long as the champions of ‘ideography’ refuse to define what they mean by an ‘ideogram’, and to explain coherently their reasons for disregarding in specific cases long-established evidence pointing to the phonetic and logographic nature of what they term ‘ideograms’” [Boodberg 1939, p. 267].

И ранее в его работе об эволюции древнекитайского:

⁵ Подробнее о знаменитом обмене мнениями между Крилом и Будбергом см. [Lurie 2006].

“The fundamental problem of the relation of graph to word, or ‘symbol’ to ‘sound’, has not even been definitely formulated. The extremely valuable suggestions found in Karlgren’s numerous works seem to have passed unnoticed by the ‘epigraphists’. In rare cases when these suggestions attracted attention, their import has been misunderstood and the practical hits contained in them misapplied” [Boodberg 1937, p. 330].

Таким образом, переосмысление подходов к анализу письменности потребовало кардинального поворота от поисков «ключа» идеографического к поиску «ключа» фонетического. *Clavis sinica* оказался лежащим в фонетической плоскости:

“A humble ‘phonetic’ of a composite graph was often, as we have seen and as has been previously suggested by Karlgren, the real ‘radical’ (‘etymonic’) of the word represented by the graph” [Boodberg 1937, p. 361].

Такого рода высказывания демонстрируют назревшую к тому моменту необходимость чётких формулировок и выработки обоснованной позиции по вопросу статуса фонетически значимых графем в составе китайской иероглифики.

В советской научной литературе того времени диахроническое противостояние двух концепций – фонетизма и семантизма – всесторонне и глубоко рассматривалось в работах и выступлениях В.М. Алексеева (1881-1951) ⁶, Ю.К. Щуцкого (1897-1938), Ю.В. Бунакова (1908-1942), И.М. Ошанина (1900-1982), А.Г. Шпринцина (1907-1974).

Примечательно, что после доклада Ю.В. Бунакова о китайской письменности, с которым он выступил в Институте востоковедения АН СССР в 1941 г.⁷, академик В.М. Алексеев «резко критиковал докладчика за то, что он элиминировал многое, сделанное крупными буржуазными учеными по данному вопросу» [Ростовский 1941, с. 92]. Алексеев, очевидно, имел в виду уже опубликованные к 1941 г. работы Карлгрена, Пелльо, Масперо⁸. Действительно, известно, что Алексеев был коллегой Карлгрена по

⁶ Например, конспект доклада В.М. Алексеева на заседании китайского кабинета ИВ АН СССР 10 июля 1936 г., а также работа Алексеева [Алексеев 1932] о латинизации китайской письменности.

⁷ Подробнее о вкладе Бунакова см. [Шишмарёва, Кремнёв 2018].

⁸ Список см. в [Шпринцин 1969, с. 123].

студенческому цеху в 1905-1906 гг. и, согласно Харбсмайеру, “always retained a deep admiration for the young Swede” [Harbsmeier 2011, p. 345-346]; позже Алексеев работал с Пелльо и состоял в плодотворной переписке с ним многие годы. Таким образом, ведущий советский Китаевед обладал фоновыми знаниями, почерпнутыми не только из китайских, но и из наиболее современных западноевропейских источников.

В данной работе мы намеренно не станем затрагивать тему алфавитной фонетизации или латинизации китайской письменности – эта тема глубоко и детально изучена и продолжает обсуждаться как в зарубежной, так и в китайской научной литературе [Feng 2008; Даудов, Мамышева 2011; Leopardi 2021]. Скажем только, что к 1931 г. была сформирована и активно действовала Комиссия по латинизации китайской письменности во главе Алексеевым⁹, который, к частности, курировал проект по созданию алфавита для китайцев-переселенцев советского Дальнего Востока – *Zhongguo Latinhuadi Zemi*. Вот как Леопарди характеризует теоретическую позицию Алексеева и его отношение к этому проекту:

«Алексеев, который незадолго до того разработал свою собственную систему, резко раскритиковал *Zhongguo Latinhuadi Zemi* (автор Цюй Цю-бо (1899-1935))¹⁰. Одно из возражений заключалось в том, что за латинизацией *a priori* скрывалось презрительное отношение к логографическому письму и реформизм во имя реформизма. В конце концов многие из тех, кто поддерживал латинизацию, даже не пытались скрыть свои «иконоборческие» мотивы. Критика Алексеева была более сбалансирована. Изучив проект «через призму советской синологии»,¹¹ он пришёл к выводу, что проект изобилует ошибками, которых автор мог бы избежать, если бы принял во внимание работы по китайской лингвистике Б. Карлгрена, Е.Д. Поливанова, Цянь Сюань-туна и Ли Ютана. Будь он знаком с этими работами, он не смешивал бы понятия тона и акцента, составил бы правильное

⁹ Комиссия занималась проектом по созданию латинизированного алфавита для этнических китайцев, проживавших в Советском Союзе. Подробнее о её деятельности можно прочесть у В.Г. Дацьшена [Дацьшен 2009] или А. Leopardi [Leopardi 2021].

¹⁰ Китайская латинизированная азбука / Сост.: Цюй Цюбо (Страхов). М.: КУТК, 1930. — 88 с.

¹¹ “Through the microscope of Soviet sinology” [DeFrancis 1950, p. 97].

мнение о «общем языке» и чётко различал бы «слоги» и «слова» [Leopardi 2021, p. 249 – *пер. К.К.*].

К этому же времени принадлежит работа, в которой в концентрированном и наиболее аргументированном виде изложены воззрения В.М. Алексеева на китайскую письменность вообще и её латинизацию в частности: книга «Китайская иероглифическая письменность и её латинизация» [Алексеев 1932] являет собой уникальный образец научного творчества эпохи, в ней автору удалось высказаться в конструктивном ключе о проекте латинизации, руководство которым было возложено на него как на ведущего специалиста этой отрасли знаний, и при этом одновременно выступить истинным апологетом иероглифической письменности, убедительно продемонстрировав её глубинную значимость для китайской цивилизации. Некоторое время тому назад В.М. Алпатов внимательно проанализировал эту книгу Алексеева, снабдив, в числе прочего, свой обзор ценными наблюдениями об аналогичных процессах в японском языке [Алпатов 2013].

Двинемся чуть ближе по временной оси – в 1940-е гг. Пожалуй, наиболее значимым для этого периода (а возможно, и на многие десятилетия вперёд!) в теоретическом плане следует считать исследование замечательного советского лингвиста И.М. Ошанина, который блестяще раскрыл тему фонетической сущности китайской письменности в своей кандидатской диссертации [Ошанин 1943]. Эта работа так и не была оформлена как монография и осталась мало цитируемой в синологическом языковедном пространстве, но благодаря недавним исследованиям О.М. Готлиба по грамматологии китайской письменности и, в частности, его специальной статье в соавторстве с Е.В. Кремнёвым и Т.Е. Шишмарёвой [Готлиб, Кремнёв, Шишмарёва 2013], основные теоретические достижения этой работы стали известны широкому кругу исследователей. У Ошанина читаем:

«Эти новые принципы [добавление к основной идеограмме дополнительного графо-семантического детерминатива] знаменуют собой наступивший переход китайского письма на более высокую ступень развития – на фонетическое письмо, в котором знаки воспринимаются, как сложные фонограммы – т. е. состоят из: а) основного гнездового знака, – «фонетика», сообщающего дериватам свое чтение и б) смыслового детерминатива – «ключа», служащего указателем его нового (по сравнению с гнездом) значения. Так принципы идеогра-

фического письма на высшей стадии своего развития переходят в принципы фонетического письма: как в пиктограмме с самого начала заложены зачатки будущего идеографического письма, так и идеограмма заключает в себе зародыш будущей фонограммы, растущей, крепнущей и, в конечном счете, вытесняющей идеографическое письмо» [Ошанин 1943, с. 71].

Опираясь на подсчеты Л. Вигера, проделанные на материале словаря «Шовэнь», И.М. Ошанин указывает, что уже в эпоху Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.) число фонограмм превышало 82% всего корпуса словаря¹². Это дает ему основание для следующего заключения: «мы чувствуем себя в полном праве назвать существующее ныне китайское письмо фонетическим слоговым иероглифическим письмом» [Ошанин 1943, 73].

Эти же цифры указывал двадцатью годами позже в своей статье, ссылаясь на китайских авторов, и другой замечательный советский китаист – А.Г. Шпринцин:

«Позволю себе повторить приводимые в китайских работах цифры. В упоминавшемся словаре «Шовэнь» из общего числа 9353 знака на долю иероглифов первых трех категорий [иероглифы, не отражающие в своем начертании звуковую форму слова, т. е. простые и комбинированные идеограммы] приходится 1656, т. е. около 18%. Проходит тысяча шестьсот лет, и в словаре «Канси цзыдянь» (XVIII в.) общее число иероглифов возрастает до 49030, тогда как количество иероглифов первых трех категорий остается прежним, и, стало быть, доля идеограмм падает до 3%, а если говорить только о первых двух категориях (264+129 знаков), — то до 1%» [Шпринцин 1969, с. 128].

Ко второй половине XX в. практически все авторы, исследовавшие историю развития китайской иероглифики, отмечали трансформацию подхода к её описанию: так, переосмысление классического разделения всех знаков на шесть категорий (六書 liu shū «лю шу»), продиктованного ещё во

¹² Карлгрен в «Аналитическом словаре» пишет о том же периоде: “The great majority of the phonetic compounds were created in the later part of the Tsou, or in the T’sin and Han dynasties”, то есть между 3 веком до н.э. и 3 веком н.э. [Carlgren 1923].

II в. н.э. в предисловии к словарю «Шовэнь»¹³ и поддерживаемого практически всеми европейскими авторами-синологами на протяжении XVI-XVIII-го столетий, позволило по-иному взглянуть на эволюцию типов иероглифических знаков и объяснить, в конечном итоге, преобладание фонетической категории письменных знаков. Как отмечает Шпринцин,

«Эта классификация [«лю шу»] индуктивно выведена из анализа самих иероглифов и правильно отображает процесс развития иероглифики от пиктограмм к идеограммам, простым и сложным, от идеограмм к той или иной форме особого применения ранее созданных знаков – заимствованиям семантическим и фонетическим – и, наконец, к фоноидеограммам. В превосходной книге Б. Карлгрена эта последовательность развития описана так: “The script as it was formed in archaic times, had four evolutionary stages: first, simple pictographs; then ideographic compounds; then again, phonetic loans; and finally, improved phonetic loans, i. e. compounds made up of phonetic and signfic”» [Шпринцин 1969, с. 127].

Мы видим, как от принятого ранее описательного подхода с опорой на распределение иероглифических знаков по шести категориям теоретический акцент окончательно сместился в сферу комплексного исторического анализа, позволив исследовать развитие письменности в диахронии и говорить о том, что:

«последовательность образования типов иероглифов является относительной и условной. Она относительна и условна в той мере, в какой отсутствуют четкие границы между отдельными стадиями, а сами стадии были весьма близки по времени и, вероятно, даже перекрывали одна другую. Достаточно сказать, что уже в иньских надписях на гадательных костях представлены все типы иероглифов; в них уже широко использовались иероглифы в их звучании и встречаются, правда в небольшом количестве, фоноидеограммы. Очевидно, правильнее было бы говорить не о периодах

¹³ «Шовэнь цзецзы» «說文解字» shuōwén jiězì «Толкование простых и объяснение сложных иероглифов», словарь II в. н.э.

существования иероглифов того или иного типа, а о периодах их относительного преобладания» [Шпринцин 1969, с. 130].

Развивая, в свою очередь, мысль о последовательности образования типов иероглифов, К. Харбсмайер в 1998 г. напишет:

«Следующей, четвёртой, стратегией должно было бы стать закрепление отдельной конкретной пиктограммы или фоно-идеограммы за каждым слогом китайского языка, чтобы она стала представлять этот слог на письме. Это привело бы к образованию силлабического «алфавита». Но по любопытным причинам, о которых было бы интересно поразмышлять, китайцы так никогда и не сделали этот шаг. Таким образом, китайское письмо всегда сохраняло свой логографический характер: по-китайски мы записываем не слоги, а слова и – поскольку язык создал множество многосложных слов – морфемы» [Harbsmeier 1998, p. 37 – *пер. К.К.*].

В действительности эта задумка «поразмышлять» о причинах того, почему в китайской письменности так и не произошёл переход к силлабическому алфавиту, была в своё время осуществлена русским синологом Ю.В. Бунаковым – выдающимся исследователем иньских надписей и истории китайской письменности [Бунаков 1935, 1936, 1940]¹⁴, который, в частности, резюмировал:

«Постепенно количество омофонограмм вырастает до размеров, делающих затруднительным понимание текста. Отсюда в обычной линии развития письма окончательное переключение с идеографического на фонетический принцип... Китайская письменность на этом переломном этапе, наоборот, возвращается с фонетического пути, на который она встала использованием омофонограмм, на путь идеографический» [Бунаков 1940, с. 361].

Этот вывод чуть позже подтвердил и развил в своих работах другой крупный исследователь иньских надписей, уже цитировавшийся выше А.Г. Шпринцин. В ряде своих работ Шпринцину удалось детально и очень аргументированно (охват источников китайской и западной научной

¹⁴ [Бунаков 1935: 1936: 1940, с. 351-384].

литературы в его работах поистине впечатляет) представить процесс развития китайской письменности в тесной связи с факторами социально-исторического и собственно лингвистического характера. В числе прочих выводов, которые, как увидим, перекликаются с будущими рассуждениями Харбсмайера, он отмечал:

«Очевидно, использование иероглифов только в их звучании (заимствованные знаки) открывало дорогу к превращению иероглифики в своеобразное фонетическое, вероятно всего слоговое, письмо. Для этого требовалось, в частности, свести ряд одинаково читавшихся иероглифов к одному и упростить начертание таких знаков. Результатом этого могло бы быть создание силлабических знаков в количестве, соответствующем числу типов слогов, т.е. нечто аналогичное, например, силлабическим знакам в системах клинописи. Такой шаг, как известно, сделан не был, и вместо все более широкого использования иероглифов только в их звучании к заимствованным знакам стали добавлять те или иные графические элементы (определители, радикалы, ключи в современной терминологии), указывавшие, как правило, на класс предметов (явлений), к которым относилось в данном конкретном случае слово, обозначаемое заимствованным знаком. Так развитие иероглифики пошло по пути создания так называемых фоноидеограмм, многих десятков тысяч знаков, составляющих ныне китайский иероглифический запас» [Шпринцин 1969, с. 129].

И далее, там же:

«Авторы китайских работ, в которых рассматривается эта тема, в большинстве своем полагают, что распространение фоноидеограмм преградило путь переходу к звуковому письму, а некоторые даже утверждают, что именно это ускорило и углубило расхождение между устным и письменным языком. Если практика заимствования иероглифов только в их звучании знаменовала наибольшее приближение к звуковому письму, то создание фоноидеограмм, указывавших не только на примерное звучание слова, но и на его значение, означало отход от фонетизации. <...> Таким образом, в истории китайской письменности намечаются два поворотных

пункта: 1. Распространение фонетических заимствований, которые приблизили китайскую письменность к звуковому письму; 2. Распространение фоноидеограмм, которое повернуло развитие китайской письменности вспять или задержало это развитие минимум на два тысячелетия» [Шпринцин 1969, с. 130-131].

Таким образом, предварительные общие размышления советских лингвистов в эпоху разработок фонетических алфавитов для китайского письма, вылившиеся позже в глубокие специальные исследования о сущности устройства и эволюции этого письма, демонстрируют важную характерную черту – стремление к сохранению аргументированной критической оценки «трендовых» явлений, ориентацию на комплексность и преемственность научного знания, при том, что цепочка этой преемственности неизбежно включала достижения представителей подчёркнуто критиковавшейся в то время «буржуазной науки».

Представленный анализ посвящён истории эволюции языковой теории на примере одного из её многочисленных предметов – *фонетизации* иероглифики в процессе развития её из пиктографического письма в эффективный инструмент записи живой разговорной речи. Очевидно, что опора на традиционные методы описания китайского языкового устройства, свойственная авторам-синологам девятнадцатого столетия и уже недостаточная в свете постоянного обновления языковых данных, одновременно стала значимым мотиватором к поиску новых теоретических решений, что позволило синологической лингвистике уже к середине двадцатого века приблизиться к формулированию полновесной фонетической концепции китайской письменности. Вклад советских синологов-языковедов в исследование этой темы неоспоримо значим и потому должен быть оценен по достоинству и бережно храним последующими поколениями китаеведов.

Литература

1. Алексеев В.М. *Китайская иероглифическая письменность и её латинизация*. Л.: АН СССР, 1932. — 178 с.
2. Алексеев В.М. Конспект доклада на заседании китайского кабинета ИВ АН СССР 10 июля 1936 г. Архив ЛО АН, ф. 820, оп. 1, Лб 520.
3. Алпатов В.М. Размышления над книгой В. М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и её латинизация»// *Общество и государство в Китае*, 43 (2). С. 271-285.

4. Бунаков, Ю.В. Гадательные кости из Хэнани (Китай) // *Труды Института языка и мышления АН СССР*. 1935. М. — 107 с.
5. Бунаков, Ю.В. Аньянские памятники и американское Китаеведение // *Библиография Востока*. 1937, вып 10 (1936). С. 53-100.
6. Бунаков, Ю.В. Китайская письменность // *Китай: история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сборник статей под ред. В.М. Алексеева, Л.И. Думана, А.А. Петрова*. М.-Л., ИВ АН СССР, 1940. С. 351-384.
7. Готлиб О.М., Кремнёв Е.В., Шишмарева Т.Е. *Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. В. П. Васильев, С.М. Георгиевский, Ю.В. Бунаков, И.М. Ошанин*. Иркутск, 2014. — 283 с.
8. Даудов А.Х., Мамышева Е.П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2011 (2). С. 7-12.
9. Дацышен В.Г. Китайский язык и культурная революция в Советской России // *Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества: материалы научно-практической конференции, Екатеринбург, 25-26 ноября 2008 г.* — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 13-19.
10. Драгунов А.А. Китайский латинизированный алфавит // *Культура и письменность Востока*. М. 1931. Т. IX. С. 80-82.
11. Кожа К.А. О развитии метода исследования идеографических письменностей в истории синологической лингвистики (по работам авторов XIX в.) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020, № 4. С. 210-218. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-4-210-218
12. Концевич Л.Р. *Китайские имена собственные и термины в русском тексте (Пособие по транскрипции)*. М.: Муравей, 2002. — 263 с.
13. Ошанин И.М. Происхождение, развитие и структура современного китайского письма. Дисс... к. ф. н. М., 1943.
14. Ростовский С. В Институте востоковедения АН СССР // *Историк-марксист*. М., 1941, № 4 (92). С. 78-85.
15. Шишмарёва Т.Е., Кремнёв Е.В. Графическая линия развития китайской письменности в осмыслении Ю.В. Бунакова // *Лингвистика и межкультурная коммуникация: Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. / Отв. ред. Т.В. Воронченко. Чита: ЗабГУ, 2018. С. 23-26.
16. Шпринцин А.Г. Современные представления о путях исторического развития китайской иероглифической письменности // *Страны и народы Востока*. М.: Наука, 1969, вып. VIII. С. 122-135.

17. Щуцкий Ю.К. О применении стенографии к китайскому лагинизированному языку. Архив востоковедов ИВР РАН (АВ ИВР РАН). Разряд I (Китай). Оп. 1. Д. 165. Л. 1.
18. Abel-Rémusat, Jean-Pierre. *Éléments de la grammaire chinoise, ou Principes généraux du kou-wen ou style antique: et du kouan-hoa c'est-à-dire, de la langue commune généralement usitée dans l'Empire chinois*. Paris: Imprimerie Royale, 1822. — 263 p.
19. Andrews Stephen P. Discoveries in Chinese, or, The symbolism of the Primitive Characters of the Chinese System of Writing. As a Contribution to Philology and Ethnology and a Practical Aid in the Acquisition of the Chinese Language. New York, 1854. — 148 p.
20. Andrews Stephen P. Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, Vol. 1. May, 1846 - May, 1848. P. 51-56.
21. Barreto Cristiano Mahaut de Barros. Clavis Sinica: A Short History of the Long Battle for the Chinese Writing System in the West between the XVI and XIX Centuries // *Alfa: Revista de Linguística*. 2017. Vol. 61 (1). Sao Paulo, 2017. P. 201-225.
22. Boodberg Peter A. Some Proleptical Remarks on The Evolution of Archaic Chinese // *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 2 (3/4). 1937. P. 329-372. <https://doi.org/10.2307/2717943>
23. Boodberg Peter A. 'Ideography' or Iconolatry?) // *T'oung Pao*, 35(1) – Leiden: Brill, 1939. P. 266-288. <https://doi.org/10.1163/156853239X00062>.
24. Callery Joseph-M. Reply of J.-M. Callery to G.T. Lay's Strictures on His Phonetic System of Chinese Writing, Published in the Repository for May, 1843 // *Chinese Repository*, Vol. XII (July). Canton, 1843. P. 371-379.
25. Creel Herrlee Glessner. On the Nature of Chinese Ideography // *T'oung Pao*, 4936. V. XXXII, livre 2-3.
26. DeFrancis John. *Nationalism and Language Reform in China*, Princeton, 1950.
27. DuPonceau Peter S. Dissertation on the Nature and Character of the Chinese System of Writing. American Philosophical Society. Historical and Literary Committee. Transactions, 2. Philadelphia, 1838. — 432 p.
28. Feng Zhiwei 馮志偉. Hanyu pinyin yundong de lishi gongji 漢語拼音運動的歷史功績 (Исторический обзор Движения за фонетизацию китайского языка) // *Bei Hua Daxue xuebao* 北華大學學報, vol. 9, 26-39. Пекин, 2008.
29. Harbsmeier Christoph. *Science and Civilization in China. Vol. VII. Language and Logic*. Cambridge, 1998. — 504 p.

30. Harbsmeier Christoph. Vasilii Mikhailovich Alekseev and Russian Sinology // *T'oung Pao*, 97 (4/5), 2011. P. 344-370. [электронный ресурс] URL <http://www.jstor.org/stable/41354780> (дата обращения 16.10.2022).
31. Karlgren Bernhard. *Sound and Symbol in Chinese* – London: Oxford University Press, 1923a. — 112 p.
32. Karlgren Bernhard. *Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese*. Paris: P. Geuthner, 1923b. — 436 p.
33. Karlgren Bernhard. *Philology and Ancient China*. Oslo: Y. Aschenberg, 1926. — 167 p.
34. Karlgren Bernhard. *The Chinese Language. An Essay of its Nature and History*. New York, 1949.
35. Lay G. T. Phonetic System of the Chinese Writing by J. M. Callery // *Chinese Repository*. Vol. XII. Canton, 1843. P. 253-258.
36. Lay G.T. A New Analysis of the Chinese Language. Its Nature Explained, with Some Reflections on Its Use in the Development of Native Science and Philosophy // *Chinese Repository*. Vol. VII (May). Canton, 1838. P. 255-264.
37. Leopardi Alessandro. Latinxua Sin Wenz between Russia and China // *Rivista degli Studi Orientali*. Vol. XCIV (1-2), 2021. P. 241-258.
38. Lurie David. Language, writing, and disciplinarity in the Critique of the “Ideographic Myth”: Some proleptical remarks // *Language & Communication* 26. 2006. P. 250-269.
39. Mungello David. The Great Encounter of China and the West, 1500–1800 // *Critical Issues in History*, 3rd ed. 2009. P. 89-94.
40. Prémare, Joseph-Henri Marie de. [1728]. *Notitia Linguae Sinicae*. Malacca, 1831.
41. Francisco Varo. *Grammar of the Mandarin Language, 1703: An English Translation of ‘Arte de la lengua mandarina’* / Coblin, W. South and Joseph A. Levi, eds. Amsterdam - Philadelphia: John Benjamins. — 336 p. <https://doi.org/10.1075/sihols.93>.

Сериальные конструкции в мон-кхмерских языках

Тамара Григорьевна Погибенко,

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

t.pogibenko@mail.ru, ORCID ID 0000-0002-6667-1929

Аннотация. В статье рассматриваются сериальные конструкции в мон-кхмерских языках. Типы СК описываются с позиций конструкционализма, как особого рода соединения формы и значения. Обзор моделей вариативности базовых структур сериальных конструкций – усложнений и усечений состава, лексической вариативности компонентов – позволяет анализировать и порождать так называемые «глагольные цепочки» любой сложности в изолирующих языках ЮВА.

Ключевые слова: сериальные конструкции, лексический комплекс, полипредикация, мон-кхмерские языки, конструкциональность

Serial constructions in Mon-Khmer languages

Tamara G. Pogibenko,

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,

t.pogibenko@mail.ru, ORCID ID 0000-0002-6667-1929

Abstract. The article takes up the problem of serial constructions in Mon-Khmer languages. SC types are analyzed in the framework of construction grammar as specific pairs (pairings) of form and meaning. The survey of SC basic structure variation, i.e. increasing or decreasing the number of slots and lexical variation of slot filling components, will make it possible to analyse and produce the so-called “verb chains” of considerable complexity in isolating SEA languages.

Keywords: serial constructions, lexical complex, multiverb constructions, Mon-Khmer languages, a construction-based approach

1. Введение

Данное исследование посвящено описанию сериальных конструкций (СК) в мон-кхмерских (МК) языках: кхмерском, вьетнамском, ма, рук, кри, джех, ксингмул, пакох. Привлекаются данные из других изолирующих языков Азии. Ставится задача показать, что, с одной стороны, СК в этих языках имеют свойства такие же, как и в других языках мира, а с другой стороны, имеют черты, не свойственные СК в языках за пределами рас-

субъектом V₂. Усложнение модели происходит в позиции V₁, где выступает не одиночный глагол, как в базовой модели, а лексический комплекс *dəək uəək*. Он относится к распространенному типу ЛК в кхмерском языке со структурой «гипероним – гипоним» или «гипоним – гипероним», например: *səmləŋ mə:l* ‘пристально смотреть’, букв. ‘пристально смотреть – смотреть’; *nijəj ʔəŋvə: sət*, букв. ‘говорить – умолять, упрашивать – просить’; *nuk bəv* ‘умолять мысленно’, букв. ‘думать – молиться’. В зарубежной научной литературе данный тип комплексных единиц зачисляется в категорию сложных слов, хотя их отличие от сложных слов очевидно².

В предложении (2) *ngan dal* не может считаться СК, т.к. *dal* не имеет общих аргументов с *ngan*.

паама (океанийский; австронезийская семья)

- (2) *kai ngan kumal*
 3SG 3SG-REALIS-есть сладкий.картофель
dal tinvīs
 3SG-REALIS-быть.с рыбные.консервы
 ‘Он ел сладкий картофель с рыбными консервами’ (Парсинг на под-
 события: Он ел сладкий картофель; сладкий картофель был с консер-
 вами) [Durie 1997, p. 290]

В настоящем исследовании сериальной конструкцией считается не любая последовательность глаголов, в которой отсутствуют показатели синтаксической связи. При выделении разных типов СК для нас главным критерием “*sine qua non*” является принцип конструкциональности. Исходя из этого принципа, сериальными конструкциями могут считаться только стандартные, повторяющиеся в речи последовательности глаголов, представляющие собой особого рода соединения (pairings) формы и значения, которые используются говорящими на данном языке и без освоения которых изучающими языковая компетенция не может считаться адекватной. Эти последовательности глаголов не являются произвольными, а воспроизводятся по определенным моделям, в определенной лексемной комплектации и допускают определенные, интегрированные в конкретную модель СК модификации.

Сериальные глагольные конструкции, или просто сериальные конструкции, распространены в языках мира, принадлежащих к разным языковым семьям и относящихся к разным языковым типам. Описанию СК посвящено множество работ. Серьезной попыткой систематизировать под-

² О лексическом комплексе в кхмерском языке см. [Еловков 2006]. О лексическом комплексе в МК языках см. [Погибенко 2018а, 2018б].

ходы к изучению данного феномена стал сборник статей [Serial verb constructions 2006], где единообразно, по одной схеме описываются СК в языках разных типов. Эта схема прописана в статьях А. Айхенвальд [Aikhenvald 2006, p. 1-68] и Р. Диксона [Dixon 2006, p. 338-350], она была создана на базе материалов сборника. В статьях был подведен итог и намечены общие принципы и направления изучения данного языкового феномена. Типологический подход, предпринятый в этом сборнике, позволил авторам выделить следующие параметры, характеризующие СК в языках мира.

- i монопредикативность (СК занимают одну синтаксическую позицию в предложении)
- ii отсутствие маркеров координации, субординации или каких других маркеров зависимости между компонентами
- iii монособытийность
- iv моноклаузальность
- v монотемпоральность, моноаспектуальность, монополярность
- vi наличие общих аргументов – центральных или периферийных
- vii входящие в СК глаголы могут употребляться самостоятельно

На материале изолирующих языков Азии эти параметры малоприменимы. Параметр (i) неприменим из-за преобладания в этих языках бессоюзного сочинения и подчинения. Относительно параметра (v) можно сказать следующее: монотемпоральность и моноаспектуальность следует из параметра (iii), утверждение о монополярности не работает в МК языках, в них сферой действия отрицания может быть второй глагол, например, кхм. *rɔ:k khə:ŋ* ‘найти’, букв. ‘искать – видеть’ – *rɔ:k mu:n khə:ŋ* ‘не найти’, букв. ‘искать – NEG – видеть’. Параметр (ii) в МК языках плохо работает по той причине, что некоторые типы СК находятся на более раннем этапе прохождения шкалы синтаксической компрессии и сохранили маркеры зависимости. Параметры (iii) и (iv) являются слишком размытыми, параметр (vi) – тривиальный: в синтаксисе есть много того, что обладает этим свойством.

Малосодержательными являются и критерии классификации СК, предложенные в указанной работе. Например, симметричность vs. асимметричность компонентов СК [Aikhenvald 2006, p. 31]. Это, на самом деле, свойство, которое напрямую зависит от объема тематических классов глаголов и пределов композиционных возможностей. То же можно сказать о свойстве «словесности» (wordhood), оно не позволяет отделить СК от лексических комплексов в изолирующих языках Юго-Восточной Азии, структурно-семантические модели которых на порядок многочисленнее моделей СК.

Еще менее удачными представляются сделанные в указанной работе попытки описания некоторых СК в формате “form-meaning” и “form-function”. Так, например, ошибочным представляется анализ предложения (3), которое описано как содержащее трехкомпонентную СК, глаголы которой представляют последовательность действий (sequence of actions).

дав (маку; Северо-Западная Амазония)

- (3) *yð:h* *bə:-hām-uzw*
 medicine **spill-go-happen.straight.away**
 ‘The medicine spilt straight away’ [Aikhenwald 2006, p. 2]

В данном предложении глагол *uzw* не может быть компонентом СК, поскольку у него нет аргументов, общих с глаголами *bə:* и *hām*, он является модификатором сказуемого, выраженного двухкомпонентной СК *bə:-hām*. Двухкомпонентная СК *bə:-hām* ‘проливаться – уходить’ не описывает последовательность действий, как утверждает автор. Глагол, выступающий во второй позиции, выражает не действие, а малефактивное состояние утраты ресурса. Этот тип СК распространен в изолирующих языках ЮВА.

Вызывает несогласие и анализ СК из примера (4), которая, якобы, вводит аргумент с ролью «бенефициант».

бауле (ква < нигеро-конго)

- (4) *ə-à-fā* *i* *swā* *n* *à-klè* *mī*
 he-ANT-take his house DEF ANT-show me
 ‘He has shown me his house’ [Aikhenvald 2006, p. 2]

Глаголу «показывать», употребленному самостоятельно, вне СК (т.е. без глагола “take”), не нужно создавать СК для того, чтобы открыть валентность на бенефицианта. Этот тип СК с грамматикализованным глаголом «брать» также распространен в изолирующих языках ЮВА. Он используется для представления двух объектов как аргументов разных глаголов, чтобы решить задачу их упорядочения в коммуникативной структуре предложения, как, например, в (13).

В [Haspelmath 2016, p. 291] отмечается, что сравнительные исследования СК в разносистемных языках не дали четкого определения СК и/или определяли это понятие слишком широко. Там же говорится о том, что недостаточно описаний конкретных языков, в которых СК описываются с достаточной степенью подробности. В нашем исследовании мы стараемся на конкретном материале, пусть даже ограниченном, насколько возможно глубже и непредвзято изучить функциональную природу СК в МК языках, описать их структурные типы и модификации, а также особенности их функционирования в дискурсе. Мы ставим себе целью дать

изучающим изолирующие языки Азии необходимые знания для формирования умения понимать и, главное, строить СК в изучаемом языке. Без такого умения и навыков знание изолирующего языка как иностранного нельзя считать совершенным.

2. Структурно-семантические типы сериальных конструкций в мон-кхмерских языках

В МК языках СК могут быть двухкомпонентными или многокомпонентными, состоять из простых глаголов или включать в качестве компонентов другие СК и/или ЛК, могут объединяться с другими СК в последовательности. Оставаясь в синтаксической структуре предложения одним единым предикатом, определенные типы СК могут разрываться дополнениями. В МК и других изолирующих языках Азии наиболее часто отмечаются следующие структурно-семантические типы СК:

- 1) овладение ресурсом,
- 2) с V_1 «брать»,
- 3) передача ресурса,
- 4) с модальным или фазисным $V_{1..}$,
- 5) с повышающим валентность V_2 ,
- 6) с V_2 результата (эффекта)/достижения результата,
- 7) с V_2 направительным,
- 8) с V_1 принятия позы, изменения местоположения,
- 9) с V_2 цели.

2.1. Сериальная конструкция «овладение ресурсом»

Структура: V_1 (овладение) + О + V_2 (цель).

Наподобие модальных или фазисных глаголов, глаголы овладения ресурсом, такие как «брать», «покупать» «получать» и т.д., как правило, нуждаются в предикатном актанте, выражающем цель или утилитарное предназначение ресурса, поскольку овладение ресурсом в большом количестве описываемых ситуаций предполагает дальнейшее действие с его участием. В следующих примерах из языка ма³ глаголы «искать» и «получать» образуют СК с глаголом «есть», который выражает цель добывания ресурса, его предназначение. Во вьетнамских анкетных предложениях, с которых осуществлялся перевод, СК с V_2 *sa* 'есть' используется только в (5).

³ Язык ма входит в бахнарическую группу МК ветви АА семьи языков. На нем говорит народность, проживающая на территории Вьетнама.

ма

- (5) *sim* *rəp* *təm* *ʔùʔ* *gè*
птица садиться (о птице) на земля чтобы
ʃɨj *ran* *sa*
искать червяк есть

‘Птица слетела на землю, чтобы искать червяка’, вьет. ‘Chim đậu xuống đất để **kiếm** giun **ăn**’ [Погибенко, Ефимов 2020, СЛЖ 42, с. 477]

ма

- (6) *bi* *gədan* *chrù* *dàʔ* *bən*
так как трудолюбивый наливать вода деревня+
laŋ *gè* *biəp* *sa*
деревня= жители иметь овощи есть

‘Благодаря тому, что крестьяне хорошо поливали землю, они собрали много овощей’, вьет. ‘Nhờ năng tưới nước nên nông dân được mùa rau’ [Погибенко, Ефимов 2020, СЛЖ 61, с. 482]

В кхмерском и тайском языках предикатный актант «есть» часто выступает при глаголе «покупать».

кхмерский

- (7) *khmè:ŋ* *chə:* *tuj* *se:k* *jam*
ребенок стоять покупать банан есть

‘Ребенок встал, чтобы купить бананы’ [Sak-Humphrey 1995, p. 184]

Структура СК данного типа хорошо соотносится с понятием “one event”, которое в научной литературе рассматривается, как один из параметров, характеризующих СК. В [Lord 1974, p. 196-197] говорится, что «глаголы в конструкции все обозначают под-события или аспекты одного целостного события», при этом «действие или состояние, обозначенное второй глагольной группой, является, с точки зрения реального мира, развитием действия, обозначенного первой глагольной группой; вторая глагольная группа обозначает дальнейшее развитие, следствие, результат, цель или кульминацию действия, выраженного первым глаголом»⁴. Более того, в [Enfield 2002, p. 232] утверждается, что «событие типично является феноменом культуры» и что оно «имеет непосредственное влияние на множество продуктивных СК». На наш взгляд, обычной логики и общечеловеческих стереотипов поведения в структуре СК «овладения ресурсом» больше, нежели культурных традиций и культурного кода. В данном

⁴ Цитируется по [Aikhenvald 2006, p. 10].

случае мир говорящих на разных языках универсален, не универсален языковой код, отражающий этот мир. В русском языке мы тоже в некоторых ситуациях говорим *Мы купили колбаски поесть*, а в других – *Мама купила колбасы*, и это регулируется правилами языка.

2.1.1. Усложнение модели сериальной конструкции «овладение ресурсом»

Поскольку искомый ресурс часто находится в другом месте, в этой модели возникают дополнительные позиции для заполнения глаголами перемещения в пространстве и принятия положения. Такая модификация структуры СК данного типа является естественной и закономерной.

Усложненная структура:

V_1 (перемещение) / (изменение положения, позы) + V_2 (овладение ресурсом) + O + V_3 (цель) / V_3 (цель) + O.

В примере (7) представлен вариант усложнения данной модели СК с глаголом перемещения *chə:*.

Каждая из трех глагольных позиций «перемещение – овладение – использование» может также усложняться. В примере (8) из языка джех⁵ представлена СК с не инкорпорированным объектом, который находится в конце сериальной конструкции; глагольные позиции заполнены сериальными конструкциями: V_1 *loh chièu* – СК с направительным глаголом во второй позиции, V_2 *reng rùp* – СК результата с глаголом результата во второй позиции, V_3 *bùh cha* – СК цели.

джех

(8)	<i>ɛ̀n</i>	<i>loh</i>	<i>chièu</i>	<i>reng</i>	<i>rùp</i>
	3SG	выходить	уходить (go)	искать	поймать
	<i>bùh</i>	<i>cha</i>	<i>chò</i>	<i>wan</i>	
	жарить	есть	свинья	3PL	

‘Он вышел, поймал чью-то свинью, зажарил и съел’ [Gradin 1976, p. 53]⁶

В примере (9), как и в примере (8), усложнение структуры затронуло все глагольные позиции. Позиция V_1 «изменение положения» заполнена ЛК *lu:k daj* с эскорпорированным актантом *daj* ‘рука’⁷. Позиция V_2 «овла-

⁵ Язык джех входит в бахнарическую группу МК ветви AA семьи языков. На нем говорит народность, проживающая на территории Вьетнама.

⁶ Цитируется по [Durie 1977, p. 303].

⁷ Об инкорпорированных и эскорпорированных участниках ситуации см. [Падучева 2004, с. 57], [Погибенко 2020а, с. 237; 2206].

дение ресурсом» заполнена ЛК *prvva: tjaŋ jɔ:k mɔ:k* с инкорпорированной ИГ объекта. Позиция V_3 (цель) заполнена глаголом состояния *cit* с атрибутивным маркером *aoj*, который выражает желаемое достижение.

кхмерский

(9) លូកដៃប្រវាទាញសៀវភៅយកមកឲ្យជិត។

<i>lu:k</i>		<i>daj</i>	<i>prvva:</i>	<i>tjaŋ</i>	<i>siəwphəw</i>
тянуться (рукой)		рука	хватать	тащить	книга

<i>jɔ:k</i>	<i>mɔ:k</i>	<i>aoj</i>	<i>cit</i>	
брат	приходить	ATR	близкий	

‘вытянув руки, вытаскивать книгу, (чтобы) поближе (рассмотреть)’⁸
[Горгониев 1966, с. 242]

Таким образом, на примерах усложненных моделей СК «овладение ресурсом» мы видим, что позиции в сериальной конструкции могут заполняться не только одиночными глаголами, но лексическими комплексами и сериальными конструкциями.

Ю.А. Горгониев называл многокомпонентные глагольные комплексы наподобие тех, которые представлены в (8-9), «глагольными цепочками». Он отмечал, что «соединяясь в самых различных комбинациях, они образуют многочисленные, порой довольно сложные структуры, в которые могут вкрапываться и другие элементы – имена (дополнения, определения), частицы, наречия и т.д.» [Горгониев 1966, с. 242].

2.2. Сериальная конструкция с глаголом «братъ»

Структура: V_1 «братъ» + O + V_2

СК с глаголом «братъ» в языках весьма распространены. Этот тип отличается от описанного в 2.1 тем, что, во-первых, в них чаще V_1 – это глагол «братъ», во-вторых, позиция O может заполняться ИГ инструмента, средства, материала, а также ИГ пациенса. Глагол «братъ» в СК данного типа может утрачивать свое лексическое значение и грамматикализироваться. Примеры:

⁸ Перевод мой – Т. П.

кхмерский

(10) នាវាត់យកដៃញឹក្បាលជាញឹកញាប់។

<i>cha:rat</i>	<i>ɟɔ:k</i>	<i>daj</i>	<i>ɲi:</i>	<i>kba:l</i>	<i>ciə</i>
PN	братъ	рука	тереть	голова	ADV
<i>ɲuək</i>		<i>ɲɔəp</i>			
непрерывно+		быстро=часто			

‘Чхарат потер рукой голову’ [Конг, с. 10]

кхмерский

(11) អ្នកដំណើរនាំគ្នាសើច ដោយយកដៃចង្អុលទៅ ប្តីវាទីណូ ដែលរត់។

<i>něək</i>	<i>dəmnaə</i>	<i>ɲɔəm khniə</i>	<i>saəc</i>	<i>daoj</i>	<i>ɟɔ:k</i>
AG+	ходьба	PL	смеяться	ADV	братъ
<i>daj</i>	<i>ɕɲɲol</i>		<i>təw</i>	<i>bu:ra:ti:no:</i>	<i>dael</i>
рука	показывать.пальцем		к	PN	REL

ɲiət
бежать

‘Прохожие смеялись, показывая пальцами на бегущего Буратино’
[Толстой, с. 12]

2.2.1. Усложнение модели сериальной конструкции с глаголом «братъ»

Поскольку место нахождения инструмента или средства и место совершения действия V₂ могут не совпадать, в СК данного типа создаются позиции для глаголов перемещения в пространстве перед V₁ и/или V₂. Отметим некоторые модели.

(i) V₁ «братъ» + O + «приходить/идти» + V₂

кхмерский

(12) កាវឡូយកចំណាំងឈើ មកធ្វើជាជើងយ៉ាងវែងឲ្យយក។

<i>ka:rlɔ:</i>	<i>ɟɔ:k</i>	<i>ɕɔmnaŋ</i>	<i>chə:</i>	<i>mɔ:k</i>	
PN	братъ	щепка	дерево	приходить	
<i>tvə:</i>	<i>ciə</i>	<i>ɕə:ŋ</i>	<i>ja:ŋ</i>	<i>vɛ:ŋ</i>	<i>ʔaɔj</i>
делать	СОР	нога	ATR	длинный	для

viə
3SG

‘Карло сделал ему из лучинок длинные ноги’ [Толстой, с. 12]

(ii) «идти» + V₁ «братъ» + O + «идти» + V₂

кхмерский

(13) តែវាមិនមែនដល់ទៅយកស្បែកជើងទៅពាក់លើក្បាលឯណា

វាពាក់នៅនឹងជើង។

<i>tae</i>	<i>viə</i>	<i>mun</i>	<i>mɛ:n</i>	<i>dpl</i>		<i>təw</i>
однако	3SG	NEG	NEG	до.такой.степени		идти
<i>jə:k</i>	<i>sbaek</i>	<i>cə:ŋ</i>		<i>təw</i>	<i>pəək</i>	<i>lə:</i>
братъ	кожа+	нога=ботинки		идти	надевать	на
<i>kba:l</i>	<i>ʔaena:</i>	<i>ku:</i>		<i>pəək</i>	<i>nəw</i>	<i>nuŋ</i>
голова	PTCL	SOP		надевать	на	на
<i>cə:ŋ</i>						
ноги						

‘Однако ботинки он надевал на ноги, а не на голову’ [Носов, с. 3]

2.2.2. Лексическая вариативность V₁ в сериальной конструкции с глаголом «братъ»

В СК с глаголом «братъ» позиция V₁ может заполняться глаголами, в семантической структуре которых есть компонент «овладение ресурсом», но он не главный. Эти глаголы обозначают вполне специфическое действие или деятельность, со своей специфической целью, например, кхм. *cap* ‘ловить, хватать’ в (14), где СК имеет структуру такую же, как в (13), но с глаголом «ловить, хватать» в позиции V₁:

(iii) «идти» + V₁ «ловить, хватать» + O + «идти» + V₂

кхмерский

(14) នែកូន! ចូរកូនទៅចាប់ក្របីទៅភ្នំស្រែ។

<i>ne:</i>	<i>koun</i>	<i>cou</i>	<i>təw</i>	<i>cap</i>	<i>krɔbej</i>	<i>təw</i>
эй	сын	PTCL	идти	ловить	буйвол	идти
<i>psuə</i>	<i>srae</i>					
пахать	поле					

‘Эй! Сынок, возьми буйвола и вспаши поле’ [Эвпук кмек]

Примечательно, что СК с глаголом «братъ» может сохранять свою компонентную конфигурацию даже при изменении структуры предложения. Это доказывает то, что СК является не произвольной цепочкой глаголов с иконическим порядком следования компонентов, комплектация которой происходит по воле говорящего в зависимости от того, какую концептуализацию описываемой ситуации он выбирает. СК – это конструк-

ция, форма которой жестко связана с ее функцией и значением (“a pairing of form and meaning” [Croft 2001, p. 18]).

Приведем пример из языка ксингмул⁹, в котором СК с V₁ «братъ» при псевдо-клефтинге сохраняет свой компонентный состав (как в модели (i)). Отличие только в том, что в расщепленном предложении компонент «О» тоже расщепляется и реализуется в двух разных ИГ – катафорической ослабленной дескрипции *suəŋ* ‘вещь’, расположенной в релятивной (топикализованной) части, и лексемы *kiəw* ‘серп’ в фокусированной части. СК в предложении (15) имеет структуру:

V₁«братъ»+О (катафор) + «использовать» + «идти» + V₂

ксингмул

(15) *zak* *suəŋ* *ʔe:* *su:* *dzu:* *kiəw*
 братъ вещь 1PL.INCL использовать идти жать
ŋo: *la:* *kiəw*
 рис СОР серп
 ‘То, чем жнут рис – серп’ [Язык ксингмул, РЕЧ 129, с. 237]

2.3. Сериальная конструкция «передача ресурса»

Базовая структура СК «передача ресурса» включает следующие компоненты:

(i) V₁ (овладение) + O₁ (ресурс) + V₂ «идти»/«приходить» + V₃ (донативный) + O₂ (реципиент).

В этой модели позиция V₁ заполняется любым глаголом, в семантической структуре которого есть компонент значения «овладение ресурсом», O₁ – объект-ресурс, V₂ – дейктические глаголы перемещения в пространстве ‘идти; уходить’ и ‘приходить’, V₃ заполняется любым глаголом, в семантической структуре которого есть донативный компонент значения, O₂ – получатель ресурса. Наиболее частотным V₁ является глагол «братъ». Вариантами V₁ выступают глаголы, которые включают компонент значения «овладение ресурсом», но он не является главным. Эти глаголы обозначают вполне специфические действия или деятельность, со своей специфической целью, например, кхмерские глаголы *sap* ‘хватать, ловить’, *lə:k* ‘поднимать, подносить’¹⁰, *phcum* ‘собирать’, *pəət* ‘приносить, приводить’. В кхмерском языке наиболее распространенным V₃ является глагол

⁹ Язык ксингмул входит в кхмуическую группу МК ветви АА семьи языков. На нем говорит народность, проживающая на территории Вьетнама.

¹⁰ Ср. также *lə:k sla:* ‘подношение подарков родителям невесты во время церемонии помолвки’.

ʔaɔj ‘давать’. В этой позиции в кхмерском языке могут выступать и другие глаголы с донативной семантикой, например, *caol təw* ‘бросить (кому-то что-то)’, *tuk* ‘положить, оставить для кого-то’, *si:n* ‘давать (вежливо), подавать (вышестоящему)’, *thva:j* ‘давать, подносить (королю, монаху, богу)’, в древне-кхмерском также *cval* ‘делать пожертвование’.

Усложненные модели:

(ii) V₁ (овладение) + O₁ (ресурс) + V₂ «идти»/«приходить» + V₃ (донативный) + O₂ (реципиент) + V₄ (цель).

(iii) V₁ (перемещение) + V₂ (овладение) + O₁ (ресурс) + V₃ «идти»/«приходить» + V₄ (донативный) + O₂ (реципиент).

Примеры:

средне-кхмерский

(16) <បព័ត្តិសុគ្រឹពជា នូវ> ផ្គុំពលពា នកប៊ីមកថ្វាយក្សត្រ។

<...> *phjuŋ* *bal* *bānarā* *pī* *mak*
 собирать армия обезьяна DP приходит

thvāy *ksat*
 давать принц

‘<Господин! Король Сугрива> собирает армию обезьян, чтобы дать Вам’ [RI, 2540]^{11,12}

древне-кхмерский¹³

(17) *bhūmi* *candranan* *ti* *teñ* *tvan* *vraḥ* *añkoñ*
 земля PN DP PN (?) PN (?) PN PN

ou *dakṣiṇā* *man* *nām*
 давать вознаграждение DP (который) приносить

cval *āy* *liṅgapura*
 входить; жертвовать LOC PN

‘Земля Candranan, которую Teñ Tvan из Vraḥ Añkoñ дал в качестве вознаграждения, которую (я) пожертвовал Лингапуре’ [K 89: 12-13]

СК в предложении (17) построена по модели (i), если принять во внимание два следующих фактора. Во-первых, компонент O₁ «ресурс» здесь представлен словом *man*, которое в результате релятивизации заме-

¹¹ В ссылках на [RI] арабскими цифрами обозначается номер строфы.

¹² В [RI] в СК используются маркеры подчинения (см. 2.7).

¹³ Древне-кхмерские примеры даются в транслитерации; в ссылке на источник указывается номер надписи в [IC], через двоеточие дается номер строк.

нило слово «земля» с последующим выносом его в начало относительного предложения. Во-вторых, *nām* заполняет сразу две позиции: V₁ и V₂, поскольку его семантическая структура включает и компонент «овладение», и компонент «приходить». Таким образом, данная СК имеет следующую структуру.

O₁ (*man*) + V₁ & V₂ (*nām*) + V₃ (*cval*) + O₂ (*līṅapura*)

Только исходя из того, что последовательность *man nām cval āy līṅapura* является не свободным сочетанием слов, а конструкцией, выражающей значение «передача ресурса», строевые элементы которой заполняют определенные позиции с приписанными им значениями, определенными конструкцией, мы имеем все основания исправить неточный перевод этого предложения Ф. Дженнера ‘... которую (я) взял (и) сделал частью Лингапуры’ [DAK, p. 137]. Ошибка Ф. Дженнера в том, что полисемантический глагол *cval* ‘входить; жертвовать’ занимает позицию V₃ – глагола с донативной семантикой, поэтому в данном случае слово *cval* реализуется со значением ‘жертвовать’, а не значением ‘входить’¹⁴.

кхмерский

(18) លើកបាយមកឲ្យអ្នកកំលោះនោះស៊ី

<i>l̄ə:k</i>	<i>ba:j</i>	<i>m̄ə:k</i>	<i>ʔaɔj</i>	<i>n̄ə:k</i>
поднимать	еда	приходить	давать	человек
<i>kamləb</i>		<i>nuh</i>	<i>si:</i>	
молодой человек		тот	есть	

‘Поддай еду этому юноше’ [Эвпук кмек]

Особых пояснений требует характер употребления дейктических глаголов движения, которые в СК передачи ресурса выступают как V₂ в моделях (i) и (ii) и как V₃ в модели (iii). В изолирующих языках Азии, в частности, в кхмерском и тайском языках, эти глаголы могут выражать не только пространственный, но и социальный дейксис¹⁵. В последнем случае выбор дейктического центра и, соответственно, выбор глагола зависит от социального статуса участника ситуации с семантической ролью «реципиент»¹⁶. Сравним (19) и (20):

¹⁴ В [Bisang 2010, p. 245] это называется “coercion” (принуждение) – свойство конструкции, когда “the syntactic structure of a construction provides the pattern that has the power to coerce a lexical item into a particular function”.

¹⁵ О выражении социального дейксиса глаголами движения в МК языках см. [Погибенко 2018в].

¹⁶ О понятии дейктического центра см. [Levinson 1983, p. 64, 73].

кхмерский

(19) ម្ចាស់ផ្ទះយកម្ហូបមកជូនភ្ញៀវ។

<i>mcah</i>	<i>ptěəh</i>	<i>ʃə:k</i>	<i>mhoup</i>	<i>mə:k</i>	
хозяин	дом	братъ	еда	приходить	
<i>ci:n</i>					<i>phniəw</i>
давать (вежливо), подавать (вышестоящему)					гость
‘Хозяйка дома подала гостям еду’					

кхмерский

(20) នាងបានយកអាហារទៅឲ្យភ្ញៀវ។

<i>niəŋ</i>	<i>ba:n</i>	<i>ʃə:k</i>	<i>ʔa:ha:</i>	<i>təw</i>	<i>ʔaoj</i>	<i>phniəw</i>
3SG	PRF	братъ	еда	идти	давать	гость
‘Она принесла гостям еду’						

В дискурсе модель СК «передача ресурса» может выступать в усеченном виде. В [Diller 2006] рассматривается пример такого дискурса на тайском языке, где СК передачи ресурса выступает в двух разных усеченных вариантах. В описываемой ситуации выяснилось, что нет апельсинов для того, чтобы очистить и предложить гостям. Рассмотрим усеченные варианты и их структуры (опущенные позиции зачеркнуты).

(ii) V₁ (овладение) + ~~O₁~~ (ресурс) + ~~V₂~~ «идти»/«приходить» + V₃ (донативный) + ~~O₂~~ (реципиент) + V₄ (цель)

тайский¹⁷

(21) *pɔ:k¹* *haj²* *kin*
 очищать давать есть

‘Очисти (апельсины) гостям’ [Diller 2006, p. 160]

(iii) V₁ (выход из пространства, где нет ресурса) + V₂ (овладение) + ~~O₁~~ (ресурс) + V₃ «идти»/«приходить» + ~~V₄~~ (донативный) + ~~O₂~~ (реципиент).

¹⁷ Пример реконструирован: тайского примера в работе нет, дается только словосный перевод.

тайский

- (22) $o:k^3$ *paɯ* $su:^3$ *klap^l*
выходить уходить (go) покупать возвращаться
ta:
приходить
'Иди, купи и возвращайся' [Diller 2006, p.160]

В усеченном варианте предложения (22) позиции V_1 и V_3 заполнены не единичными глаголами, а лексическими комплексами $o:k^3 paɯ$ и $klap^l ta:$.

В следующем примере из языка пакох¹⁸ СК «передача ресурса» также представлена в усеченном виде с перемещением позиции O_1 «ресурс»:

- (ii) V_1 —(овладение)—+ O_1 (ресурс) +— V_2 —«идти»/«приходить»
+ V_3 (донативный) + O_2 (реципиент) + V_4 (цель)

пакох¹⁹

- (23) *ki:* *ʃon* *do:j* *ʔa.do:* *ca:*
1SG давать рис DAT-3SG есть
'I gave rice to him to eat' [Alves 2006, p. 108]

2.4. Серийная конструкция «повышение валентности»

В СК данного типа V_2 создает валентность на новую актантную позицию. В [Aikhenvald 2006, p. 25-26] СК данного типа называются “valency increasing”. Там говорится, что они используются для маркировки каузативов, бенефактивов, инструментов, комитативов и ассоциативов.

Рассмотрим примеры из вьетнамского языка и их переводы на языки ма и ксингмул. В этих примерах используются разные стратегии представ-

¹⁸ Язык пакох входит в катуическую группу МК ветви АА семьи языков. На нем говорит горная народность в центральной части Вьетнама.

¹⁹ Приводя этот пример из грамматики языка пакох, следует оговориться, что ее автор не описывает типы серийных конструкций, вместо этого он выделяет категорию глагольных комплексных единиц, которую он называет глаголами, сочетающимися с сентенциальным актантом (complement-taking verbs). Этот термин он использует как обобщающий (umbrella term) для обозначения более широкого круга глагольных комплексных единиц: с глаголами модальной/аспектуальной/темпоральной семантики, вспомогательными глаголами, глаголами движения, намерения и др. Серийные конструкции в общепринятом понимании являются всего лишь одним из видов того, что М. Альвес называет “complement-taking verbs”.

ления в структуре предложения аргумента с семантической ролью «адресат»: предлог (24), СК (25, 26, 27), предлог и СК (28), предлог/предлог и СК (29).

вьетнамский

(24) *anh chura hẻ viét một bức thư*
 2SG еще не вовсе не писать один CLF письмо
nào cho mẹ
 какой-то для мать
 ‘Ты еще не написал письма к матери’ [Погибенко, Ефимов 2020, СКД 103, с. 350]

ма

(25) *mi ʔəʔ dà hir ci dù nэм*
 2SG NEG еще не совсем писать один CLF
sraʔ pəjwa me ʔin
 бумага; письмо посылать мать DAT
 ‘Ты еще не написал письма к матери’ [Погибенко, Ефимов 2020, СКД 103, с. 350]

В (24) сказуемое – простой глагол *viét* ‘писать’, и ИГ адресата *me* ‘мать’ вводится предлогом *cho*. В (25) используется стратегия сериализации *ci pəjwa* ‘писать + посылать’. Лексическая семантика донативности V_2 компенсирует отсутствие предлога *ʔaj* ‘DAT’, хотя послелог *ʔin* ‘DAT’ присутствует.

В следующих предложениях V_2 выполняет сразу две функции: создает валентность на новую актантную позицию и служит средством устранения многозначности глагола V_1 , помещая в фокус когнитивную составляющую его семантической структуры, которая активизируется тем, что V_2 глагол речи²⁰.

вьетнамский

(26) *tao nghe màу nói đâу*
 1SG слушать 2SG говорить здесь
 ‘Я слушаю тебя’ [Погибенко, Ефимов 2020, СКД 182а, с. 366]

²⁰ В (26) той же цели служит и дейктическая частица *đâу* ‘здесь; тут; вот’ [НБВРС], ее функция в данном случае – подчеркивать актуальность ситуации.

кхмерский

(27) $\text{ខ្ញុំមិនឮលោកនិយាយទេ។}$
khnom tu:n lu: lək ni?jiaj tɛ:
1SG NEG слышать 2SG говорить NEG
'Я не слышу Вас'

ксингмул

(28) *to: ne? ciəŋ laŋ*
CLF маленький асем.+ асем.=рассказывать
thaj tu: da:j mah me:
асем.+ асем.+ асем.=сказка для мать
ʔal
слушать
'Мальчик рассказал матери сказку' [Язык ксингмул, СКД 50, с. 298]

вьетнамский

(29) *câu bé kể cho mẹ*
CLF маленький рассказывать для мать
(nghe) một câu chuyện cổ tích
слушать один CLF рассказ древний сказание
'Мальчик рассказал матери сказку' [Язык ксингмул, СКД 50, с. 298]

2.5. Серийная конструкция «результат (эффект)/достижение результата»

Структура: $V_1 + O + V_2 / V_2 + O$

В СК «достижение результата» V_2 выражает результат действия V_1 , как в (30) и (31). В СК «результат (эффект)» V_2 выражает результат как эффект, возникающий в результате состояния, процесса V_1 , как в (32). В этом случае V_1 непереходный глагол. Во втором типе СК глаголы не имеют общих аргументов.

Рассмотрим примеры СК «достижение результата».

вьетнамский

(30) *con tôi chưa bắn chết một*
ребенок 1SG еще не стрелять умирать один
con nào cả
животное какой совсем
'Мой сын еще не застрелил ни одного животного' [Язык рук, 2001, СКД 103, Т-1, с. 458]

рук²¹

(31) *kən¹* *ho¹* *pjɯ³* *hom¹* *kucit³* *kən¹*
ребенок 1SG стрелять еще не умирать животное
sam³ *hit³*
какой+ все=какой-то

‘Мой сын еще не застрелил ни одного животного’ [Язык рук, 2001, СКД 103, Т-1, с. 458]

В (30) и (31) используется СК одного типа. Существенное различие – в позиции маркера негации. Несмотря на то, что сферой действия отрицания является только V_2 в (30) он стоит в начале СК. Предложение (31) нарушает параметр (v), касающийся общей для СК темпоральности, аспектуальности и полярности, поскольку сферой действия отрицания является только V_2 .

Примеры СК «результат (эффект)»:

кхмерский

(32) ញើសឡើងជាមអ៊ែនតា ។

nə:h *laɯ* *da:m* *vaenta:*
пот выступать мокрый очки

‘вспотели очки’ [Толстой, с. 6]

Ср. (32) с вьетнамским предложением (33) и его переводом на язык ксингмул (34). В них при описании похожей ситуации СК «результата (эффекта)» используется в усеченном виде, без V_1 . Хотя в (33) позиция V_2 усложнена: в ней выступает не одиночный глагол, а лексический комплекс *uót đám*. В НБВРС дается пример, совпадающий с (33), за исключением того, что в позиции V_2 там выступает одиночный глагол *đám*. Перевод «Рубашка пропитана потом», который дается в словаре, на наш взгляд, неточный.

вьетнамский

(33) *mồ* *hôi* *uót* *đám* *lưng*
асем.+ асем.=пот мокрый пропитываться спина
‘Пот намочил спину’ [Язык ксингмул, СКД 60, с. 301]

ксингмул

(34) *?guh* *tom* *dut*
пот мокрый спина
‘Пот намочил спину’ [Язык ксингмул, СКД 60, с. 301]

²¹ Язык рук входит во вьет-мыонгскую группу МК ветви AA семьи языков, на нем говорит народность, проживающая на территории Вьетнама.

В китайском языке тоже есть СК «результат (эффект)». Предложение, содержащее СК данного типа, имеет следующий вид: S_1 *ba* $O_1(=S_2)$ V_1 V_2 , где *ba* – предлог, вводящий дополнение. Например:

китайский

- (35) *haizi ba keren dou ku- pao le*
 ребенок OBJ гости PTCL плакать убежать PRF
 ‘Ребенок плакал так, что гости убежали’ [Антонян 2021, с. 145]

2.6. Сериальная конструкция «принятие позы, изменение местоположения»

Это распространенный тип СК, в которой V_1 выражает принятие позы или изменение местоположения, V_2 – действие или деятельность субъекта, находящегося в этой позе или в этом местоположении. В [Diller 2006, p. 169] они называются “stance activity constructions”. Там же отмечается, что интерпретация ситуации зависит от того, подразумевается ли одновременность V_1 V_2 или последовательность, во втором случае V_1 приобретает инцептивный характер. Дилер считает, что в этом типе СК параметр одновременности действий варьирует, и в определенных контекстах СК может мигрировать в сторону координативной полипредикации.

Примеры:

кхмерский

- (36) គាត់ អើត ក្បាល មើល តាម ប្រហោង ទ្វារ
kɔət ʔaət kba:l mət:l ta:m prɔhaoŋ
 3SG высовывать голова смотреть через проем
tviə
 дверь
 ‘Он высунул голову и посмотрел через дверной проем’ [Толстой, с. 6]

кхмерский

- (37) ណារីន បែរ មុខ មើល ឆាវ ភ័ក្ត្រ ដោយ ឆ្ងល់ ។
na:ru:n bae muk mət:l cha:ra:t
 PN поворачивать лицо смотреть PN
daoj cɿvɔl
 ADV изумленный
 ‘Нарын повернулся и с изумлением посмотрел на Чхарата’ [Конг, с. 11]

Усложнения данной модели связаны, во-первых, с наличием дополнительной позиции или позиций перед V_1 для глагола или глаголов перемещения, как в (38), где в качестве усложнения выступает глагол *mək*, и в (39), где в качестве усложнения выступает ЛК *rŭət kəc*, или позиции для модификатора как в (41) и (70). В кхмерском языке в дополнительной позиции перед V_1 может также выступать глагол *riəp* ‘подготовить, приготовиться’, как в (42). Это объяснимо, поскольку действие V_1 фактически и является подготовкой к совершению V_2 . Во вторых, возможна усложненная комплектация позиции V_2 , как в (38), где имеет место бессоюзное сочинение глагола *kəmsa:n* и устойчивого (т.е. отмеченного в словарях) лексического комплекса *lè:ŋ sapba:j*, в (43), где используется сочинение двух глагольно-объектных словосочетаний, в (39) и (42), где эта позиция заполнена лексическими комплексами *crək kaon* и *coul mət:l*. Обратим внимание на то, что в (41) *lɔ:p* выступает в качестве модификатора всей СК *ŋiək mət:l*, что является проявлением свойства монопредикативности СК.

кхмерский

(38) មកអង្គុយកំសាន្តលេងសប្បាយ

<i>mək</i>	<i>ʔəŋkuj</i>	<i>kəmsa:n</i>	<i>lè:ŋ</i>
приходить	садиться	отдыхать	играть +
<i>sapba:j</i>			

счастливым = хорошо проводить время

‘прийти сесть отдохнуть, хорошо провести время’ [Горгониев 1966, с. 242]²²

кхмерский

(39) រត់គេចមកជ្រកកោននៅប្រទេសបារាំង

<i>rŭət</i>	<i>kəc</i>	<i>mək</i>	<i>crək</i>	
бежать	избегать	приходить	укрываться	
<i>kaon</i>		<i>nəw</i>	<i>prviè:h</i>	<i>ba:raŋ</i>
находить.приют		в	страна	PN

‘эмигрировать во Францию’

В (40) для описания события «эмиграция» используется СК с V_1 – одиночным глаголом *coul* и V_2 – сложносочиненным глаголом.

²² Перевод мой – Т. П.

кхмерский

(40) ចូលស្រុកធ្វើអន្តោប្រវេសន៍

coul srok thvə: ʔbntaoprɔvè:h
входить страна делать иммиграция
'эмигрировать'

кхмерский

(41) រួចលបងាកមើលជុំវិញរោង

ruəc lə:p ɲiək mə:l
затем делать.украдкой повернуть.голову смотреть
sɪtvɯŋ rɔ:ŋ
вокруг мастерская
'Затем он повернул голову и с опаской стал оглядывать мастерскую'
[Толстой, с. 6]

кхмерский

(42) មើលរហូតដល់ឡកំដៅនិងរៀបអឺតកចូលក្នុងបំពង់កំដៅទៀត

mə:l rɔhɔut dɔl lv: kɔmdaw nuŋ
смотреть вплоть.до до очаг нагревать и
riəp ʔaət kv: coul
приготовиться вытягивать шея входит
mə:l knoŋ bɔmpɔŋ kɔmdaw tiət
смотреть в труба нагревать еще
'<...> (он) заглянул даже в очаг и, вытянув шею, еще заглянул в трубу' [Толстой, с. 6]

пакох

(43) *hɛ: fiər hom da:ʔ ʔaba:f buəjʔ*
1PL спускаться купаться вода ловить рыба
'Мы спустились искупаться и половить рыбу' [Alves 2006, p. 109]

А. Дилер отмечает, что обычно в этом типе СК сферой действия отрицания является вся конструкция, однако в случаях недостижения реализации действия или состояния V₂ сферой действия отрицания может быть V₂, например, в случаях типа тайск. *no:n lap¹* 'прилечь спать' [Diller 2006, p. 169]. Приведем аналогичный кхмерский пример:

кхмерский

(44) ដេកមិនលក់

<i>de:k</i>	<i>mun</i>	<i>lǝk</i>
лечь	NEG	спящий
‘не (мочь) заснуть’		

А. Дилер, анализируя СК данного типа в тайском языке, полагает, что в определенных контекстах данная конфигурация может интерпретироваться как содержащая придаточное предложение цели, поскольку V₂ выражает цель, причину совершения действия V₁ [Diller 2006, p. 169].

В этой связи интересно отметить, что в кхмерской Рамае (Риемке), написанной на средне-кхмерском языке, в СК данного типа отмечается союз цели *pi:*, выступающий самостоятельно или в комбинации с маркером зависимой предикации *dv:*²³. Этот факт отмечается в [Pou 1977, p. 122]. Можно предположить, что в данном случае такая декомпозиция СК является гиперкоррекцией, которую позволяли себе поэты – авторы текста кхмерской Рамае. Приведем примеры из [RI] – более ранней части кхмерской Рамае.

средне-кхмерский²⁴

(45) ចរចូលបីដីទូលបុប្ផា ថ្នាំថ្នាយអភិវាទ នៃមហាបុសីដ៏មុនី។

<i>cv:</i>	<i>coul</i>	<i>pi:</i>	<i>dv:</i>	<i>tu:l</i>	<i>borciə</i>
идт	входить	чтобы	DP	нести.на.голове	цветы
и					
<i>thvat</i>	<i>thvaj</i>	<i>ʔaphiviət</i>	<i>nəj</i>		
подносить	давать	низко.кланяться	асем. ²⁵		
<i>m̥ha:</i>	<i>rusej</i>	<i>dv:</i>	<i>muniʔ</i>		
великий	отшельник	DP	ученый		
‘(Нараяна) вошел поднять цветы над головой, поднести, низко поклонившись, великому отшельнику и мудрецу’ [RI, 575]					

²³ О маркере зависимой предикации *ta* (среднекхмерское /*dv:l*/) в древне-кхмерском см. [Погибенко 2012].

²⁴ Фонологическая запись средне-кхмерских слов дается в современном произнесении.

²⁵ В [Н 97] *nəj* квалифицируется как асемантическое слово, которое используется в стихосложении для ритмики.

средне-кхмерский

(46) ព្រះវាត់កោទណ្ណប៊ិតម្រង់

<i>prəəh</i>	<i>vət</i>	<i>kawtoan</i>	<i>pi:</i>	<i>təmrvəj</i>
принц	поворачивать	лук	чтобы	прицелиться

‘Принц повернул лук прицелиться’ [RI, 223]

Предположение о том, что использование союза *pi* в СК «принятие позы, изменение местоположения» в средне-кхмерском тексте кхмерской Рамаяны является гиперкоррекцией, подтверждается тем, что в древне-кхмерских текстах кхмерской эпиграфики находим примеры СК данного типа, в которых между V₁ и V₂ маркеров подчинения нет, например:

древне-кхмерский

(47) *kamrateñ añ vraħ guru cval mel*
 господин 1SG TTL наставник входит смотреть
sruk
 поселение
 ‘Его преподобие настоятель пришел посмотреть на поселение’ [K 175W: 11]

В кхмерском языке модель СК данного типа может мигрировать в сторону лексического комплекса. Например, в [H 97] *miəj mət:l* дается как ЛК ‘to look out of the corners of the eyes’, букв. ‘to follow something with the eyes – смотреть’. Но в текстах последовательность из этих глаголов отмечается и как СК принятия положения, например:

кхмерский

(48) ស៊ីសេបឆ្លើយឡើងដោយមៀងភ្នែកមើលទៅកំណាត់ឈើ

<i>su:se:p</i>	<i>chlaəj</i>	<i>laəj</i>	<i>daoj</i>	<i>miəj</i>
PN	отвечать	INCEP	ATR	скосить глаза

<i>phnè:k</i>	<i>mət:l</i>	<i>təw</i>	<i>kətnat</i>	<i>chui:</i>
глаза	смотреть	на	кусочек	дерево

‘Джузеппе ответил и покосился на полено’ [Толстой, с. 7]

2.7. Серийные конструкции с подчинительными средствами связи

Как было сказано выше, одним из критериев выделения серийной конструкции из всех других типов полипредикаций является отсутствие в них средств подчинительной связи между глаголами. В [Aikhenvald 2019]

говорится, что отсутствие каких-либо коннекторов между компонентами в последовательности глаголов является основным критерием их отнесения в разряд СК. «Последовательности глагол-глагол, в которых есть морфема связи, могут иметь семантические сходства с сериальными глаголами, но таковыми признаваться не могут» [Aikhenvald 2019, p. 16]. На наш взгляд, это условие никак не объясняется функциональной природой СК и тем более ее происхождением. Поэтому вполне ожидаемо, что есть языки, в которых данный критерий нарушается. Маркеры подчинительной связи обнаруживаются в СК в МК языках кри²⁶, пакох²⁷, древне-кхмерском²⁸ и средне-кхмерском²⁹.

В языке кри в СК используется маркер подчинительной связи *kùù*. Как отмечается в [Enfield, Diffloth 2009], язык кри является архаичным, он сохранил ряд черт в фонологии и морфологии, утраченных в других вьетских языках. Язык кри также сохранил непродуктивные рефлексы МК словообразовательных и словоизменительных аффиксов (каузативного, вербализирующего и номинализирующего).

Маркер *kùù* используется в симметричных и асимметричных СК разных структурных и семантических типов, таких же, какие отмечаются в других МК языках. Это СК результата (49), (50), (51), СК овладения ресурсом (52), разнообразные семантические типы СК с глаголом «братъ»: с ИГ инструмента (53), средства (54).

кри
 (49) *pdajh* *kùù* *vàt*
 смахивать DP избавляться
 ‘смахнуть’ [Enfield, Diffloth 2009, p. 52]

Ср. кхмерский аналог ផ្អាត់ ចេញ *phōət cəŋ* ‘смахивать – покидать’.

кри
 (50) *qalêng* *kùù* *cong*
 смотреть DP видеть
 ‘Посмотри!’ [Enfield, Diffloth 2009, p. 53]

²⁶ Язык кри входит во вьет-мыонгскую группу МК ветви АА семьи языков, на нем говорит народность, проживающая на территории Лаоса.

²⁷ См. сноску 18.

²⁸ Древне-кхмерский – язык эпиграфических памятников Камбоджи 7-15 вв.

²⁹ Средне-кхмерский – язык периода 16-18 вв.

Ср. кхмерский аналог រើសឃើញ *mə:l khə:ɲ* ‘смотреть – видеть’.

кри

(51) *qavààh* *kùù* *qooc*
раздвигать.заросли.чтобы.пройти DP идти
‘продвигаться, раздвигая заросли, чтобы расчистить дорогу’
[Enfield, Diffloth 2009, p. 52]

кри

(52) *lêêq* *kùù* *tààjh*
брат DP продавать
‘взять что-то, чтобы продать’ [Enfield, Diffloth 2009, p. 52]

кри

(53) *lêêq* *srdeel* *kùù* *sadeel*
брат затычка DP затыкать
‘взять затычку заткнуть (что-то)’ [Enfield, Diffloth 2009, p. 52]

кри

(54) *lêêq* *kasèèq* *mee* *crnooh* *kùù* *cooh*
брат веревка делать узел DP нанизывать
‘taking a cord to make a tie-cord, to thread it through’ [Enfield, Diffloth
2009, p. 52]

В (54) представлена усложненная модель СК с глаголом «брат» и ИГ материала, средства. Усложнением является V_3 , выражающий еще одну цель действия. При этом маркер зависимой предикации используется только один раз:

V_1 «брат» + О + V_2 (цель₁) + *kùù* V_3 (цель₂).

Для СК в (54) можно предложить другой вариант анализа: как СК цели $V_1 + V_2$, где слот V_1 заполнен СК инструмента, средства:

$[V_1$ «брат» + О + V_2 (цель)] $_{V_1}$ + *kùù* V_2 (цель)

В древне-кхмерском языке используется маркер зависимой предикации инактивного агенса *tí* в запретительных СК с V_1 *āc* ‘мочь’, *kaŋ* ‘нельзя’ и в СК с V_1 *leñ* ‘пусть, следует, надо’, *pre* ‘велеть, приказывать’ [Погибенко 2012, с. 259-266].

древне-кхмерский

- (55) *vvañ* *āc* *ti* *pre* *anak*
NEG мочь DP использовать люди
jāgrāma *thve* *nār*
PN работать принудительные работы
'Нельзя использовать людей из Джаграма для работ' [К 211, 5-6]

В (56) СК с глаголом *leñ* используется дважды, однако во втором вхождении она не имеет показателя зависимой предикации инактивного агенса. Причина в том, что в первом случае СК выражает наложение обязательства на инактивного агенса, а во втором – это пожелание, обращенное к богам.

древне-кхмерский

- (56) *leñ* *ti* *sralāñ* *tyañ* *varttamāna* *pālana*
пусть DP любить знать новости сохранять
devatā *neh* <...> *leñ* *jagat* *phoñ*
божество этот пусть люди PL
saṃṛddhi *sapp*
процветать все
'Пусть (они) проявляют интерес к сохранению этих божеств <...>
пусть все люди процветают' [К 523]

Есть случаи, когда маркер *ti* поднимается к V₁, например:

древне-кхмерский

- (57) *raja* *vraḥ* *pāda*
король священный+ ступня = Его Величество
stac *dau* *ṣivapada* *ti* *pre*
изволить уходить PN DP приказывать
ou *thṅay* *ta* *kaṃmreteñ* *jagat*
давать жертвоприношение DAT TTL бог
ṣaṃmbhupura *niv* *devatā* *ṣaṃmbhupura*
PN и божество PN
phoñ
также
'<...> Его Величество король изволил отправиться в Шивападу (и)
приказал принести дары богу Шамбхупура и божествам
Шамбхупуры' [К 125]

2.8. Грамматикализация и лексикализация серийной конструкции

Грамматикализация

В разделе 2.2 мы говорили о том, что глагол «брать» в СК может утрачивать свое лексическое значение и грамматикализоваться, как, например, в предложениях (10) и (11).

Глагол «давать» в СК также может утрачивать свое лексическое значение и грамматикализоваться как предлог реципиента и бенефицианта. Это происходит в СК «передачи ресурса» (58) и СК с V₂ «давать», повышающим валентность (59).

кхмерский

(58) *knom tuŋ siəwphəw ʔəoj Bill*
1SG покупать книга давать PN
'Я купил книгу для Билла' [Spruiell 1988, p. 252]

кхмерский

(59) *baək bɔŋʔuəs ʔəoj knom pha:ŋ*
открывать окно давать 1SG RQST
'Открой, пожалуйста, мне окно' [Spruiell 1988, p. 252]³⁰

Весьма неординарная ситуация имеет место в языке ма, где глагол *ʔaj* 'давать; брать' является конверсивом и грамматикализации подверглись оба его значения. В (60) он выступает как предлог бенефицианта/малефицианта, а в (61) – как предлог инструмента.

ма

(60) *kən ʔur rəw jəŋ*
ребенок женщина мыть нога
ʔaj ʔə ʔur [ʔin]
брат, давать; DAT мл. сиблинг женщина DAT
təʔ mrit
вода холодный
'Девушка мыла сестре ноги холодной водой' [Погибенко, Ефимов 2020, ПРП 60, с. 309]

³⁰ Примеры (58-59) цитируются по [Self 2014, p. 84].

ма

(61)	<i>kòn</i>	<i>ʔùr</i>	<i>ràw</i>	<i>ʔò</i>	<i>ʔùr</i>
	ребенок	женщина	мыть	мл. сиблинг	женщина
	<i>ʔaj</i>		<i>tàʔ</i>	<i>mrit</i>	
	брат, давать; INSTR		вода	холодный	
	‘Девушка мыла сестру холодной водой’ [Погибенко, Ефимов 2020, ПРП 60, Вар.-1, Т-1]				

Лексикализация

В МК языках СК могут становиться лексическими комплексами. В языке кри, в котором, как мы видели в разделе 2.7, в СК используется маркер подчинительной связи *kùù*, в определенных случаях он отсутствует, например, в (62) *sòðk tʒróòh*, по выражению авторов, «возможно, является устойчивой идиоматической единицей со значением ‘найти’». Это значение в кхмерском языке выражается лексическим комплексом *rɔ:k khə:n*, букв. ‘искать – видеть’, во вьетнамском языке – *tìm thấy*, букв. ‘искать – видеть’.

кри

(62)	<i>sòðk</i>	<i>tʒróòh</i>	<i>mleeng</i>	<i>mee</i>	<i>vèèk</i>	<i>boo</i>
	искать	встречать	человек	делать	работа	PTCL
	<i>dêêh</i>					
	NEG					
	‘(Ты) нашел человека выполнить (эту) работу?’ [Enfield, Diffloth 2009, p. 54]					

В [Enfield, Diffloth 2009, p. 54-55] рассматриваются примеры глагольных комплексов с глаголом «братъ», которые, вопреки мнению авторов, не являются сериальными конструкциями, они являются лексическими комплексами. В следующих примерах лексическими комплексами являются *book lêek* ‘вытащить’ (63), *pic lêek lôðh* ‘вытащить’ (64), *lêek lôðh* ‘вынуть’ (65), *lêek lôðh* ‘высунуть’ (66), поскольку они обозначают не последовательность действий, как СК, а характеризуют одно действие с разных сторон, как ЛК. В отличие от последовательности *qòðt qòðt tabòòn* (67), которая является СК, поскольку описывает два действия, объединенные в одно событие (“event”).

кри

(63)	<i>book</i>	<i>lêek</i>	<i>kààjh</i>	<i>qùù</i>	<i>tòðjq</i>
	вычерпывать	братъ	камень	LOC	мешок; карман
	‘Вынуть камень из кармана’ [Enfield, Diffloth 2009, p. 54]				

кри

- (64) *pic* *sithiàñ* *lêêk* *lôôh* *dêêwq* *nooj*
вытаскивать свеча брать выходить из место
'Вытащить свечу из места (где она находится)' [Enfield, Diffloth 2009, p. 54]

кри

- (65) *lêêk* *kààjh* *lôôh* *dêêwq* *vòòngh*
брать камень выходить из котелок
'Вынуть камень из котелка' [Enfield, Diffloth 2009, p. 54]

кри

- (66) *lêêk* *lôôh* *kulòk* *dêêwq* *thang* *daak*
брать выходить голова из ведро вода
'Высунуть голову из ведра с водой' [Enfield, Diffloth 2009, p. 54]

кри

- (67) *qôôm-qôôm* *phap* *tabôôn* *quù* *tôôq*
нести.в.руках книга положить LOC стол
'Принести книги на стол' [Enfield, Diffloth 2009, p. 54]

2.9. Серийные конструкции, глагольные лексические комплексы, глагольные цепочки

В изолирующих языках Азии, в частности, в МК языках до недавнего времени было принято выделять два типа комплексных единиц, представляющих собой последовательность из двух или более глаголов без маркеров синтаксической связи между ними: сложные слова и словосочетания. Многокомпонентные последовательности глаголов в отечественной традиции часто называются глагольными цепочками [Горгониев 1966, Еловков 2006]. Типологические особенности, такие, как слоговой характер и изоляция, не позволяли исследователям сформулировать четкие критерии разделения этих двух типов единиц, поскольку внешне они очень похожи.

В грамматике кхмерского языка Ю.А. Горгониева делается попытка распределить глагольные комплексы по двум типам: сложным словам и словосочетаниям. В полной мере понимая противоречивый характер подобного деления в таком языке, как кхмерский, Ю.А. Горгониев не старался дать точных определений и отмечал одни и те же свойства у единиц обеих категорий. Например, в разделе «Словосочетание» он говорит о глагольных комплексах, в которых «глаголы соединяются <...> в непрочные речевые сложные слова» [Горгониев 1966, с. 241]. В разделе «Словосложение» он

говорит о том, что «... среди глаголов широко распространены неустойчивые образования («несловарные слова»), возникающие в речи в связи с ее конкретными потребностями. В структурном отношении они напоминают сочинительные словосочетания, но по внутреннему содержанию представляют собой атрибутивную модель с инверсированным порядком компонентов: первый компонент выражает образ совершения действия, а второй – самое действие. Видимо, в данном случае мы имеем дело с промежуточным явлением, где над формальным сочинением довлеет внутренне присущая зависимость одного компонента от другого» [Горгониев 1966, с. 93].

В разделе «Словосложение» Ю.А. Горгониев рассматривает как сложные слова комплексные единицы типа *reəksa: khum krə:ŋ* ‘держать под своим началом’, букв. ‘заботиться – контролировать – управлять’; *nae bŋha:j prɔdaw* ‘наставлять на путь истинный’, букв. ‘объяснять – указывать, показывать – поучать, наставлять’ (копулятивная модель); *sdaɔ lu:* ‘услышать’, букв. ‘слушать – слышать’ (результативная модель); *caŋ mə:l* ‘смотреть в ожидании’, букв. ‘ждать – смотреть’; *bɔnɔm jə:k* ‘добывать обманным путем’, букв. ‘жульничать – брать’ (атрибутивная модель).

В разделе «Словосочетание» Ю.А. Горгониев рассматривает комплексные единицы разных типов. Во-первых, конструкции с предикатными актантами с модальными, фазисными и другими глаголами, открывающими валентность на предикатный актант. (На современном этапе исследований типов полипредикативных структур они рассматриваются как СК). Во-вторых, глагольные комплексы типа *sraek haw* ‘подзывать криком’, букв. ‘кричать – звать’, *daə dɔmrɔŋ təw* ‘направляться’, букв. ‘идти – направляться – уходить’. При этом комплексы с глаголом результата квалифицируются как сложные слова, если они не разрываются, и как словосочетания, если разрываются дополнениями, например, *daə bat* ‘уйти, исчезнуть’, букв. ‘идти – терять, исчезать’ квалифицируется как сложное слово, *daə pi: ti: kroŋ bat* ‘исчезнуть из города’, букв. ‘идти – из – место – город – терять, исчезать’ – как словосочетание. В настоящее время, когда существует научная парадигма изучения типов глагольной сериализации, подобные последовательности рассматриваются как сериальные конструкции.

Невозможность четкого разграничения типов комплексных единиц кхмерского языка послужила причиной того, что в кхмеристике стало использоваться новое понятие – лексический комплекс. Его ввел Д.И. Еловков [Еловков 2006]. По определению Д.И. Еловкова, лексические комплексы, это структурные и семантические единства особого рода. Структурные, семантические и функциональные свойства ЛК позволяют их считать единой лексической (номинативной) единицей. Когда в лингвистический обиход вошло понятие сериальной конструкции, это определение

Д.И. Еловкова позволило, как нам кажется, различать два типа единиц, внешне похожих и имеющих одинаково высокую частоту употребления в дискурсе: глагольные лексические комплексы и глагольные сериальные конструкции. Если ЛК – это номинативные единицы языка, то СК – это синтаксические конструкции. Кроме того, как мы видели на приводимых выше примерах, ЛК часто выступают как компоненты СК наряду с простыми глаголами.

В научной литературе мы сталкиваемся с тем, что один и тот же семантико-функциональный тип глагольной комплексной единицы у разных авторов квалифицируется по-разному. Например, комплекс V_1+V_2 , в котором V_2 выражает результат действия V_1 , в [Горгониев 1966, с. 97] описывается как результирующая модель сложного слова. В [Еловков 2006, с. 134] – как лексический комплекс, в [Aikhenvald 2006], как и во многих других работах по сериальным конструкциям, – как сериальная конструкция. Комплексная единица кхм. *luəc sdap* ‘подслушивать’, букв. ‘красть, делать тайком – слушать’ в [Self 2014, р. 84] квалифицируется как СК образа действия, в [Еловков 2006, с. 126] – как лексический комплекс.

В нашем исследовании мы исходим из того, что в изолирующих языках Азии СК и глагольные ЛК различаются тем, что СК, как это принято в научной литературе, обозначают последовательность действий, концептуализированных как одно событие (event). ЛК в МК языках обозначают не последовательность действий, а характеризуют одно действие с разных сторон. Сложные слова, состоящие из глагольных основ, отличаются от ЛК тем, что они создаются для выражения нового понятия, нового смысла. Поэтому в кхмерском языке *luəc sdap* ‘подслушивать’, букв. ‘красть, делать тайком – слушать’ – это ЛК; *sdap lu:* ‘слышать’, букв. ‘слушать – слышать’ – это СК; *kan jə:k* ‘придерживаться мнения’, букв. ‘держаться – брать’ – это сложное слово. Есть и другие критерии, по которым можно более или менее успешно разграничивать эти три категории комплексных единиц, однако это отдельная большая тема.

Авторы работ по СК обычно различают только две категории комплексных глагольных единиц: сериальные конструкции и сложнопроизводные глаголы “complex predicates” [Aikhenvald 2006, р. 5], “one-word serialization”, в отличие от “multi-word serialization” [Aikhenvald 2006, р. 39]. В научной литературе обычно используются примеры СК с двумя-тремя глаголами. Как правило, они даются без контекста, что часто затрудняет их понимание.

Особенностью кхмерского языка является то, что в реальной речи и в реальных текстах мы сталкиваемся с многокомпонентными глагольными сериями, которые, если и не трудны для понимания смысла, часто сложны для представления их структуры, и тем более для их порождения изучающими. Такую многокомпонентную сериализацию в изолирующих языках

Азии иногда называют глагольными цепочками. Это название используется как общее обозначение (*umbrella term*) и для многокомпонентных СК, и для многокомпонентных ЛК. Длинные глагольные цепочки Ю.А. Горгониев рассматривал как комбинации простых, как, например, в (9), (68), (69).

На самом деле, в (9) представлена усложненная структура СК «овладение ресурсом», в ней усложнению подверглись все позиции базовой структуры (см. 2.1.1). В (68) представлен усложненный вариант СК «принятие позы, изменение местоположения» (см. 2.6), в ней перед V_1 *mə:k* открыта позиция для глагола перемещения, которая заполнена не одиночным глаголом, а ЛК *daə dvmrvŋ*. В (69) представлена СК «передача ресурса» (см. 2.3) с усложнением V_4 *sliək pĕək* (цель).

кхмерский

(68) ដើរជំរុំដំបូករកវា

<i>daə</i>	<i>dvmrvŋ</i>	<i>mə:k</i>	<i>rə:k</i>	<i>viə</i>
идти	направляться	приходить	искать	3SG

‘отправиться искать его’ [Горгониев 1966, с. 242]

кхмерский

(69) យកខោអាវនោះមកឲ្យសុខាស្លៀកពាក់

<i>jə:k</i>	<i>khaə</i>	<i>ʔa:w</i>	<i>nuh</i>	<i>mə:k</i>	<i>ʔaəj</i>
брат	брюки	рубашка	тот	приходить	давать

<i>sokha:</i>	<i>sliək</i>	<i>pĕək</i>			
PN	надевать	надевать			

‘дать Сокха надеть костюм’ [Горгониев 1966, с. 243]

Приведем еще один пример многокомпонентной сериализации. В (70) представлен усложненный вариант СК «принятие позы, изменение местоположения» (раздел 2.6). В ней перед V_1 *chup* (принятие позы или изменение местоположения) открыта позиция для глагола перемещения, которая заполнена не одиночным глаголом, а ЛК *lu:n təw* ‘подползать’. V_2 *rəŋ cam tətuaəl* (действие или деятельность субъекта, находящегося в новой позе или местоположении) расщепляется на две позиции: одиночный глагол *cam* ‘ждать’ и СК *rəŋ cam tətuaəl*. ЛК *rəŋ cam*, является членом синонимического ряда “*cam*” и, по нашим наблюдениям, обычно употребляется в ситуациях долгого, томительного ожидания, хотя это и не отмечается в словарях.

кхмерский

(70) ឯរថយន្តធំមួយគ្រឿងទៀត

លួនទៅឈប់សម្ងំចាំនៅក្បែរកន្ទុយបក្សាវង់ចាំទទួលអីវ៉ាន់ធំៗ

<...>	<i>lu:n</i>	<i>təw</i>	<i>chup</i>	<i>səmɣəm</i>	
<...>	ползть	идти	остановиться	молчать	
<i>cam</i>	<i>nəw</i>	<i>kbae</i>	<i>kəntuj</i>	<i>bvksa: rəŋ</i>	
ждать	LOC	сторона	хвост	птица	ждать+
<i>cam</i>	<i>tətual</i>	<i>ʔeiva:n</i>	<i>thun</i>	<i>thjəɲ</i>	
ждать= ждать	получить	вещи	тип	тяжелый	

‘<А еще одна большая машина> медленно подъехала, остановилась у хвоста самолета, заглохла и стала терпеливо ждать, чтобы принять тяжелый груз’ [Ун Сокхиенг, с. 5]

Этот пример не из повседневной обыденной речи. Он взят из художественного произведения талантливого писателя. На этом примере мы можем еще раз убедиться, что сериальные конструкции кхмерского языка – это идеально структурированный и эффективный механизм упаковывания смысла, позволяющий точно, лаконично и изящно выражать мысли.

Выводы

Основной задачей данной статьи было рассмотреть глагольную сериализацию в МК языках в общем контексте исследований сериальных конструкций, показав как сходство, так и МК специфику данной проблематики. К специфическим свойствам СК в МК языках можно отнести случаи использования подчинительных средств в СК, создание сериальных конструкций большой степени сложности, использование лексических комплексов и сериальных конструкций в качестве компонентов сериальных конструкций.

На примере некоторых типов СК в МК языках было показано, что СК – это стандартные, повторяющиеся в речи последовательности глаголов, представляющие собой соединения (pairings) определенной формы с определенным значением. СК распределяются по нескольким функционально-семантическим типам. Каждый тип СК имеет базовую структуру, которая может усложняться за счет создания дополнительных слотов или упрощаться за счет устранения слотов. Слоты имеют фиксированную конфигурацию. Они заполняются глаголами, лексическими комплексами, сериальными конструкциями, глагольными словосочетаниями, бессоюзно-сочиненными глагольными группами. Каждый слот заполняется значимыми единицами, тех тематических классов, которые востребованы в данной позиции в СК данного типа. Они включают, например, такие

семантические компоненты, как обладание, донативность, перемещение, принятие положения, фазисность, модальность, приобретение признака и др. В некоторых типах СК возможны вариации по линии порядка следования компонентов.

Структурно-семантический анализ, предложенный в данном исследовании, позволяет решать проблему различения СК и бессоюзного сочинения в МК языках. Сочиненные без союзов предикаты не являются конструкцией в том смысле, как мы ее определили, они не являются соединениями (pairings) формы и значения, построенными по определенным моделям с ограничениями, накладываемыми на их лексемный состав, детерминированными структурно-семантическим типом конструкции.

Условные обозначения

AA	австроазиатские (языки)
асем.	асемантический (слог)
ИГ	именная группа
ЛК	лексический комплекс
МК	мон-кхмерские (языки)
ADV	адвербиальный (маркер)
ANT	предшествующее (время)
ATR	атрибутивный (маркер)
CLF	классификатор
COP	связка
DAT	датив
DET	детерминант
DP	зависимая предикация
INCL	инклюзивный
INCEPT	инцептив
INSTR	инструмент
LOC	локатив
NEG	негация
PL	множественное число
PN	имя собственное
PTCL	частица
REL	релятивизатор
RQST	просьба
SG	единственное число
TTL	титул

Источники

- Конг Пончхиен - គង់ ប៉ុនឈឿន. កេសរកូលបិសាច (Конг Пончхиен. Ирисы зла. Пномпень, 2000). — 134 с.
- НБВРС – Новый большой вьетнамско-русский словарь. В двух томах. М. 2012. Том 1 — 1276 с., том 2 — 1270 с.
- Носов – ចៅលុងក្លាយទៅជាអ្នកលេងភ្លេង. ម៉ូស្ត្រូ, ១៩៨៣. (Н.Н. Носов. Как незнайка был музыкантом. М., 1983). — 16 с.
- Толстой – អា. តុលសតិយ. កូនសោមាស ឬដំណើរផ្សំព្រេងរបស់ ប៊ូរ៉ាទីណូ. ម៉ូស្ត្រូ, ១៩៨៣. (А.Н. Толстой. Золотой ключик или приключения Буратино. М., 1983). — 131 с.
- Ун Сокхиенг – អ៊ិន សុខហ៊ាង ថ្ងៃមិនរុះរោយ (Ун Сокхиенг. День, который нельзя забыть. Пномпень, 1998). — 385 с.
- Эвпук кмек – រឿងឪពុកកេរ្តិ៍រើសកូនប្រសាវ (Сказка про то, как тесть зятя выбирал). URL: <https://km.wikipedia.org> (дата обращения 16.10.2022).
- Язык ксингмул – *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык ксингмул.* М.: Наука, 1990. — 419 с.
- Язык рук – *Материалы российской-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык рук.* М.: Восточная литература, 2001. – 606 с.
- DAK – Jenner, Philip N. *A Dictionary of Angkorian Khmer.* Canberra: Pacific Linguistics, 2009. — 778 p.
- ДРАК – Jenner Ph. N. *A Dictionary of Pre-Angkorian Khmer.* Canberra: Pacific Linguistics, 2009. — 620 p.
- Н 97 – Headley Robert K. *Cambodian-English Dictionary.* Washington: Catholic University of American Press, 1997. — 1495 p.
- IC, – *Inscriptios de Cambodge, v. I-VIII.* Hanoi/Paris: École Française D'Extrême-Orient, 1937-1966. v. 1 — 325 p., v. 2 — 235 p., v. 3 — 253 p., v. 4 — 269 p., v. 5 — 332 p., v. 6 — 337 p., v. 7 — 204 p., v. 8 — 257 p.
- RI – *Rāmakerti (XV –XVII siècles). Texte Khmer Publié par Saveros Pou.* Paris: École Française D'Extrême-Orient, 1979. — 330 p.

Литература

1. Антонян К.В. О грамматическом и словарном аспектах слова в современном китайском языке // *Проблемы общей и востоковедной*

- лингвистики. *Сочетаемость языковых единиц и языковые модели. Памяти З.М. Шаляпиной (1946-2020)*. М.: ИВ РАН, 2021. С. 142-150.
2. Горгониев Ю.А. *Грамматика кхмерского языка*. — М.: Наука, 1966. — 315 с.
 3. Еловков Д.И. *Структура кхмерского языка: фонетика, фонология, грамматика, лексика, семантика*. — СПб: Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. — 467 с.
 4. Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 607 с.
 5. Погибенко Т.Г. *Австроазиатские языки: проблемы грамматической реконструкции*. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. — 455 с.
 6. Погибенко Т.Г. Лексический комплекс в языке ма // *Вестник Института востоковедения РАН*, № 5. М., 2018а. С. 200-211.
 7. Погибенко Т.Г. Лексический комплекс в австроазиатских языках // *Труды Института востоковедения РАН. Вып.19: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография*. М.: ИВ РАН, 2018б. С. 197-211.
 8. Погибенко Т.Г. Дейктические глаголы движения в мон-кхмерских языках: семантические парадоксы // *Вестник Института Востоковедения РАН*, №3, 2018в. С. 200-209.
 9. Погибенко Т.Г. Пропадающие участники ситуации в кхмерском предложении: семантическая инкорпорация, экскорпорация, нулевая анафора // *Вестник Института востоковедения РАН*, № 1 (11). М., 2020а. С. 281-293.
 10. Погибенко Т.Г. «Видеть» и «знать» в диахронии кхмерского языка: пути семантической деривации // *Труды Института Востоковедения РАН. Вып. 29: Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Язык меняющийся: семантические и грамматические изменения в языках Азии и Африки*. М.: ИВ РАН, 2020б. С. 236-254.
 11. Погибенко Т.Г., Ефимов А.Ю. *Материалы российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык ма*. — Москва: ИВ РАН, 2020. — 504 с.
 12. Aikhenvald, Alexandra Y. Serial verb constructions in typological perspective // *Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology*. Alexandra Y. Aikhenvald and R.M.V. Dixon (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 1-68.
 13. Aikhenvald, Alexandra Y. Verb sequences and Transeurasian languages: A typological perspective // *Ambiguous Sequences in Transeurasian Languages and Beyond*. Éva Á.Csató, Lars Johanson and Birsel Karakoç (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. P. 13-29.

14. Alves, Mark J. *A Grammar of Pacoh: a Mon-Khmer Language of the Central Highlands of Vietnam*. Canberra: Australian National University, 2006. — 129 p.
15. Bisang, Walter. Grammaticalization in Chinese. A construction-based account // Gradience, Gradualness and Grammaticalization. Elizabeth C. Traugott, Graeme Trousdale (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 245-278.
16. Croft, William. *Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001. — 416 c.
17. Diller, Anthony V. N. Thai serial verb: cohesion and culture // *Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology*. Alexandra Y. Aikhenvald and Robert M.W. Dixon (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 160-177.
18. Dixon, Robert M.W. Serial verb constructions: conspectus and coda // *Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology*. Alexandra Y. Aikhenvald and Robert M.W. Dixon (eds.). Oxford: Oxford University Press 2006. P. 338-350.
19. Durie, Mark. Grammatical structures in verb serialization // *Complex Predicates*. Alex Alsina, Joan Bresnan, Peter Sells (eds.). Standard: Center for the Study of Language and Information. 1997. P. 289-354.
20. Enfield, Nick J. Cultural logic and syntactic productivity: associated posture constructions in Lao // *Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture*. Nick J. Enfield (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 231-258.
21. Enfield, Nick J., Diffloth, Gerard. Phonology and sketch grammar of Kri, a Vietic language of Laos // *Cahiers de Linguistique – Asie Orientale*, vol. 38 (1), 2009. P. 3-69.
22. Gradin, Dwight. The verb in Jeh // *Mon-Khmer Studies* 5. Manila, 1976. P. 25-42.
23. Haspelmath, Martin. The serial verb construction: comparative concept and cross-linguistic generalizations // *Language and Linguistics*, 17 (3), 2016. P. 291-319.
24. Jacob, Judith M. Some features of Modern Khmer literary style // *South-east Asian Linguistics. Essays in Honour of Eugène J. A. Henderson*. London: University of London, 1989. P. 23-41.
25. Koshy, Anish. Clitics and phrasal affixes in the Munda languages // International Seminar on Munda Linguistics, 16th-17th March 2017. Pune: Deccan College, Deemed University, 2017. P. 29-51.
26. Kruspe, Nicole. *A Grammar of Semelai*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 493 p.
27. Lee, Taegyong. *A Cross-linguistic Typology of “Take” Serial Verb Constructions*. Thesis. The University of New Mexico. 2019. — 88 p.
28. Levinson, Stephen. *Pragmatics*. Cambridge University Press, 1983. — 420 p.

29. Lord, Carol. Causative constructions in Yorùbá // *Studies in African Linguistics, Supplement 5*. 1974. P. 195-204.
30. Matthews, Stephen. On serial verb constructions in Cantonese // *Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology*. Alexandra Y. Aikhenvald and R.M.V. Dixon (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 69-87.
31. Pou, Saveros. *Études sur le Rāmakerti (XVIe-XVIIe siècles)*. Paris: Ecole Française D'Extrême Orient, 1977. — 201 p.
32. Pucilowski, Anna. *Topics in Ho Morphophonology and Morphosyntax*. (A dissertation). University of Oregon, 2013. — 262 p.
33. Sak-Humphrey, Chany. “Serial” and “completive” verbs in Khmer? // *Papers from the Third Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistics Society: SEALS III, 1993*. Arizona State University, 1995. P. 177-204.
34. Self, Stephen. Another look at serial verb constructions in Khmer // *Mon-Khmer Studies* 43.1. Mahidol University (Thailand), 2014. P. 84-102.
35. *Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology*. Alexandra Y. Aikhenvald and R.M.V. Dixon. Oxford: Oxford University Press, 2006. — 369 p.
36. Thompson, Laurence C. *A Vietnamese Reference Grammar*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987. — 367 p.

Методология изучения тамильского языкового пуризма

Анна Александровна Смирнитская

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
nyushas@gmail.com, ORCID 0000-0001-7814-8716

Аннотация. В данной работе рассматривается явление тамильского языкового пуризма и методология его изучения. Начиная с XIX в, тамильский пуризм постепенно завоевывал позиции от деятельности отдельных активистов до идеологии и языковой политики индийского штата Тамилнаду. Проведенное пилотное исследование показало устойчивость представлений о ценности, древности и красоте языка, однако пуристские тенденции в отношении заимствованных английских элементов не наблюдаются. Данная статья посвящена обсуждению методологии изучения противоречия между декларируемыми установками и реальным языковым поведением носителей тамильского языка.

Ключевые слова: тамильский язык, языковой пуризм, национализм, заимствования, отношение к языку, языковая политика

Methodology for studying Tamil language purism

Smirnitskaya Anna

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
nyushas@gmail.com, ORCID 0000-0001-7814-8716

Abstract. This paper examines the phenomenon of Tamil language purism and the methodology of its study. Since the 19th century, Tamil purism has gradually gained ground from the practice of individual activists to the ideology and language policy of the Indian state of Tamilnadu. The pilot study showed the stability of ideas about the value, antiquity and beauty of the language, however, purist tendencies regarding borrowed English elements do not persist. This article is devoted to a discussion of the methodology for studying the contradiction between the declared attitudes and the actual language behavior of Tamil speakers.

Keywords: Tamil language, language purism, nationalism, language attitude, borrowings, language policy

1. Введение

Приверженность тамильского народа своему языку – явление уникальное. Какие бы другие нации и народности ни вставали на путь посвященности языку, такая всеобъемлющая, можно даже сказать, яростная любовь к родной речи встречается достаточно редко. Не только для Индии, но и для остального мира это явление особенное. Опишем один случай. В далеком уже 1964 году, со словами *inti oṟika! tamiz vaṟka!* «Долой хинди! Да здравствует тамильский язык!» пошел на смерть молодой человек по имени Чиннасами, оставив после себя жену и маленького ребенка. После него самосожжение совершили пять молодых людей в 1965 г., еще три человека отравились, и эти ужасающие акты самоуничтожения были совершены именно в честь тамильского языка. Историк С. Рамасами в книге «Страсти по языку: приверженность языку в тамильской Индии» подробно обсуждает эти события, как и многие другие, имевшие место в течение последних двух веков тамильской истории, особенно во время расцвета движений за независимость в середине XX в (см. [Ramaswamy 1997]).

Хотя эта тема много и широко обсуждалась индийскими и англоязычными авторами, русскому читателю о ней практически ничего не известно. Краткие упоминания в сборнике «Тамильская литература» (1987) и в монографии Л.В. Бычихиной, посвященной творчеству современного писателя Пудумейпиттана, чье имя означает буквально «Одержимый новизной» [Бычихина 1993], а также несколько статей в Википедии составляют те немногие, хотя бы косвенно затрагивающее это явление материалы, которые можно найти на русском языке. В то же время существующие англоязычные работы, посвященные этой теме, такие как [Kailasapathy 1979], [Ramaswamy 1997], [Das 2008] и другие, уделяют мало внимания языковым и ценностным ее аспектам. Данная статья посвящена обзору данного явления и методологическим аспектам изучения тамильского пуризма. Рассматриваются результаты проведенной автором пилотной серии интервью с носителями языка 25-65 лет, проживающими в Москве.

2. Пуризм в языковых сообществах мира

Языковой пуризм с точки зрения лингвистики представляет собой один из вариантов стратегии языкового развития, принятый тем или иным языковым сообществом.

Как пишет Х. Шифман в посвященной этому явлению монографии, языковой пуризм «... часто связан с религиозным фундаментализмом и возвращением (или поиском) языковой аутентичности; он часто принимает

форму удаления из языка элементов (обычно лексических), которые кажутся чужеродными, испорченными или лишенными подлинной аутентичности в рассматриваемой языковой культуре» [Schiffman 1996, p. 61]. Согласно другому классическому определению, «пуризм – это проявление стремлений языкового сообщества (или его части) сохранить язык или избавиться его от кажущихся инородными элементов, а также от элементов, которые считаются нежелательными (в том числе элементов диалектов, социолектов и стилей в рамках одного языка). Он может быть направлен на все языковые уровни, но прежде всего это касается лексики. В первую очередь, пуризм – это черта языковой кодификации, разработки и планирования языкового стандарта» [Thomas 1991, p. 12].

Пуризм как таковой может возникнуть только в ситуации языкового контакта (или соотнесения языковых подсистем), когда носители осознают наличие в своем родном языке больше одного языкового пласта. При этом один из этих «пластов» воспринимается данной частью языкового сообщества как нечто «свое, родное», а другой (или другие) – как «чуждое» явление, от которого данной языковой группе, в случае пуризма, хотелось бы оградиться.

Наличие осознанности и внимательного отношения к такому «многоуровневому» устройству родного языка является обязательным условием в этом случае. Понимание ценности «своего, родного» пласта языка – тоже. Вместе с этим носители могут, опять-таки, по-разному относиться к заимствованному или чуждому им, по каким-либо причинам, «языковому элементу»: в одних языковых сообществах более благосклонно и легко, в других – непримиримо. В целом, как пишут исследователи, в разных культурах по-разному относятся к заимствованиям¹, см. [Stolz et al 2008, p. 52]. По словам авторов, в языковом сообществе мы можем наблюдать «метакоммуникативный дискурс о различных результатах контакта», который может привести к пониманию ценности преднамеренной «контактологической практики» [Stolz et al 2008, p. 153], в частности, как один из вариантов, к дифференцированию и «отсеиванию» контактных языковых явлений, то есть к языковому пуризму.

Известно множество подобного рода фактов. Например, утверждается, что пуризм свойственен носителям исландского языка, и поэтому в их

¹ Далее в данной статье мы будем говорить только о пуризме по отношению к заимствованиям, хотя проявления языкового пуризма могут относиться, как было сказано выше, и к ситуации соотнесения слоев внутри системы одного языка. В таком случае возможны разные случаи нетерпимости к языковым чертам «другой подсистемы», как например, неприятие диалектов, сленга, просторечия, нетерпимость к профессиональной жаргонной лексике и т.д.

языке очень мало заимствованных слов, ср. *tólva* «компьютер», *útlvarp* «радио» [Stolz et al 2008, p. 153]. Строгими «орфографическими пуристами» называют носителей норвежского и шведского языков, указывая, что им свойственно интегрировать в свой язык заимствования в форме, максимально близкой к их собственному произношению (см. [McLelland 2009, p. 106-108]).

Уже долгие десятилетия считается близким к вымиранию ирландский язык, но он не только не умирает, количество его носителей, наоборот, несколько растет, на что указывает Т.А. Михайлова, см. [Linguistic Forum 2021, p. 83]. Автор связывает это явление «задержанной языковой смерти» с языковым пуризмом его носителей, «которые самостоятельно оберегают свой язык как ... код «истинной» национальной идентичности» [Linguistic Forum 2021, p. 83].

При этом в языковом сообществе может не быть «законодательства или языковых институций с высокой степенью общественного признания», и тогда «трудно найти доказательства точной роли установок говорящих» [Stolz et al 2008, p. 52]. Но может и проводиться специальная языковая политика. Как пишут авторы энциклопедии “Handbook of Language contact”: «Фактически, в некоторых странах принята языковая политика и даже законодательство, обеспечивающие сохранность «чистоты» своего языка», см. [Hickey 2010, p. 178].

Любая общественная деятельность, попытки реализовать какие-то свои осознания и требования к языку, как традиционно считается, может возникать по причине инициативы, исходящей либо от государственных структур, т.е. «сверху» (такого рода деятельность по языковому планированию, нормализации и кодификации языка относят к языковой политике и изучают в рамках макросоциолингвистического подхода), либо от языкового активизма, т.е. «снизу», от деятельности малых социальных общностей и отдельных индивидуумов. Эти явления изучают в рамках микросоциолингвистического подхода (см. [Беликов 2001, с. 247-249]). В настоящей работе мы постараемся наметить пути анализа становления тамильского языкового пуризма с точки зрения деятельности, начатой языковыми активистами и перешедшей на официальный уровень языковой политики, и их ценностное восприятие обществом.

3. Зарождение тамильского языкового пуризма: активисты XIX – начала XX вв.

Ключевым историческим периодом в зарождении современного тамильского движения за языковой пуризм был XIX век. В это время появилась целая плеяда тамильских ученых и общественных деятелей,

ратовавших за возвращение к своим корням, к своему языку, очищение его, избавление от санскритизмов. Это было время пробуждения индийского национализма не только в Тамилнаду, или, как это тогда называлось, на территории «Мадраасского президентства», но и в других частях Индии, схожие движения пуризма в других индийских регионах также возникали. Однако в случае тамильского языка за этим процессом стоит особенная история.

Собственная письменная культура, отошедшая на периферию в XVII-XVIII вв., была как бы «заново открыта» в середине XIX века тамильскими исследователями и энтузиастами, и эти яркие «эмоции открытия» повлияли на тот эмоциональный подъем, который сопровождал развитие тамильского языкового пуризма в дальнейшем. Существенную роль в этом возрождении сыграли европейские миссионеры: Р. Колдуэлл (1814-1891), Дж. Поуп (1820-1908). Как считает известный американский исследователь Х. Шифман, если бы не было «открытия» культуры тамильских манускриптов в XIX веке, не было бы и «тамильского языкового пуризма» в XX и всех вытекающих из него явлений. Он пишет: «Хочется сказать, что именно это открытие сделало тамиллов столь яркими в своем почитании языка и столь страстно настроенными против санскрита и против хинди. Так, почти невозможно представить, что Мареймалай Адигаль² стал бы следовать своей клятве писать только на чистом тамильском языке, если бы не были заново открыты сокровища древних тамильских манускриптов» [Schiffman 1996, p. 194].

4. Пуризм в последующие годы

Многие активисты следующих лет ставили язык во главу угла при обсуждении социальных и национальных вопросов, волновавших в то время общество. Растущее противостояние британскому правлению, мечты о независимости, а затем дальнейшие обсуждения конкретных действий уже в отдельной независимой стране, полемика уже с общендийским правлением, всё это было связано, в их представлении, с единым национальным языком. Как писал В.М. Алпатов, «Языковая политика в отношении региональных языков обычно допускает их использование, в т.ч. официальное, в довольно широких пределах. Но при этом часто оказывается, что национальное меньшинство хочет большего – национальной независимости, при которой региональный язык превращается в

² Мареймалай Адигаль (1876–1950) – тамильский писатель, общественный активист, один из основоположников движения за языковой и культурный пуризм; сменил свое санскритское имя Vedhachalam на тамильское и посвятил многие годы жизни борьбе с санскритскими заимствованиями.

государственный» [Алпатов 2013]. Было основано «Движение за чистый тамильский язык» (*Thañit tamiz iyakkam*, Pure Tamil Movement), одной из целей которого является освобождение тамильского языка от заимствований из санскрита. С другой стороны, язык сам по себе в результате их деятельности приобрел некоторый сакральный статус, что проявилось в начавшемся во второй половине XIX в. поклонении *Tamiz Tāy*, богине-матери тамильской речи³.

В настоящее время деятельность государственных и общественных институций по развитию и сохранению тамильского языка является одной из важнейших составляющих повседневной жизни всего общества. Развивается преподавание тамильского языка в школах и университетах, финансируется изучение языка, проводятся посвященные ему конференции. Тамильский языковой пуризм стал частью языковой политики штата Тамилнаду, связанная с этим риторика пронизывает политическую и общественную жизнь. Представления, связанные с ценностью, древностью и чистотой тамильского языка, наравне с национальной принадлежностью являются основополагающими для идентичности выходцев из Тамилнада. В социальных сетях распространены никнеймы, такие как *Tamil magan* 'тамильский парень', *Tamil selvi* 'тамильская красавица' и др. Концепция *Tamiḷttāy* – провозглашение величия и древности тамильского, как языка, «данного богами», – является «одним из ключевых элементов политической программы тамильского национализма» (см. [Вечерина 2015, с. 123]).

Однако, в то же время, реальность языкового использования не настолько радужна и однозначна. Современный тамильский язык значительно более толерантен к заимствованиям, чем язык XIX века, и клятвы «говорить только на чистом тамильском языке» существенно менее распространены. В целом можно говорить о заимствованиях разного времени из санскрита, пали и праkritов (наибольшее число заимствований), из персидского и арабского языков, из хинди и маратхи; меньшее число заимствований из каннада и малайялам. Среди европейских языков источниками заимствований были португальский, голландский, французский и английский языки (см. [Языки мира 2013, с. 149]). В современном разговорном языке количество заимствований из английского языка настолько велико, что появился даже специальный термин для смешанного языка – *Tanglish*, от *Tamil* + *English*.

³ Считается, что начало обожествлению тамильской речи в образе богини-матери было положено в стихотворном прологе пятиактной драмы «Манонманьям» Сундарар Пиллеи (1855–1897).

5. Методологические проблемы изучения

В реальности современной жизни тамильский языковой пуризм проявляет себя скорее как установка, *language attitude* (в понимании [Holmes 2013]), чем как действительное языковое поведение. Проведенная автором пилотная серия интервью с носителями языка показала, что при резко отрицательном (на словах) отношении к санскритизмам они не всегда идентифицируются информантом в тексте. В то же время заимствования из английского языка воспринимаются более снисходительно. Конкретный языковой выбор, выбор лексических и других языковых единиц осуществляется под влиянием таких общих установок, но на него влияют и другие параметры. В частности, прагматическое отношение к языку как к средству достижения социальных и экономических целей и др.

Как представляется, для более внимательного изучения данного явления необходимо должны использоваться два подхода, социолингвистический и психолингвистический, и соответствующие методы. Метод социолингвистического интервью может использоваться для определения языковой биографии человека и его языковых установок (*language attitude*), в то время как реальное языковое поведение и случаи выбора конкретных единиц можно обнаружить с помощью психолингвистических методов.

6. Анкета-опросник

В серии пилотных интервью была использована социолингвистическая анкета, адаптированная из работы [Куцаева 2018, с. 37]. Анкета предъявлялась информанту на английском языке, приведем из нее некоторые вопросы:

Full name _____
Sex: male _____
female _____
Age: _____
Birth place: *village/town* *subdistrict* *district*
state _____
Place of your permanent residence now: *village/town*
subdistrict district state _____
How many years have you been living here? (from birth

arrived in _____)
Education (Which place did you study?): primary
(1-5) *elementary/middle*
(6-9) _____ *etc*

What is/was your profession/job? _____
Your native language (mother tongue) _____
Do you know any other names of your native language?

What languages/dialects do you know and how well?

How and where did you learn these languages?

What languages can your children speak well?

Дополнительная серия вопросов была посвящена отношению к языковым разновидностям (литературному и разговорному вариантам), заимствованиям и языковым ошибкам:

Attitude to language varieties: Do you speak Colloquial Tamil? Literary Tamil? How do you feel about Spoken Tamil?

Prestige of Tamil variety: Do you enjoy being spoken to in conversational Tamil? Or better Literary Tamil?

Attitude to Sanskrit loans: Do you like it when Sanskrit words are used in Tamil conversation? How do you feel about it?

Attitude to English loans: Do you like it when English words are used in Tamil conversation? How do you feel about it?

Attitude to mistakes in Tamil: Have you ever heard mistakes in Tamil speech? Would you like to correct them? Does it happen often? Have you ever had someone correct your mistakes in Tamil?

Have you heard about "Pure Tamil movement" and its work?

What languages do your children speak? Do you want them to speak, read and write pure Tamil?

В результате анализа пилотных интервью выяснилось, что:

- 1) представления о древности, красоте и чистоте тамильского языка, а также превосходстве его над другими языками, в частности санскритом, поддерживаются большинством респондентов;
- 2) речь на красивом, правильном литературном языке вызывает восхищение;
- 3) при этом обучение литературному языку есть не везде, не в каждой школе, и не всякий носитель языка умеет на нем писать и читать;

- 4) отношение к заимствованиям из санскрита резко отрицательное, отношение к английским заимствованиям более терпимое, резкого негативного отношения нет;
- 5) в качестве одной из причин такого отношения к английским заимствованиям и к владению чужим языком приводится аргумент практической значимости – хорошее владение языком становится фактором лучшей социальной и экономической позиции, а значит лучшей жизни для детей;
- 6) несмотря на то, что формально респонденты поддерживали идеи ценности и важности тамильского языка, в реальности оказывалось, что у многих дети живут в России и в странах Европы и языка совсем не знают;
- 7) в то же время, желание, чтобы дети когда-то поучили и восстановили тамильский язык в будущем, продемонстрировали все имевшие детей информанты.

Представляется необходимым для подтверждения результатов проведение серии интервью на более представительной выборке носителей. Кроме того, желательно также дополнение анкетирования психолингвистическим экспериментом, нацеленным на выявление конкретного языкового поведения в ситуации выбора заимствованного слова, а также выявление эмоционального восприятия заимствованной речи в таких случаях.

7. Выводы

Тамильский языковой пуризм представляет собой случай общественного движения, ориентированного на поддержку, сохранение и «очищение» родного языка, постепенно завоевавшего политическое влияние и формирующего сегодня официальную языковую политику. В настоящей статье был проведен обзор данного явления, его истории и современного состояния и намечены методологические основания для его анализа. Была проведена пилотная серия интервью с носителями языка 25-65 лет, проживающими в Москве, в результате которой была обнаружена значимость для носителей представления о древности, красоте и чистоте тамильского языка, его превосходстве над другими языками, и в то же время практическое оценивание английского языка как более перспективного для потомков, в результате чего в следующем поколении

функции языка зачастую не сохраняются, и владение им сужается до разговорной практики, без умения читать и писать.

Для дальнейшего изучения тамильского языкового пуризма как многогранного явления, характеризующегося как наличием языковых установок носителей, так и реалиями конкретной языковой практики, представляется необходимым использование метода психолингвистического эксперимента, направленного на оценку, в частности, ситуации выбора заимствованной единицы и отношения к этому выбору.

Литература

1. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции. // *Сравнительная политика* № 2, 2013. [электронный ресурс] URL: <http://www.lawinfo.ru/catalog/5609/6078/2/7785> (дата обращения 16.10.2022).
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. *Социоллингвистика*: Учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001. — 439 с.
3. Бычихина Л.В. Пудумейпиттан: *Одержимый Новизной в истории тамильского рассказа*. М.: Наука, 1993. — 201 с.
4. Вечерина О.П. Роль английских ученых-миссионеров XIX века в становлении академической тамилистики и формировании новой тамильской идентичности // *Становление классического зарубежного теоретического религиоведения в XIX – первой половине XX века*. Сб. материалов научной конференции с международным участием. — М.: Эдитус, 2015, С. 121-125.
5. Куцаева М.В. *Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона*. Дисс. на соиск. уч. степ. к.фил. н. М., 2018.
6. *Языки мира. Дравидийские языки* /редкол.: А.М. Дубянский и др. М.: Academia, 2013. — 577 с.
7. Das Sonia Neela. Between Convergence and Divergence. Reformatting Language Purism in the Montreal Tamil Diaspora // *Journal of Linguistic Anthropology* 2008. Vol. 18, Issue 1. P. 1-23. ISSN 1055-1360, EISSN 1548-1395.
8. Schiffman H.F. *Linguistic Culture and Language Policy*. Routledge, New York, London. 1996. — 364 p.
9. Hickey R., ed. *The Handbook of Language Contact*. Wiley-Blackwell, 2010. — 863 p.
10. Holmes, J. *An introduction to sociolinguistics*, 4th ed. London: Routledge, 2013. — 512 p.

11. Kailasapathy K. The Tamil Purist Movement A Re-Evaluation // *Social Scientist*. Vol. 7. № 10 (May 1979). P. 23–51.
12. “Linguistic Forum 2021: Language policy and language preservation”, *International conference. 11–13 November 2021. Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia: Abstracts* / Andrej A. Kibrik, Valentin Gusev, Andrey Shluinsky (eds.). Moscow: Institute of linguistics RAS, 2021. — 113 p.
13. McLelland N. Linguistic Purism, Protectionism, and Nationalism in the Germanic Languages Today // *Journal of Germanic Linguistics*. 2009, № 21.2. P. 93-112.
14. Ramaswamy S., *Passions of the Tongue: Language Devotion in Tamil India, 1891–1970* // *Studies on the History of Society and Culture*. University of California Press, 1997, № 29. — 343 p. ISBN 978-0-520-20805-6
15. Stolz T., Bakker D., Palomo R.S., ed. *Aspects of Language Contact. New Theoretical, Methodological and Empirical Findings with Special Focus on Romancisation Processes*. Mouton de Gruyter, 2008. — 485 p.

Чадская лексика, связанная с переработкой злаков (в афразийском контексте)

Ольга Валерьевна Столбова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
Stolbova.O@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7589-2854

Аннотация. Статья продолжает исследование лексики чадских языков, связанной с переработкой злаков и бобов. Эту семантическую группу образуют глаголы и производные имена. Особое внимание уделено многочисленным когнатам в генетически родственных афразийских языках. Показано, что глагольная лексика из этой семантической группы возникла еще на афразийском уровне.

Ключевые слова: чадские языки, афразийские языки, лексическая реконструкция, толочь, молоть, молотить, ступа, жернов

Vocabulary of cereals and beans processing in Chadic

Olga V. Stolbova

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
Stolbova.O@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7589-2854

Abstract. The paper continues the search of terms connected with the processing of corn and beans in Chadic languages. As follows from the data so far collected, Chadic glosses comprising this semantic field (verbs and derived nouns) have numerous cognates in other branches of the Afroasiatic family. Special attention will be paid to relevant Semitic lexical forms. We will trace the verbs under discussion as far as the Proto-Afroasiatic level.

Keywords: Chadic languages, Afro-Asiatic languages, lexical reconstruction, to pound, to grind, to thresh, mortar, pestle

Введение

Объектом настоящего исследования является семантическая группа, включающая глаголы ‘молоть’, ‘толочь’, ‘молотить’ и производные имена существительные – ‘ступа’, ‘жернов’, ‘мука’, ‘пест’. Подобная лексика очень широко представлена во всех чадских языках¹, поскольку основным

¹ Чадские (чад.), семитские (сем.), египетский, берберские (берб.), кушитские (куш.) и омотские (омот.) языки образуют афразийскую макро-семью.

занятием их носителей является обработка полей и выращивание злаковых и бобовых культур, составляющих основу рациона. Переработкой урожая занимаются женщины. Каждое утро с помощью тяжелых деревянных пестов они толкут зерно и бобы в огромных ступах. По мнению местных жителей, в одиночку эту работу выполнить невозможно. Их слова подтверждает лексика, описывающая этот процесс: *lùgùdee* ‘pounding in one mortar by three or four women’ (язык Hausa), *dan-kadum-kadum* ‘several women pounding rhythmically in rotation in the same mortar’ (язык Duwai).

На то, что переработка урожая занимала важное место в хозяйственной деятельности афразийцев, указывают многочисленные производные с семантикой ‘имя действия’ и ‘имя деятеля’ как в древнеписьменных, так и в современных языках, например: Egyptian *sý* ‘eine Tätigkeit der Müllerinnen, activity of a she-miller’, сем. Akkadian *dā’išu* ‘one who performs the threshing of barley’, Arabic *ṭahhān-* ‘meunier, miller’, *ṭahhān-at-* ‘meunière, femme qui fait aller le moulin à bras’, чад. Musgu *dif ži-geḷi wai* ‘Getreiderstampfer, a corn-pounder’ (*dif* ‘man’, *wai* ‘corn’), Hausa *má-bùgii* (n. m.) ‘one who is engaged in threshing corn’, куш. Beja (Beḍauye) *huugáana* ‘Magd, Sklavin, welcher die Arbeit des Mehlbereitens obliegt; maid, she-slave who obliges the work of flour preparation’ (*huug-* ‘mahlen’).

Еще одним свидетельством того, что переработка злаков была важным атрибутом повседневной жизни афразийцев, является описание погребальной утвари из гробницы Египетского фараона Тутанхамона. Гробница была обнаружена сто лет назад, в начале ноября 1922 г. археологом Говардом Картером, который более двадцати лет проводил раскопки в Долине Царей в Египте. Текст, описывающий сокровища, найденные в кладовой, расположенной позади усыпальницы фараона², включает следующий пассаж: «В грубо обработанном деревянном ящике мы обнаружили модель так называемой «mola trusatilis» – ступы или ручных жерновов для перетирания зерна на крупную муку. Она состоит из верхнего и нижнего камней желтого кварцита. Нижний камень вделан в деревянную подставку с желобками для муки на нижнем выступе. Сверху лежит овальный булыжник с плоским основанием, он служил для перетирания на нижнем камне зерна в муку» [Картер 2022, с. 242-243].

Важность процесса переработки урожая коррелирует в чадских языках с конкретной (очень узкой) глагольной семантикой, например: Goemai *’ées* ‘to grind something that is dry, grind on a grinding stone’, Ngizim *dār-dú* ‘to grind guinea corn slowly with water to get fine flour’ и под. При хорошем лексикографическом описании словарь любого чадского языка включает несколько релевантных глаголов. Как уже отмечалось ранее

² Далее автор предлагает «называть эту внутреннюю комнату сокровищницей» [Картер 2022, с. 219].

[Столбова 2018, с. 240], в словаре языка Hausa³ девять глаголов, описывающих разные способы переработки урожая. Такое же обилие анализируемой лексики типично и для небольших словарей, см. например: Bolewa *diiru* ‘to thresh (in a mortar)’, *bugi* ‘threshing (peanuts or guinea corn)’, *gowu* ‘to strike, thresh (on ground)’, Ngamo *ʔes-* ‘to grind into flour’, *gàbrô* ‘to grind coarsely’, *shàmpâ* ‘to pound something with shells, such as Bambara groundnuts, to remove the shell’, *dàkàtô* ‘to pound in mortar’, *sàpâ* ‘to pound to remove bran’, Mwaghavul *lùyùs* ‘to thresh acha (*Digitaria exilis*)’, *pun* ‘to thresh maize’.

Глаголы с узкой семантикой можно найти и в языках других африканских семей, например: сем. Geez *karkara*, *kāḥḥa* ‘to grind coarsely’, *śalaqa* ‘to grind fine’, *ḥadaya*, *ḥarada* ‘to grind grain, pulverize’, Jibbali *gəśor* ‘to grind coarse’, *shaq* ‘to crush, to grind fine’, *ḥōs* (*ḥms*) ‘to grind (coffee, spices)’, куш. Hadiya *waqar-* ‘to pound in mortar’, *shoshog-* ‘to grind; to remove peel’, *liit-* ‘to grind finely’, Arbore *rikha* ‘to grind to a fine powder’, Iraqw *daasl* ‘to grind into coarse particles (e.g., millet for brewing beer)’.

При таком разнообразии лексического материала, эта семантическая группа, тем не менее, никогда не была предметом специального исследования не только на африканском, но и на прасемитском уровне⁴. Возможно потому, что по формальным признакам переработка злаков не является сельскохозяйственной деятельностью. Корпус африканской сельскохозяйственной лексики [Militarev 2002] включает только два раздела: A. Corn, beans, edible plants, B. Cultivation of land. Понятно, что рассматриваемая нами лексика в этой работе не представлена. В корпусе прасемитской лексики Л.Е. Когана [Kogan 2011] можно найти только обще-семитский глагол **thn* ‘молоть’ и производное имя ‘мука’ (раздел 9.6. ‘Приготовление пищи’, подраздел 9.6.1. ‘мука’) Лексика, связанная с обработкой злаков есть в [HSED 1994], однако база данных по чадским языкам за прошедшие годы увеличилась в несколько раз и прошла этимологическую обработку. Это позволило представить значительное количество новых этимологий и скорректировать уже имеющиеся, в том числе, и за счет изменений и уточнений в системе фонетических соответствий между чадскими языками. Также удалось выявить некоторые заимствования и случайные схождения и добавить новый лексический материал к уже имеющимся этимологиям.

³ Объем словаря хауса [Bargery 1934] составляет 39 000 слов. С точки зрения лексикографического описания это один из лучших словарей на материале языков Африки.

⁴ Несколько релевантных этимологий представлены в [Столбова 2018].

В уже цитируемой работе А.Ю. Милитарев делает следующий вывод: “the Proto-Afrasians were a farming people”⁵. Как нам кажется, исследование лексики, связанной с переработкой злаков дополнит историю (сельско-)хозяйственной деятельности афразийцев.

В статье представлена чадская лексика из вышеназванной семантической группы и ее когнаты в афразийских языках. Вместе с уже опубликованными этимологиями (см. [Столбова 2018, №№ 9-19]) это на сегодня полный корпус прачадской лексики, связанной с переработкой злаков⁶.

Каждый абзац начинается с реконструированной прачадской формы под звездочкой и ее предполагаемого исходного значения. Далее приводятся формы в отдельных языках и их значения (как они даны в соответствующих источниках). Названия языков даются в латинице с заглавной буквы. Чадская лексика дается в следующем порядке: западная ветвь (зап.), центральная (центр.), восточная (вост.). Когнаты в других афразийских языках приводятся после знака // с обязательной ссылкой на источник. Список источников по чадским языкам см. в [Столбова 2020, с. 230-239].

Чадская лексика и внешние параллели

1. Чад. **diw-/*da²-* ‘**бить, толочь**’/‘**to beat, pound**’: зап. Gere *duwa* ‘to beat’, Paa *da, dii, dau* ‘to beat, to strike’, Kulere *di* ‘Getreide stampfen’, Sha *da²* ‘stampfen’; центр. Fali Kiriya *dúw* ‘to break, to pound’, Bana *dá²wà* ‘taper, battre’, Mulwi *dìwì* ‘effectuer le premier pilage’, Gizey, Masa, Ham, Marba *dùw*, Musey *dùù*, Lew *dù* ‘piler’, Azumeina *dudà* (редупликация) ‘to pound in a mortar’.

Производное имя: центр. Makari *dey* ‘pestle, beam’.

//Вост.-куш. Gedeo *da(?)*- ‘to grind’, *day-em-* ‘to be ground up’ [Hds 1989, p. 74], берб. **dw/y*: Figig *ddi* ‘piler’, Mzab *eddi* ‘fouler, battre’, Wargla *eddi* ‘piler, battre’, Ghat *edd* ‘écraser (broyer dans un mortier), piler, battre (le blé)’, Ahaggar *edd* ‘piler (broyer dans un mortier)’, Tuat *eddi* ‘écraser, piler dans un mortier’, Sened *edd* ‘piler’.

Производное имя: берб. Mzab *idi* ‘pilon’ [NZ 1999, p. 423f].

2. Чад. **dVw/y-* (< **daHVw/y-*) ‘**ударять, толочь**’/‘**to strike, pound**’: зап. Jimi *duwii* ‘to pound’, Dyarim *dàwə* ‘to pound in a mortar’, Guus *duu* ‘to pound, beat, kill’, Zaar *du, dau* ‘to beat (corn), pound’, Bade (West dialect,

⁵ [Militarev 2002, p. 135].

⁶ За рамками статьи осталось несколько фрагментарных схождений (которые не могут пока считаться полноценными этимологиями), например, вост.-чад. Dangla (East dialect) *máké* ‘piler à mortier’ и омот. Yemsa *mok’oyi* ‘mahlen (durch stampfen)’, *mok’oyo* ‘Mörser’ [LmY 1993a, p. 476]; куш. Beja *huug-* ‘mahlen, Mehl reiben’ [RBd 1985, p. 113] и центр.-чад. Buduma *hàgá* ‘piler’.

Gashua dialect) *dāyu* ‘to castrate by pounding cords of testicles’, Duwai *d̄yo* ‘to hit, strike, beat’.

Производное имя: зап. *Zul dae* ‘pestle’.

Редупликация: зап. Hausa *dāadi* ‘sharpening edge by hammering’; вост. Dangla (West dialect) *dóddě* ‘taper avec une pierre’, (East dialect) *dóodě* ‘taper, faire rentrer en tapant, clouer’.

//Сем. Geez *daḥaya, daḥaya* ‘to excavate, dig up, hollow out, grind grain’⁷ [LsG 1987, p. 130], куш. Dahalo *daḥ-* ‘to pound’ [TsD 1999, p. 131], омот. Shinasha *dī*²-, Shekko *diih-* ‘mahlen (durch Zerreiben)’ [LmSh 1993, p. 292].

Редупликация: сем. Harsusi *daḥdah* ‘to hit upon the ground’, Mehri *dḥdh* ‘to stamp on the ground (as in dancing)’ [JnM 1987, p. 67].

Производные имена: сем. Geez *madḥe* ‘upper millstone’, южно-куш. Dahalo *daḥ-antče* ‘pestle’ [TsD 1999, p. 131].

3. Чад. **dir-* ‘**МОЛОТЬ, ТОЛОЧЬ (В СТУПЕ), МОЛОТИТЬ**’/‘**to grind (in mortar), thresh**’⁸: зап. Karekare *d̄iru* ‘to pound grain’, Bolewa *d̄iru* ‘to thresh (in a mortar)’, Ngamo *dir* ‘threshing’, *d̄irā* ‘to pound in a mortar, to thresh’, Warji, Kariya, Miya *d̄ar*, Cagu *dar*, Jimbin *dira* ‘to grind’, Warji *durai* ‘grinding’, Ngizim *d̄ar-dū* ‘to grind guinea corn slowly with water to get fine flour’.

Производные глаголы: зап. Bade (Gashua dialect) *tā-d̄aru* ‘to pound corn to harden’, Ngizim *d̄ar-dū* ‘to grind guinea corn slowly with water to get fine flour’.

Производные имена: зап. Cagu *iif̄a deren* ‘grindstone’ (*iif̄a* ‘stone’), Buli *adir* ‘flour’; центр. Dzeraw *d̄ar̄èi* ‘pilon’, Peve *dray²-zu* ‘mortar’ (‘толочь зерно’ + ‘ступа’, т.е., ‘ступа, в которой толкут зерно’)⁹.

//Берб. Ghadames *idadar* ‘moulin domestique’ [NZ 1999, p. 377]. Возможно, эта изолированная словоформа в языке Ghadames является производным именем от глагола *ader* ‘presser, setter’ (см. № 3а), или чадским заимствованием. Не вполне ясно, можно ли рассматривать следующие сем. имена существительные как производные от несохранившегося глагола, т.е., как когнаты): Akkadian *adru* (OA, MA) ‘threshing floor (as a part of an agriculture estate); threshing time’ [CAD 1964, p. 129], Off Aramaic *ʿdr* ‘threshing floor’ [HJ 1955, p. 18].

3а. Чад. **dir-* ‘**РАЗДАВИТЬ**’/‘**to crush**’: центр. Buwal *ḥd̄er* ‘to crush

⁷ Нельзя исключить, что у этого глагола в языке Geez первична семантика ‘молоть, толочь’, а остальные значения возникли по контаминации с глаголом *daḥḥa* ‘hollow out, excavate’ [LsG 1987, p. 128].

⁸ Очевидно, что **dir-* ‘молоть’ и **dir-* ‘раздавить’ (см. № 3а) восходят к одному прачадскому корню.

⁹ См. центр.-чад. **zu²-* ‘ступа’ < чад. **zuh-* ‘толочь в ступе, молотить’ в [Столбова 2018, с. 239].

lightly', Mafa *ndir* 'écraser en morceaux quelque chose'.

Производный глагол с суфф. *-b-*: зап. Miya *dər-bə* 'to press down to'.

Производные глаголы с суфф. *-l'/č'*.¹⁰ 'сжимать'/'to press': зап. Hausa *dīr-tsà* 'to press, compress'; вост. Bidiya *dīr-dy* 'presser, appuyer sur'.

//Берб. Shilh *ader, adder* 'abaissier; appuyer; aplatir; masser', Wargla *ader* 'appuyer, presser', Snus, Rif *ader* 'descendre', Ghadames *ader* 'presser, serrer', Ahaggar *ader* 'presser', Awiya *ader* 'presser; masser', etc. [NZ 1999, p. 371]. По мнению автора, в нескольких берберских языках совместились ("se sont confondu") рефлексы двух омонимичных глаголов, а именно: **dr* 'presser'/'давить' и **dr* 'descendre; abaisser' /'спускаться, опускать' (> 'appuyer'/'нажимать').

4. Чад. **das-* 'бить, молотить, толочь'/'to hit, thresh, pound': зап. Geji, Zul *desi* 'to pound', Dwot *das* 'to thresh (guinea-corn)', Bocos *"dās* 'to thresh' [RC, p. 36], Bocos *"dās* 'to whip' [JgR 1970, p. 140], Daffo *dāš* 'to beat' [JgR 1970, p. 213], Daffo *ta-ndaš, daši* 'threshing' [RC, p. 13-14]; вост. Dangla (West dialect) *dàasiyè* 'piler pour la 2-me fois'.

Производные имена: зап. Daffo *gaat ti ta-ndaš*, Bocos *yali i ma-ndaš* 'flail' ('stick for threshing') [RC, p. 14].

//Сем. Akkadian *dāšu* (from OB on) 'to thresh (barley by trampling it); to trample upon, to destroy' [CAD 1959, p. 12], Hebrew, Aramaic, Syriac *dāš* (*dws*), Mandaic *dūš* 'to trample, to thrash' [LsG 1987, p. 145], Arabic *dws* 'fouler le sol avec les pieds; égruger les céréales sur l'aire' [BK 1860, v. I, p. 750], Jibbali, Mehri *dws* 'to trample on' (форма помечена в словаре как арабизм) [JnJ 1981, p. 43]. См. сем. **dy/wš* 'to trample' и зап.-чад. Geji *desi*, Daffo *dāš* в [HSED 1994, №674].

Производные имена: Сем. Akkadian *dā'išu* (OB) 'one who performs the threshing of barley' [CAD 1959, p. 27], Hebrew *daviš* 'Dreschzeit' [KB 1958, p. 209].

5. Центр.-чад. **gVḵ-* 'бить, толочь, молотить'/'to beat, pound, thresh': Mina *gəḷ* 'to thresh (sorghum)', Buwal *gəḷ* 'to beat, thresh', Zulgo *gəḷ* 'battre, piler', Cuvok *mé-gəḷḷəy* 'piler', Munjuk *giḷi* 'battre (céréales), battage', Musgu *gélga* 'to beat, pound'.

Производные глаголы с префиксом *n-*: центр. Podoko *ḡgəḷga* 'to break, shatter', Ouldem *ḡgəḷgəy* 'cogner'.

Производное имя: центр. Musgu *dif ži-gēḷi wai* 'Getreidestampfer, a corn-pounder' (*dif* 'man', *wai* 'corn').

//Сем. Arabic *gšš* 'briser, casser; broyer (en gros morceaux); frapper', IV-stem 'briser, casser; broyer gros, moule gros', *gašš-* 'cassé, broyé, moulu gros' [BK 1860, v. I, p. 295], вост.-куш. Somali *gaššiišo* '(maize) flour'

¹⁰ В языках Hausa и Bidiya совпали рефлексы пращадских эмфатических аффрикат – латеральной (**l'*) и палатальной (**č'*).

(арабское заимствование: Arabic *gašīš*- ‘размолотое’ > Somali *gašiišo* ‘мука’) [LIS 1987, p. 218].

Производное имя: сем. Arabic *migašš*- ‘moulin à bras’ [BK 1860, v. I, p. 295].

6. Чад. **hV(wV)n*-> *hon*- ‘молоть’/‘to grind’: зап. Dott *hoon* ‘grinding’; центр. Mada *óhndòcò* ‘être écrasé, s’écraser (paille, animal, fruit)’.

Производное имя: зап. Bokos *han* ‘flour’.

Производные имена с суфф. *-k-*: зап. Ngamo *àn-kò*, *han-kò* ‘pestle’; центр. Bura *han-ku* ‘upper grinding stone’.

//Сем. Off Aramaic *hwn* ‘a mortar; pestle and mortar’. Как указано в [HJ 1955, p. 277], это иранское заимствование. См. также Arabic *hāwān*- ‘mortier à piler’ [BK 1860, v. II, p. 1461].

7. Чад. **hawVs*- ‘молоть, крошить’/‘to grind, crumble’: зап. (группа боле) Bolewa *òssu* ‘to grind’; центр. Mafa *hus*- ‘écraser, effriter (dans la main)’, Mulwi *húsi* ‘réduire en poudre’.

Производные имена: зап. Goemai *háas*, Dera *áší* ‘flour’; центр. Mada *ahas* ‘poudre rouge végétale’; вост. Mokilko *àssá* ‘meule (l’ensemble: meule dormante et pierre à écraser)’.

//Sem Arabic *hāsa* (*hws*) ‘concasser, briser’, Tigre *hawššəš gäʔa* ‘casser en morceaux’ [DRS 1970, p. 392].

См. также корневой вариант с другим полугласным в позиции C₂¹¹:

7а. Зап.-чад. **[h]VyVs*- ‘молоть’/‘to grind’: (группа нгас) Mwaghavul *dyees* ‘to grind’, Goemai *ʔees* ‘to grind something that is dry, to grind on a grinding stone’, Murun *díés*, Miship *ʔées*, Montol *ees* ‘to grind’, (группа боле) Karekare *ʔàsu* ‘to grind’, Glambu *yàsà-mí*, Geruma *ès-*, Мака *ʔèsò* ‘to grind’, Ngamo *ʔes-* ‘to grind into flour’.

Производное имя: зап. (группа нгас) **hVyVs* ‘пест’/‘pestle’: Mwaghavul *dýèès*, Murun *dýès*, Goemai *hèès*.

В [HSED 1994, №1186] представлены только арабский глагол и параллели из зап.-чад. языков группы нгас (глагол ‘молоть’).

8. Чад. **hVyʔ-* ‘молоть’/‘to grind’: зап. Kupto *yèu* ‘grinding’; центр. Bana *xó* ‘écraser (mil)’, Wandala *ha haya* ‘to grind’, *hahəya* ‘to grind millet’, Hdi *huʔay* ‘to crush, bite’, *xuʔa* ‘to grind’, Malgwa *ha* ‘mahlen’, Muyang *éhi* ‘to crush, grind’, Mada *éhye* ‘écraser, moudre’; Moloko *haya* ‘to grind’, Chuvok *mé-héyèyè* ‘écraser’, Baka *háya* ‘écraser’, Gisiga *heʔe* ‘mahlen’, Logone *xa-wun* ‘to crush, grind’; вост. Tobanga *yò* ‘piler’, Lele *hāi* ‘piétiner’, Mawa *aya-ŋ* ‘écraser le mil; moudre’, Migama *ʔáyáw* ‘écraser, moudre’.

Производное имя: центр. Logone *haw* ‘meule à broyer’.

¹¹ Отметим, что в языке Goemai сохранились рефлексy обоих корневых вариантов.

//Egyptian *ḥwy* (Pyr) ‘schlagen’, *ḥwy* (AR, MR) ‘dreschen (vom Dreschen des Getreides durch das Vieh)’ [EG 1971, p. 46f, EG 1950, p. 36].

9. Чад. **h/hVd-* ‘молоть’/‘to grind’: центр. Lamang *həda* ‘to grind’; вост. Ndam *yuda* ‘moudre’.

Производное имя: центр. Mafa *hádá-k* ‘aire de bataille’.

Производный глагол с префиксом *n-*: вост. **n-HVd-* > **η/nyVVd-* ‘to grind, to crush’: Dangla (West dialect) *nyéédě* ‘écraser un grain déjà légèrement grillé’, (East dialect) *ηéédě* ‘écraser sur la pierre, faire de la pâte’, Bidiya *ηeed* ‘remoudre’; Mokilko *nyídá* ‘écraser, moudre, broyer’.

//Сем. Geez *ḥadaya*, *hadaya* to grind grain, pulverize’. По мнению В. Леслау¹², это метатеза по отношению к *daḥaya* (см. выше пример № 2), Amharic *ahedä* ‘молотить (зерно с помощью быков)’ [Гнк 1967, с. 40].

Производное имя: сем. Amharic *ahido* ‘ток (где молотят зерно с помощью быков)’ [Гнк 1967, с. 47].

10. Чад. **kVr-* ‘молоть (грубо)’/‘to grind coarsely’: зап. Galambu *kir* ‘to grind’, Zaar *kar* ‘to grind coarsely’; центр. Mofu *-kər-* ‘moudre (mil), écraser’.

Частичная редупликация: **kV-kVr-/kVr-k-* ‘растирать’/‘to rub’¹³: центр. Bura *ki-kira* ‘to rub’, Masa *kòr* ‘frotter’; вост. Kajakse *korkà* ‘frotter’.

Производный глагол с суфф. *-d-*: **kVr-d-* ‘молоть (тонко)’/‘to grind small, fine’: центр. Podoko *kərədä*, Glavda *kárd* ‘to grind’, Mada *ákràd* ‘piler, écraser (tabac, piment)’, *kréd kréd* ‘moulu fin’, Zulgo *kàràd* ‘broyer, réduire en poudre’, Mafa *kard-* ‘moudre finement, écraser’. См. также Moloko *kərday* ‘to chew’.

Производный глагол с суфф. *-b-*: ‘толочь в ступе’/‘to pound something moist in a mortar’: зап. Hausa *kirbà* ‘to pound something moist in a mortar’; Bolewa *kirbu* ‘to pound green or wet substance in mortar’ (заимствование из Hausa).

Производный глагол с суфф. *-p-*: **kVr-p-* ‘раздавить, толочь’/‘to crush, pound’: центр. Buwal *krap* ‘to press down’, Ouldem *kàrpèṅ* ‘écraser’, Mofu *-kàrp-* ‘écraser’, Mulwi *kirpi* ‘écraser, piétiner’, Masa *kràp* ‘écraser’; вост. Dangla (East dialect) *kàrpè* ‘to trample’, (West dialect) *kàrpè* ‘piler quelque chose déjà imbibé, to pound something moistened’.

См. также: вост. Dangla (West dialect) *kîrçè* ‘écraser quelque chose’, (East dialect) *kîrîçè* ‘écraser, broyer (quelque chose qui contient un liquide)’.

Производное имя: зап. **kir-* ‘ступа’/‘mortar’: Galambu *kir*, Guruntum *kir-na*, Mangas *kir-ij*.

//Сем. Geez *karkara* ‘to grind coarsely’, Arabic *karkara* ‘to cut in big

¹² [LSG 1987, p. 226].

¹³ См. ниже такое же совмещение семантики ‘толочь’ и ‘растереть зерно’ в омот. языке Kafa.

pieces, grind'¹⁴, Tigre *kārkāra* 'to grind coarsely', Tigrinya *kārkārā*, Amharic *kārākkārā*, Gurage *kārākā*, куш. Saho *karkar* 'to grind' (форма помечена в словаре как заимствование из эфиосемитских языков) [LSG 1987, p. 291], омот. Kafa *ikar* 'mahlen, reiben das Korn' [RKf 1888, p. 257].

Производное имя: сем. Geez *makakər* 'that which grinds (jaw, teeth)' [LSG 1987, p. 29].

11. Чад. **sVm-* 'молоть, молотить зерно'/'to grind, thresh corn': зап. Goemai *s'əm* 'to grind something that is moist into a fine powder or paste (groundnuts, soaked grains); grind on a grinding stone', Mwaghavul *som* 'to thresh corn, maize', Duwai *səsəmo* 'to thresh grain from chaff in a mortar', Bokus *susom* 'to thresh'.

Редупликация: зап. Hausa *sānsāamaa* (< **sam-sam-*, ассимиляция) 'lightly beat a washed garment; thresh corn'.

Производное имя: центр. Masa *hidi sūmda* 'grinding stone' (*hidīdā* 'stone').

//Сем. Amharic *šāmāššāmā* 'молоть, перемалывать, толочь' [Гнк 1967, с. 251].

12. Чад. **sir-* 'молоть, толочь'/'to grind, to thresh': центр. Higi Baza *sésira* 'to thresh', Mulwi *síri* 'écraser, moudre', Musgu *sir, sara* 'to pound in a mortar', Mbara *sér* 'écraser', Munjuk *siri* 'piler, écraser'; вост. Mokilko *sírè* 'battre de mil'.

Производные имена: центр. Makari *sirio* 'mortar'; вост. Mokilko *sará* 'battage de mil'.

Производный глагол: **si/ur-p-*: 'толочь, чтобы удалить шелуху'/'to pound to remove bran': зап. Hausa *súrfá* 'to pound moistened grain to remove bran', Warji *saravu-na* 'threshing'; центр. Logone *sirpu, sərbə* 'to pound in a mortar', Kuseri *sirpi* 'to husk (corn)', Munjuk *sirpi* 'décortiquer (riz, mil)'; вост. Tobanga *súribé* 'piler'.

//Egyptian *sý* (AR, D. 18) 'die Tätigkeit der Müllerinnen'/'activity of a she-miller' [EG 1971a, p. 16], *sý* (AR, D. 18) 'mahlen, to grind' [EG 1950, p. 101].

В [HSED 1994, 2222] сопоставляются: Egyptian *sý* и центр.-чад. Musgu *sir, sara*, Mbara *sér* (см. выше).

13. Чад. **taḵ(w)-* 'толочь, раздавливать'/'to crush, pound (something fresh)': зап. Karekare *tàkàʔyu* 'to pound something wet and soft'; центр. Makari *taku* 'to crush (something fresh)'.

Производный глагол: зап. Ngizim *tàk^w-sú* 'to pound soft thing in mortar to make soupy'.

¹⁴ Заметим, что в используемых нами словарях дается несколько иная семантика: Arabic *krkr* 'casser en gros morceaux' [BK II 1860, p. 888], Amharic *kārākkārā* 'надрезать, перетирать (веревку)' [Гнк 1967, с. 559].

//Сем. Geez *taqawa* ‘to beat, pound’ [LsG 1987, p. 596], Harsusi *teḵ* ‘to knock, to grind’, Jibbali *teḵḵ* ‘to knock, bang, pound, smash rocks’, *eṭḵeḵ* ‘to pound, to powder; to make pound’ [JnJ 1981, p. 276].

Производные имена: сем. Jibbali *mutṭək* ‘pestle, mortar; chewing motion on something sweet in the mouth’, *ṭikiḵ* ‘fine flour’.

14. Чад. **tas-* ‘**бить, толочь (чтобы удалить оболочку)**’/‘**to beat, pound**’: зап. Hausa *tátàs* ‘the sound of repeated slapping’; центр. Gude (ideophone) *tás* ‘hitting lightly’, Ngwahi *tasə* ‘to hit’, Bura *tasa* ‘to pound corn to break outer shell’, Podoko *tasá* ‘to pound to take off outer shell’, Muyang *átàsāy* ‘to hit with a tool’.

//Сем. Arabic *wṭs* ‘frapper avec force le sol avec le pied ou avec autre chose, briser, casser, écraser’ [BK 1860, v. II, p. 1562], Amharic *tāsāttāsā* ‘to beat, thrash’ [LsG 1987, p. 598].

Чадская лексика без внешних параллелей

15. Чад. **hVp-* – ‘**раздавить, толочь**’/‘**to pound, smash**’: зап. Kupto *ʔuféy* ‘to stamp, to pound’; центр. Azumeina *hápá* ‘to smash’, Musey *háp* ‘écraser’; вост. Kera *épe* ‘piler le mil’.

Производное имя: **ʔa-hVp-* ‘мука’/‘flour’: зап. Ngamo *hàp-tà*, Karekare *àp-ti*, Zaar *yàp-ti*, Geji *ap-ti*; центр. Gude *ətpú-nə* (замещающая префиксация¹⁵), Bata *hʷipi*, Cuvan *ahpʷe*, Sharwa *pwə*, Jimj *pw-ən*, Hdi *hupu*, Lamang *hupo* Galvda *ʔàxùpiya*, Nakatsa *haxpiya* (замещающая редупликация), Mofu *hapa*, Gisiga *hapa*. См. также центр. Azumeina *hapa* ‘porridge’.

16. Чад. **k/kVḵ-* ‘**ломать, толочь**’/‘**to break, to pound**’: зап. Hausa *kùl* ‘the sound of a pestle, knocking against the mortar in pounding’, *kùlkùlaa* ‘to pound a small quantity’¹⁶; центр. Malgwa *káḷa* ‘zerbrechen, to break in pieces’, Wandala *kəḷ-a*, Daba *kəḷ* ‘piler, taper, battre le mil’, Mafa *kəḷ-* ‘battre (mil)’. Возможно, когнатом чадского корня является омот. Yemsa *keḷ-* ‘mahlen (durch Stampfen)’ [LmY 1993a, p. 476]¹⁷.

Производный глагол с суффиксом *-b-*: зап. Kupto *kilbéy* ‘to pound (uams, medicine)’.

Производное имя: вост. Tumak *kəḷ*, Ndam *kəli* ‘pilon’ (< Ch **kVl-*/**kVḵ-*).

¹⁵ О замещении начального ларингала в чадских языках см. [Столбова 2019].

¹⁶ По мнению автора словаря [Bargery 1934, p. 635], это звукоподражание (‘an onomatopoeic word’).

¹⁷ Регулярные соответствия между омотскими и чадскими языками пока не установлены, кроме того, в омотских языках нет латеральных фрикативных фонем. Поэтому наше предположение чисто гипотетическое.

17. Чад. **žur-* ‘толочь’/‘to pound’: зап. Bade (West dialect) *žùr-tu* ‘to pound corn a second time after removing bran’; центр. Bura *zura* ‘to pound moistened guinea-corn’, Podoko *žàrəh^ha* ‘to pound in a mortar’.

Производный глагол с суфф. *-d-*: вост. Mubi *žàràdè* ‘moudre (une deuxième fois)’.

Производное имя: центр. *(*n*)*žVr-* ‘mortar’: Bura *nžir* ‘grain mortar’, Lamang *žàrò* ‘wooden mortar’, Glavda *žàra*, Guduf *žəɾɔ̀*, Ngweshe *žəró*, Malgwa *žəra*, Podoko *žàra*, Daba *nžēr*, Mada *ažŕá*, Zulgo *žəra* ‘mortar’, Lamang *žàdáa žàrò* ‘pestle’ (*žàdè* ‘stick’), Wandala *egze a žəra* ‘pilon’.

Займствования

Основной костяк всех приведенных выше чадских этимологий составляют глаголы, от которых образуются имена существительные. Поэтому разумно предположить, что плохо засвидетельствованная именная лексика неглагольного происхождения – это, скорее всего, займствования.

Берберскими займствованиями являются фрагментарно представленные в чадских языках термины для ‘ступы’: центр. Mbara *dìnà̀y*, Munjuk *adini*; вост. Dangla (East dialect) *īdīnā*, Mubi *idínó*. Ср. следующие берберские словоформы: Wargla *tidni* ‘mortier de grande taille ordinairement creusé dans un tronc de palmier ou d’un autre arbre, servant aux pilages grossiers’, Tuat *tidni* ‘grand mortier en bois’, Sened, Nefusa, Awjila *tidni* ‘mortier à piler’, Ghadames *tadent* ‘gros mortier de bois d’origine soudanaise’ [NZ 1999, p. 350f]. Разнообразие семантики в берберских языках, с одной стороны, и нестандартная структура словоформы в чадских языках¹⁸, с другой, не оставляют сомнений в том, что чадские формы заимствованы из берберских языков.

Очевидно, что следующие имена: центр. Makari *tauna* ‘mill, moulin’, Dzeraw *tàwúnā* ‘moulin’ – это арабизмы, ср. Arabic *tāhūn-* ‘meule, moulin’. Заметим, что имя с такой семантикой (‘мельница’) ни разу не было представлено в приведенных выше чадских этимологиях.

Из арабского *tāhin-at-* ‘dent molaire’ заимствованы следующие чадские формы: зап. (группа варджи) Warji *təyn-ai*, Kariya *tin*, Paá *ndini*, Cagu *diine*, Jimbin *diina*, Mburku *tiino* ‘tooth’. Особенности заимствований в чадских языках являются тождество семантики и локальный характер – рефлексии во всех или в большинстве языков только одной группы (как в нашем случае)¹⁹.

¹⁸ Начальный гласный нетипичен для первичных (непроизводных) имен.

¹⁹ В [HSED 1994, № 245б] арабская и чадские формы рассматривались как когнаты.

Оба арабских имени (*tāḥūn*- ‘мельница, жернов’ и *tāḥin-at-* ‘зуб’) это производные от арабского глагола *ṭhn* < сем. **ṭhn* ‘to grind’ (Akkadian *tēnu*, Hebrew, Ugaritic *ṭhn*, Geez *ṭahana*, Jibbali *ṭahan*, и т.д., см. [LsG 1987, p. 590]). Там же приведены кушитские заимствования из эфиосемитских языков: Bilin *tāʿan-*, Saho *ḍahan*, Qwara *ṭaxan* ‘to grind flour’.

Некоторые выводы

Проанализированный материал позволяет утверждать, что глагольная лексика, связанная с переработкой злаков, восходит к афразийскому уровню. Существенно также, что производные имена, по-видимому, появились уже на уровне отдельных языковых семей, с использованием разных моделей (например, в чадских языках – с помощью словосложения).

Очевидно, что лексика, описывающая переработку злаков (в основном – зерна) возникла в результате изменения семантики экспрессивных глаголов: ‘бить’, ‘колотить’, ‘топтать’, ‘раздавливать’, ‘крошить’. Новое и старое значения очень часто совмещаются в одном языке, причем в разных сочетаниях, например, ‘бить, толочь’, ‘бить, молотить’, ‘раздавливать, молоть’, ‘топтать, молотить’ и т.д. Поэтому резонно предположить, что какие-то из этих значений совмещались и на пращадском уровне (в нашем корпусе об этом свидетельствуют примеры №№ 1, 2-5, 13, 14, 16).

Проследить изменение семантики можно только у древнеписьменных языков, например: Egyptian *ḥwy* (Pyр) ‘schlagen’/‘бить’ > Egyptian (AR, MR) ‘dreschen’/‘молотить’.

Среди семитских языков релевантная лексика лучше представлена в аккадском, эфиосемитских и южноаравийских языках. В арабском языке семантический сдвиг ‘бить, ломать’ > ‘молоть’ иногда наблюдается только в производных породах и именах, например: Arabic *gṣṣ* ‘ломать, дробить (на большие куски), бить’, IV-stem ‘ломать, разбивать, дробить на большие куски, грубо молоть’, производное имя: *migaṣṣ-* ‘ручная мельница’.

От всех глаголов этой группы образуются производные имена (‘ступа’, ‘жернов’, ‘мука’ ‘пест’). Богатая деривация также свидетельствует о важности процесса переработки злаков для повседневной жизни. В чадских языках есть и непроизводные имена с той же семантикой, но чаще всего это заимствования.

Для того чтобы довести все приведенные сближения до уровня полноценных афразийских этимологий, нужны усилия компаративистов, работающих с лексикой других афразийских семей. Хочется надеяться, что представленный в статье материал и полученные выводы помогут в их работе.

Условные обозначения лингвистических периодов

Акадский язык	Арамейский язык	Египетский язык
МА – средне-ассирийский	Off – официальный	AR – Древнее царство
ОА – старо-аккадский	арамейский	MR – Среднее царство
ОВ – старо-вавилонский		D. 20 – 20-я династия
		Руг – «Тексты пирамид»

Источники

- Гнк – Ганкин Э.Б. *Амхарско-русский словарь*. М.: Советская Энциклопедия, 1969. — 968 с.
- CAD – Gelb, Ignace J., Landsberger Benno, Oppenheim A. Leo, and Reiner Erika eds., *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Glückstadt: J. J. Augustin. V. I, 1964. — 392 p., v. III, 1959. — 203 p.
- DRS – Cohen, David. *Dictionnaire des racines semitiques*. Paris: Mouton. 1970. Fascicule 1, 1970. — 73 p., fascicule 2, 1970. — 86 p.
- EG – Erman, Adolf, Grapow, Hermann. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Berlin: Akademie. Bd. III, 1971. — 489 p., Bd. IV, 1971a. — 569 p., Bd. VI, 1950. — 255 p.
- Hds – Hudson, Grover. *Highland East Cushitic Dictionary*. Hamburg: Buske, 1989. — 424 p.
- HJ – Hoftijzer, Jacob, Jongeling, Karel. *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions*. Leiden-New-York-Köln: Brill, 1995. — 1266 p.
- HSED – Orel, Vladimir, Stolbova, Olga. *Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a Reconstruction*. Leiden-New-York-Köln: Brill, 1994. — 578 p.
- JgR – Jungraithmayr, Herrmann. *Die Ron-Sprachen*. Glückstadt: J. J. Augustin, 1970. — 429 p.
- JnJ – Johnstone, Thomas M. *Jibbali Lexicon*. London: Oxford University Press, 1981. — 364 p.
- JnM – Johnstone, Thomas M. *Mehri Lexicon*. London: Oxford University Press, 1987. — 676 p.
- KB – Köhler, Ludwig, Baumgartner Walter. *Wörterbuch zum hebräischen alten Testament*. Bd I. Leiden: Brill, 1958. — 1138 p.

- LIS – Luling, Virginia. *Somali-English Dictionary*. Wheaton: Dunwoody, 1987. — 605 p.
- LmSh – Lamberti, Marcello. *Die Shinasha-Sprache*. Heidelberg: C. Winter, 1993. — 342 p.
- LmY – Lamberti, Marcello. *Materialen zum Yemsa*. Heidelberg: C. Winter, 1993a. — 490 p.
- LsG – Leslau, Wolf. *Comparative Dictionary of Ge'ez*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1987. — 813 p.
- NZ – Naït-Zerrad, Kamal. *Dictionnaire des racines berbères*. Paris-Louvain: Peters, v. II, 1999. — 270 p.
- RKf – Reinisch, Leo. *Wörterbuch der Kafa-Sprache*. Wien: Hölder, 1888. — 326 p.
- RbD – Reinisch, Leo. *Wörterbuch der Beɗaɗɗe-Sprache*. Wien: Hölder, 1895. — 372 p.
- RC – Blench, Roger. *Comparative Ron Wordlist*. [электронный ресурс] URL: <https://www.rogerblench.info/Language/Afroasiatic/Chadic/West/Ron/Ron%20opening%20page.htm> (дата обращения 16.10.2022).
- TsD – Tosco, Mauro. *A Grammatical Sketch of Dahalo*. Cushitic Language Studies 8. Hamburg: Buske, 1999. — 194 p.

Литература

1. Картер, Говард. *Тутанхамон. Гробница фараона*. М.: Родина, 2022. — 319 с.
2. Столбова О.В. Сельскохозяйственная лексика в чадских языках (реконструкция и внешние параллели) // *Вестник ИВ РАН*. 2018. № 5. С. 235-241.
3. Столбова О.В. *Лексическая база данных по чадским языкам. Выпуск VI. Chadic Lexical Database. Issue VI*. 2020. [электронный ресурс] URL: <https://book.ivran.ru/book?id=5106&from=1129> (дата обращения 16.10.2022).
4. Столбова О.В. Некоторые дополнения к ‘бинарной теории редупликации (‘Замещающая’ редупликация в чадских языках и в Аккадском) // *Вестник ИВ РАН*. 2019. № 2. С. 268-275.
5. Bargery, George P. *A Hausa-English Dictionary*. London: Oxford University Press, 1934. — 1226 p.

6. Kogan, Leonid. Proto-Semitic Lexicon // Stefan Weiniger, ed., *The Semitic Languages. An International Handbook*. Berlin: De Gruyter, 2011. P. 179-258.
7. Militarev, Alekander. The Prehistory of a Dispersal: the Proto-Afrasian (Afroasiatic) Farming Lexicon // Peter Bellwood and Colin Renfrew, eds., *Examining the Farming/Language Dispersal Hypothesis*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2002. P. 135-150.

Сериальные глагольные конструкции и их место в турецком языке¹ (перевод с турецкого и глоссирование примеров Кадыровой О.М.²)

Хирик Эркан

Университет Невшехир Хаджи Бекташ Вели, Турция,
erkanhirik@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6978-8981

Аннотация. Языки призваны выражать различные явления, понятия и события посредством взаимодействия своих составляющих, подобно работе механизма. Иными словами, язык передает смыслы, координируя друг с другом элементы своей структуры, создает различные комбинации звуков, морфем, лексических единиц, синтаксических конструкций. Одним из примеров таких сложных комбинаций, образовавшихся на уровне грамматики, стали сериальные глагольные конструкции. Сериальные глагольные конструкции – это конструкции, в которых последовательность из двух и более глаголов или один глагол описывают одно событие. Ключевым моментом является то, что сериальная конструкция может состоять из двух и более глаголов, которые именно в данном сочетании передают значение «одного события». В ранних исследованиях XIX века преобладал интерес к сериальным конструкциям африканских языков, но со временем стало ясно, что данное явление присутствует во многих языках мира. На данный момент есть работы по сериальным конструкциям в тюркских языках. Данное исследование проведено с опорой на работы предшественников и нацелено на рассмотрение турецких сериальных конструкций как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте, а также на выявление особенностей этого явления в турецком языке.

Ключевые слова: турецкий язык, сериализация глаголов, сериальные глагольные конструкции, синтаксис

¹ Hirik, Erkan. Seri Fiil Yapıları ve Türkçe // Karadeniz Araştırmaları. XVI/61. 2019. P. 120-141.

² Кадырова Ольга Михайловна, Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия, omkadyrova@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1157-9439 // Kadyrova Olga Mikhailovna, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia, omkadyrova@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1157-9439.

Serial verb constructions and Turkish
(translation from Turkish and glossing by O.M. Kadyrova)

Hirik, Erkan

Neveehir Haji Bektash Veli University, Turkey,
erkanhirik@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6978-8981

Abstract. Languages act as a mechanism of the relations of the internal elements that build them up, and express their existence, concepts, or movements. In other words, phonetics, morphology, lexicology, and syntax move in a coordinated manner with the various associations in order to provide meaning. One of the structures that emerged as a result of the collaboration of grammatical categories is the serial verb structure (SVC). Serial verb structures refer to actual structures in which more than one verb come together or a single verb, thus implying a single event with a single view, including multiple movements marking a single event with a holistic look. Moreover, is important to mark a single event with a syntactic combination of at least two verbs. Studies made in the 19th century frequently claimed the serial verb structures existed in specific African languages, however studies on many other languages/language families were done as well. With this in mind, a number of studies in Turkish about serial verb structures have been put forth. This study both synchronically and diachronically examines the structure of SVCs in Turkish based the opinions from aforementioned studies, as well as aims to determine their characteristics.

Keywords: Turkish, verb serialization, serial verb structures, syntax

Слово переводчика

Сериальные глагольные конструкции – одно из сложнейших и спорных явлений языка. В XIX веке исследователи африканских языков [Riis 1853; Christaller 1875; Zimmermann 1858] обратили внимание на синтаксически неделимые последовательности глаголов, которые описывают только одно событие, несмотря на употребление двух или более лексем. Со временем стало известно, что подобные конструкции есть и в других языках мира [Dempwolf 1939; Schuchardt 1914; Balmer 1929] и др. Однако особенности сериальных глагольных конструкций в разных языках привели к формированию различных представлений об этом явлении. В частности, в [Riis 1853, p. 51; Aikhenvald 2018, p. 1] говорится о том, что данные глагольные последовательности не содержат маркеров связи, но в тюркологических исследованиях [Aydemir 2010, p. 64; Grashchenkov, Markman 2011; Hirik 2019, p. 898] к таковым относят конструкции с аффиксами деепричастий. Доктор Эркан Хирик, научный сотрудник университета Невшехир Хаджи Бекташ Вели в Турции, в 2019 г. опубликовал труд,

посвященный всестороннему анализу понятия «сериальные глагольные конструкции» (СГК). Автор вдумчиво изучает определения и примеры, данные другими лингвистами, выявляет точки, в которых они соприкасаются и в результате дает определение, релевантное для межязыковых исследований, после чего приступает к детальному рассмотрению конструкции, которые (не) могли бы быть включены в класс СГК в тюркских языках, преимущественно в турецком. Наше решение опубликовать перевод работы Э. Хирика связано с желанием донести до русскоязычного читателя содержание этого значимого, на наш взгляд, труда. Тем более что, хотя исследования СГК в тюркских языках и представлены в русскоязычной и англоязычной научной литературе, эти конструкции все еще недостаточно проанализированы именно в турецком языке. Выражаем надежду, что работа Хирика заполнит эту лауну и вдохновит типологов на дальнейшие исследования.

Перевод сделан дословный, с добавлением глоссирования примеров, их перевода и некоторых уточняющих ссылок. При этом следует отметить, что во всей работе автор использует слово *Türkçe*, подразумевая не только турецкий, но и любой тюркский язык, в том числе древний. Поскольку тюркские языки не только имеют много общих черт, но и хорошо понимаемы без перевода, в турецкой научной литературе часто можно встретить отношение к тюркоязычному миру как к общему языковому пространству. Данная работа – пример такого подхода к СГК.

Введение

Язык призван выражать явные и скрытые действия разнообразных конкретных и абстрактных предметов. Поэтому каждый язык вырабатывает свои внутренние механизмы выражения. Единственным элементом языка, который способен передавать значение явных или скрытых действий, является глагол. Глаголы относятся к основным лексическим единицам языка наряду с именами и служебными частями речи. На глаголы возлагается широкий круг обязанностей по выражению действий, которые совершают разнообразные конкретные и абстрактные предметы, по описанию их состояний, переходов из одних состояний в другие. Большое количество задач стимулирует образование разнообразных видов глагольных форм и конструкций. Иными словами, большое количество смыслов, которые необходимо передавать, способствует образованию разнообразных комбинаций внутренних элементов языка.

Тот факт, что категория глагола охватывает широкий спектр значений, обусловил ее тесную связь с другими языковыми категориями. Глаголы реа-

лизуется в таких областях, как звук, форма, синтаксис и семантика, а также могут становиться точками пересечения этих областей.

Как и в любом языке, в турецком глаголы употребляются в разных формах и могут быть классифицированы разными способами. Попытки классификации глаголов, в том числе турецких, по разным параметрам, представлены во многих работах. Одни исследователи предлагают классификацию по морфологическим параметрам [Dizdaroğlu 1963; Nacieminoğlu 1992], другие учитывают морфологические особенности, семантические классы и ситуации употребления, отношения между объектом и субъектом, характер действия [Korkmaz 2007], есть классификации по способу выражаемого действия [Johanson 1971; Uğurlu 2003; Karadoğan 2009] и по лексическому значению [Levin 1993; Şirin-User 2009]. В последнее время можно отметить интерес к классификации, основанной на соотношении между лексическим значением и темой высказывания [Yıldız 2017, p. 360]. Существуют и иные параметры, и способы классификации глаголов.

Точки пересечения разных областей структуры языка, релевантных для глагола как для грамматической категории, также могут рассматриваться как критерий. Иными словами, классификация глагольных образований может быть составлена с точки зрения морфологии, синтаксиса или семантики. Сериальные глагольные конструкции (СГК) – это один из классов языковых единиц, критерии рассмотрения которого лежат в области морфологии, синтаксиса и семантики. СГК присутствуют во многих языках мира. Они описывают одно событие, используя для этого более одного глагола (*al gel* ‘принеси’, *yat uyu* ‘ложись поспи’, *basgit* ‘топай отсюда’ и др.). Хотя конструкция и включает несколько действий, употребляется она в значении одного действия, подобно одиночному глаголу (*getir* ‘принеси’, *sızlan* ‘ной’, *zırla* ‘рыдай’ и др.).

СГК встречаются в тюркских памятниках с древних времен. Далее мы остановимся на исследованиях, посвященных СГК в разговорных языках, и на характеристиках этих структур в турецком языке.

1. Ранние исследования и дискуссии, связанные с сериальными глагольными конструкциями

О сериальных глагольных конструкциях впервые ученые заговорили в XIX в. Кристаллер [Christaller 1875], описавший грамматику языка акан (нигер-конго), коснулся темы СГК. Ранее о существовании СГК в языке акан упоминал Риис [Riis 1853]. В 1858 г. Циммерман [Zimmermann 1858] отметил СГК в языке га (нигер-конго). Позднее Вестерман [Westermann 1907] установил наличие СГК в языке эве (нигер-конго). При описании данных явлений исследователи использовали такие термины, как комбина-

ции (combinations), соединения (compounds) и связи (connections) [Lovestransd 2018, p. 7]. Поскольку СГК были впервые обнаружены в языках нигер-конго, эти конструкции долгое время считались особенностью исключительно языков Африки. Однако со временем выяснилось, что СГК в разнообразных формах присутствуют и в других языках мира. СГК в австронезийских языках обнаружил Демпвольф [Dempwolf 1939], в языке сранан-тонго – Шухардт [Schuchardt 1914]. Впервые термин «соединенные» или «сериальные» глаголы (compound, serial verbs) употребили Балмер и Грант [Balmer 1929]. Начиная с конца 1960 гг. термин «сериализация» (serialization) постепенно стал замещаться термином «сериальные глагольные конструкции» (Serial Verb Construction – SVC). Впервые термин «сериальные глагольные конструкции» в современном понимании употребил Стюарт [Stewart 1963]. С 1970 г. этот термин стал активно входить в употребление [Lovestransd 2017, p. 5; Lovestransd 2018, p. 7].

Под влиянием активизировавшихся африканских исследований, в 1970-х годах ученые стали находить СГК и в других языках. Себба [Sebba 1987, p. 141] установил наличие СГК в 22 языках. А Диксон [Dixon 2006, p. 338] утверждает, что СГК встречаются в каждом третьем языке мира. При этом некоторые исследователи предполагают, что столь внушительное число языков с СГК было найдено потому, что критерии определения этих конструкций не имеют четких границ [Bendix 1972, p. 3]. Брэдшоу [Bradshaw 1993, p. 158] также обнаружил СГК разного типа в нескольких языках. В этой связи Себба выражает сомнение в том, что все исследователи СГК имеют в виду одинаковые явления [Sebba 1987, p. 1]. Также Себба говорит, что единообразно описать СГК разных языков невозможно [Sebba 1987, p. 7-35]. По мнению Хаспельмата, расхождения в определениях СГК – это нормальное явление, которое могло бы удивлять, если бы СГК были универсальной межъязыковой категорией, способной проявиться во всех языках и иметь в них более-менее похожую структуру [Haspelmath 2016, p. 293].

Очевидно, что требуется внести ясность в предлагаемые учеными определения СГК и уточнить характеристики этих конструкций. Можно утверждать, что у СГК в разных языках есть особые свойства. Именно поэтому ученым не удалось достичь консенсуса в определении СГК.

2. Что такое сериальные глагольные конструкции

Понятие «сериальные глагольные конструкции» (serial verb constructions) сформировалось в результате попытки классификации глагольных образований по критериям, объединяющим семантику, способ действия и

форму выражения. Исследователи дают различные определения этим конструкциям. Айхенвальд определяет SGK как «цепочку глаголов, выступающих вместе как один предикат, без каких-либо явных маркеров сочинения, подчинения или синтаксической зависимости других типов» [Aikhenvald 2006, p. 1]. В другой работе Айхенвальд отмечает, что во многих языках мира «сериальными глаголами» (*serial verbs*) называются глагольные конструкции, в которых цепочка глаголов выступает как одна единица, а сказуемое в этой цепочке не демонстрирует внешних и внутренних признаков перечисления, а также синтаксической связи между элементами [Aikhenvald 2018, p. 1].

(1) *Tuda bola mai* (тетун, австронезийская семья)

throw ball come

‘Кидай мяч сюда’ [Aikhenvald 2018, p. 2]

(2) *cuá ci áko dí.* (нигер-конго)

dog catch chicken eat

‘Собака сцапает курицу’ [Progovac 2015, p. 76]

В первом примере из языка тетун два самостоятельных глагола *tuda* ‘кидай’ и *mai* ‘иди сюда’ объединяются для выражения одного действия и являются SGK. Второй пример подобен первому и тоже является SGK.

Риис дает определение SGK как последовательности элементов без использования каких-либо способов синтаксической связи [Riis 1853]. Вестерман считает, что основная черта SGK – это объединение глаголов без каких-либо способов связи, но выступающих в форме одного времени и наклонения, выражающих действие одного субъекта [Westermann 1930, p. 126-129]. Бэлмер и Грант считают, что термин SGK подходит для определения не только сочетания двух глаголов, выражающих одно действие, но и для единиц, выражающих последовательность отдельных действий [Balmer 1929, p. 117]. Уорд, в свою очередь, относит к SGK английские глаголы, обозначающие последовательность действий: *bring* ‘принести’ означает ‘взять и прийти’, *fetch* означает ‘пойти, взять и прийти’. Ученый говорит о том, что перечисленные действия в других языках могут выражаться отдельными глаголами [Ward 1952, p. 106-116]. Подводя итоги, можно дать следующее определение: SGK могут быть представлены как одним глаголом, выражающим разные действия, так и цепочкой глаголов, выражающих одно действие [Aikhenvald 2006, Dixon 2006, Foley, Olson 1985, Givón 1991a; 1991b; Durie 1997]. Ученые единодушны во мнении, что элементы SGK объединены общим временем, аспектом, наклонением [Lovestrand 2018, p. 20]. При этом в научной литературе встречаются

разногласия. Бейкер и Харвей ведут полемику с Айхенвальд по критериям определения SGK. Бейкер и Харвей утверждают, что есть принципиальная разница между SGK и сложными предикативными конструкциями (complex predicate constructions). Исследователи считают, что сложные глагольные конструкции (coverb constructions) и SGK имеют сходство в том, что могут представлять единую клаузу (monoclausal), но структурно они различаются. Сложные глагольные конструкции описывают одно событие, наполненное сложной семантикой, а сериальные глагольные конструкции описывают сложное событие [Baker 2010, p. 13-47]. Фоли разделяет данную точку зрения [Foley 2010, p. 79]. Рассматривая типологические работы, можно отметить, что основная проблема определения SGK заключается в разных подходах к этому явлению в рамках разных языков. Поэтому определения SGK, данные разными учеными, отличаются [Bisang 2009, p. 811-812].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что SGK сообщает об одном процессе/действии и представляет собой цепочку глаголов, действующих совместно. При этом можно рассматривать SGK и как одну лексему (one word constructions), включающую несколько последовательных действий. Иными словами, как цепочки минимум из двух глаголов, передающих одно действие, так и одиночные глаголы, передающие минимум два действия, могут быть отнесены к SGK. Но подчеркнем, что в обоих случаях они будут сообщать об одном событии.

О сериальных глагольных конструкциях в тюркских языках выражали свое мнение Чато [Csató 2001], Гращенко и Маркман [Grashchenkov, Markman 2011], Й. Аксан и М. Аксан [Aksan, Aksan 2005].

Чато [Csató 2001], используя термин «парные глаголы» (double verbs), рассматривает семантические и синтаксические особенности некоторых конструкций. Ученый говорит о том, что существуют конструкции со вспомогательным глаголом (глаголом образа действия), который замыкает цепочку, превращая ее в застывшую форму, при этом глагол теряет свою прозрачность (transparency) и становится неотделимым в результате процесса грамматикализации. Иные конструкции имеют акцент на первом слове в цепочке. Такая конструкция также остается застывшей, но не всегда два глагола остаются связанными. Они сохраняют свои значения даже в случае грамматикализации, сохраняют прозрачность.

Й. Аксан и М. Аксан [Aksan, Aksan 2005, p. 398] говорят о конструкциях с тремя «основаниями» или связками, которые формируют следующие друг за другом цепочкой глаголы или глагольные образования, выступающие как единое целое. Ученые приводят в пример сложные глаголы (compound verbs), отглагольные образования с наречным значением (converbs) и сериальные глагольные конструкции (serial verb construction). В работе авторы предпочитают использовать выражение «последовательная глаголь-

ная конструкция» (*sıralı eylem yapısı*) и дают ему определение как «конструкция, образующая цепочку нескольких глаголов, обладающих единой внутренней структурой, временной семантикой, значением и полюсом».

В свою очередь Гращенков и Маркман рассматривают парные употребления в киргизском и тубаларском языках [Grashchenkov, Markman 2011, p. 82-83].

(3a)	<i>Wasja</i>	<i>uxta-p</i>	<i>kajla-di</i>	(тубаларский)
	Vas'a	sleep-CVB	sing-PST3sg	‘Вася пел во сне’
(3b)	<i>Caska</i>	<i>tülü-p</i>	<i>kör-di</i>	(тубаларский)
	Cup	fall-CVB	see-PST3sg	‘Чашка могла упасть’
(4)	<i>Kurmanbek</i>	<i>alyska süzü-p</i>	<i>zat-a-t</i>	(киргизский)
	Kurmanbek	far swim-CVB	lie-PRES-3sg	‘Курманбек уплывает далеко’

В приведенных выше примерах Гращенков и Маркман рассматривают конструкции, в которых употребляются более одного глагола, но в сущности выражается одно действие.

Изучив обобщенные суждения о SGK и приведенные исследователями данные, обратимся к частным случаям употребления SGK и их особенностях, в том числе в турецком языке.

3. Свойства сериальных глагольных конструкций

Исследователи говорят, что SGK имеют набор различных свойств. Очевидно, что есть особенности данных образований в разных языках, но должны сохраняться общие семантические и функциональные свойства. Хаспельмат [Haspelmath 2016] занял критическую позицию относительно общих свойств SGK, но большинство ученых сходятся во мнении, что такие свойства есть [Aikhenvald 2006, Dixon 2006, Foley, Olson 1985, Givon 1991a; 1991b, Durie 1997].

Комри [Comrie 1995] выявляет следующие характеристики:

1. Употребление SGK ограничивается одним высказыванием/клаузой.
2. Категориальные маркеры глагола (лицо, число, время, форма, наклонение, отрицание и пр.) присутствуют только у основного глагола цепочки, или у элементов всей цепочки есть маркеры с одинаковым значением.
3. SGK выражает одно событие. Но при этом у SGK могут быть две функции: «позволяют расширить семантические свойства глагола и выразить их», «позволяют создавать новые лексические единицы».

Ниже представлены характеристики SGK, изученные в ходе анализа научной литературы, и конструкции турецкого языка, соответствующие данным характеристикам.

3.1. Сериальная глагольная конструкция выражает одно событие и включает более одного глагола

SGK может состоять из нескольких глаголов, выполняющих одну функцию. Обычно эти глаголы являются одним сказуемым и не имеют признаков сочинения или подчинения (coordination/subordination). Сериальные глаголы, выражая одно событие, могут лексикализироваться [Aikhenvald 2018, p. 1]. В конструкции второй глагол может выражать действие или состояние, характеризовать ситуацию, параметры развития действия, его окончание или кульминацию [Noonan 1985, p. 77; Noonan 1992, p. 211].

В работах лингвистов по SGK есть множество примеров, отвечающих данным характеристикам. Приведем некоторые из них:

(5) *Mi teki a nefi koti a brede.* (сранан)

I take the knife cut the bread

‘Я отрезал хлеб ножом’ [Sebba 1987]

(6) *Zhang-san shàng-loú shuì-jiào.* (китайский)

Zhang-san go.upstairs sleep

‘Чжан-сан поднимается поспать’ [Li, Thompson 1973]

Турецкие сериальные конструкции, состоящие из нескольких глаголов, имеют тенденцию к лексикализации. Часть из них становится фразеологизмами или лексемами, но далеко не все. Приведем пример из разговорного стиля речи турецкого языка:

(7a) *Ban-a market-ten ekmek al gel.*

I-DAT shop-ABL bread take come

‘Купи мне в магазине хлеба’

(7b) *Gel-ir-ken ekmek al gel.*

come-PRES-CVB bread take come

‘По пути купи хлеба’

(8a) *Ban-a market-ten ekmek al-ıp gel.*
I-DAT shop-ABL bread take-CVB come
'Купи мне в магазине хлеба'

(8b) *Gel-ir-ken ekmek al-ıp gel.*
come-PRES-CVB bread take-CVB come
'По пути купи хлеба'

В примере (7a) выражение *al gel* передает два действия субъекта: первое – *al* 'возьми', второе – *gel* 'иди сюда'. Однако эти два слова представляют собой синтаксическое целое, выполняют одну синтаксическую роль, могут быть заменены одним глаголом *getir* 'принеси'. Это подтверждает возможность выражения одного события двумя глаголами. Иными словами, действия, выражаемые глаголами *al* и *gel*, сообщают не об отдельных, а об одном событии. Добавим, что субъект, который должен совершить эти действия, сам воспринимает их как одно событие. В выражении *al gel* ни один из глаголов не является главным или подчиненным. И это является признаком сериальной глагольной конструкции. В работах по SGK они делятся на два класса: *симметричные* и *асимметричные* сериальные глаголы. Симметричные сериальные глаголы (*symmetrical serial verbs*) состоят минимум из двух не доминирующих друг над другом глаголов, а асимметричные сериальные глаголы (*asymmetrical verbs*) состоят минимум из двух глаголов, один из которых является доминантным. В асимметричных конструкциях глаголы-составляющие называются *мажорными* и *минорными* (*majör* и *minör*). Симметричные и асимметричные образования в некоторых случаях представляют собой один глагол, семантическая структура которого включает более одного действия. Айхенвальд [Aikhenvald 2016, p. 21] рассматривает симметричность и асимметричность сериальных глаголов с точки зрения семантики. В (7a) клауза содержит высказывание, которое предполагает нахождение говорящего и слушающего в одном месте, поэтому для совершения действия *al* 'возьми' необходимо совершить *git* 'пойди', а затем *gel* 'иди сюда'. В таком случае конструкцию можно представить следующей схемой: [*git- + al- + gel-* = *al gel* = *getir* 'принеси']. Схема доказывает, что выражение *al gel* является единым элементом высказывания и выражает одно событие.

С точки зрения традиционной грамматики в (7a) выражение *al gel* рассматривается как два отдельных сказуемых, а в примере (8a) *alıp* – подчиненная единица. Однако с функциональной точки зрения между сказуемыми в (7a) и (8a) разницы нет. Суждение (8a) не отличается от (7a) ни в понимании говорящего, ни в восприятии слушающего. В примере (7b) способ связи компонентов отличается, при этом повышается вероятность того,

что говорящий и слушающий находятся в разных местах. Исполнитель названного действия (слушающий) сначала должен начать движение в направлении говорящего *gel-*, затем осуществить *al-* ‘возьми’ и завершить все событие *gel-* ‘приди’. В данном случае сериализация глаголов происходит по следующей схеме:

[*gel-* (начало движения) + *al-* + *gel-* (конец движения) = *al gel = getir-* ‘принеси’]

С точки зрения формы СГК, примеры (7а) и (7b) различаются, но в сущности они похожи и передают похожие события. В примерах (8b) и (7b) с функциональной точки зрения также наблюдается сходство. Приведем похожие примеры из турецкого языка.

(9) *Ankara-nın ad-ı çık-mış, sen ayaz-ı Nevşehir-de gel gör.*
Ankara-GEN name-3sg appear-PST you frost-ACC Nevşehir-LOC come see
‘Упомянули Анкару, а ты приезжай посмотри на заморозки в Невшехире’
[*gel gör = tecrübe et-* ‘испытать’/ *şahitol-* ‘засвидетельствовать’]

(10) *Bak-tı-n senin-le alay ed-iyor-lar, bekle-meden çık git.*
look-PST-2sg you-INST joke make-PRES-3pl wait-CVB leave go
‘Видишь, над тобой смеются, не жди, уходи’
[*çık git = ayrıl-* ‘уходить’]

(11) *Fotoğraf-lar-ı kimse gör-me-sin diye yurt-ı at-tı-m.*
photo-PL-ACC anybody see-NEG-IMP PP tear-CVB throw-PST-1sg
‘Чтобы фотографии никто не видел, я их порвал и выбросил’
[*yurt at = yok et-* ‘уничтожить’]

(12) *Biz ora-ya gid-ince bak gör ne-ler ol-acak!*
we there-DAT go-CVB look see what-PL happen-FUT
‘Посмотришь, что будет, когда мы туда приедем!’
[*bak gör = tecrübe et-* ‘испытай’]

(13) *Baba-sı kız-inca çocuğ-a “ya-tıp zıbar!” diye bağır-dı.*
father-3sg get.angry-CVB child-DAT lay-CVB sleep PP shout-PST3sg
‘Отец, рассердившись, закричал на ребенка: «Иди спи!»’
[*yatıp zıbar = uyu-* ‘спать’]

- (14) *Çocuk-lar, masa-da-ki-ler-i kır-ıp dök-tü-ler.*
 child-PL table-LOC-N-PL-ACC break-CVB scatter-PST-3pl
 ‘Дети поломали, порассыпали все, что было на столе’
 [*kırıp dök-* = *parçala-* ‘разломать’]

Может показаться, что некоторые конструкции содержат элементы с самостоятельной семантикой и потому не относятся к СГК. Однако фразовое ударение делает их единым целым. Фонетические средства (ударение, интонация, мелодика, скорость и т. д.) заставляют воспринимать конструкцию как СГК и с семантической точки зрения.

- (15) *Oğlu-m bak git!*
 son-1sg look come
 ‘Сынок, иди смотри!’

Слово *bak-* ‘смотри’ употреблено только в функции привлечения внимания и не несет своего значения, и фонетически вся фраза *bak git* ‘иди смотри’ оформлена как СГК.

3.2. Внутренняя структура сериальных глагольных конструкций не содержит каких-либо средств связи

Одно из свойств СГК – это отсутствие средств связи во внутренней структуре. Определения СГК чаще всего содержат данную характеристику (см., например, определение Вестермана выше). Однако в некоторых работах говорится о том, что СГК могут содержать маркеры, объединяющие глаголы в одну группу. Хайман [Нуман 1971] предполагает, что наличие или отсутствие маркера связи не может быть критерием СГК. Карлсон [Carlson 1994, p. 283-289] указывает на наличие маркера соединения *â* (serial connective) в СГК языка сенуфо.

В турецком языке СГК могут быть образованы как с участием маркера связи, так и без него. В частности, в исторических текстах на турецком языке встречаются целые блоки, созданные путем соединения довольно развернутых клауз с длинными периодическими цепочками, содержащими аффикс деепричастия на *-(X)p* [Aydemir 2010, p. 64; Hirik 2019, p. 898]. Гёкче говорит о наличии разных уровней в конструкциях с деепричастиями. Деепричастие не является частью *основного предиката первого уровня* (*birincil yüklemle*), а становится *второстепенным (alt sıralı) предикатом второго уровня* (*ikincil yüklemle*). Свои рассуждения Гёкче иллюстрирует примером:

- (16) *Güneş bat-ıp akşam ol-du.*
 sun set-CVB evening become-PST3sg
 ‘Солнце село, наступил вечер’ [Gökçe 2007, p. 63].

Как утверждает Гёкче, даже если конструкции с аффиксом деепричастия функционируют в роли характеристики следующих за ними глаголов, они не теряют значение действия и играют роль сказуемых. Помимо аффиксов на *-(X)p* деепричастные аффиксы (*-ArAk*, *-XncA-ken* и др.) также указывают на подчинение глаголов. Это подчинение может сопровождаться сказуемым или элементами SGK. Однако необходимо отметить, что не каждая конструкция с аффиксом деепричастия создает SGK. Для этого нужно, чтобы вся конструкция с аффиксом деепричастия представляла собой смысловое единство и сообщала об одном событии.

- (17a) *Adam bas-ıp git-ti.*
 man step-CVB leave-PST3sg
 ‘Человек убрался вон’

- (17b) *Adam bas-tı git-ti.*
 man step-PST3sg leave-PST3sg
 ‘Человек убрался вон’

- (18a) *Basıp git.*
 step-CVB leave
 ‘Убирайся вон!’

- (18b) *Bas git.*
 step leave
 ‘Убирайся вон!’

- (19a) *Tüm kitaplığ-ı ara-dı-m tara-dı-m bul-a-ma-dı-m.*
 all library-ACC search-PST-1sg brush-PST-1sg find-POS-NEG-PST-1sg
 ‘Я прочесал всю библиотеку, не нашел’

- (19b) *Günlerce ara tara not-lar yok!*
 many.days search brush note-PL absent
 ‘Ищи целыми днями – нет записей!’

- (20a) *İş teklif-i-ni düşün-üp taşın-dı-k, kabulet-me-di-k.*
 work offer-3sg-ACC think-CVB move-PST-1pl accept-NEG-PST-1pl
 ‘Мы обдумали предложение о работе и не приняли его’

- (20b) *Söyle-dik-ler-im-i düşün taşın cevap ver.*
 say-N-PL-1sg-ACC think move answer give
 ‘Обдумай мои слова и дай ответ’
- (21a) *Tüm yemeğ-i pişir-di m düşür-dü-m kimse-ye*
 all food-ACC cook-PST-1sg drop-PST-1sg anybody-DAT
yaran-a-ma-dı-m
 please-POS-NEG-PST-1sg
 ‘Я наготовила еды, никому не угодила’
- (21b) *Pişir düşür! Tüm gün-üm böyle geç-iyor.*
 cook drop all day-1sg that.way pass-PRES3sg
 ‘Готовь да готовь! У меня целый день так проходит’

В примерах (17a) и (17b) *basıp git-* и *bastı gitti* в функциональном смысле не различаются, т.к. в турецком языке аффикс деепричастия *-(X)p* принимает функцию аффикса прошедшего времени и служит для связи между словами. В этой связи Карахан пишет: «В текстах разных исторических эпох и в некоторых анатолийских диалектах аффикс *-di/-di* используется как деепричастный; он соединяет группу слов со сказуемым и присоединяется к нему сам, не имея показателей лица и наклонения» [Karahan 1992, p. 335]. Гёкдаг [Gökdağ 2014, p. 632] говорит, что морфема *-mXş* выполняет подобную связующую функцию во многих конструкциях древнего языка халач. Таким же образом в примерах (18a) и (18b) выражения имеют одинаковые функции. В (18a) соединение происходит с помощью аффикса *-(X)p*, а в (18b) с помощью нулевого маркера. В примерах (19a) и (19b) СГК построены способом редупликации. Пара глаголов *aramak taramak* вместе имеют только одно значение – ‘искать’. В (19a) глаголы представлены в одинаковой форме *-dX*+личный аффикс, а в (19b) имеют нулевую связку. Примеры (20a) и (20b) содержат конструкцию *düşünmek taşınmak*, которая означает ‘много думать’. *Düşün-* ‘думать’ передает основной смысл, *taşın-* означает ‘двигаться’, вместе они формируют СГК, передающее значение ‘много думать’. Пример (20a) содержит маркер соединения *-(X)p*, пример (20b) – нулевой маркер соединения. В примере (21a) роль маркера соединения выполняют морфемы *-dX*+личный аффикс, а в (21b) мы снова видим СГК с нулевым маркером соединения.

Все приведенные выше примеры являются СГК, сообщающими об одном событии. Данные СГК образованы с помощью маркеров *-(X)p*, *-dX*, *-dX*+личный аффикс и нулевых маркеров. Не представляется возможным говорить о связующих элементах для СГК, состоящих из

одного глагола: *apar-* ‘уносить’, *sızlan-* ‘жаловаться и ныть’, *getir-* ‘принести’, *yakın-* ‘жаловаться’ и др.

Из вышесказанного следует, что в турецком языке СГК могут образовываться как с помощью показателя связи, так и без показателя связи. СГК с маркерами связи можно встретить в текстах разных периодов развития турецкого языка и в современных тюркских языках.

- (22) Древнетюркский *yitür-ü id-*: ‘потерять’ [потерять-CVB + отправить]
 (23) Древнеуйгурский *alkur yok kil-*: ‘убить, уничтожить’ [убить + уничтожить]
 (24) Азербайджанский *baş götürüb git-*: ‘удалиться’ [унести-CVB голову- + уйти]
 (25) Киргизский *çığıp ket-*: ‘уйти’ [выйти-CVB + уйти]
 (26) Киргизский *ögüp ket-*: ‘(в воде) захлебнуться’ [утонуть-CVB + умереть]
 (27) Казахский *jat uyuqta-*: ‘лежать спать’ [лечь + спать]
 (28) Казахский *yertip apar-*: ‘унести’ [взять (скопировать) + унести]

В вышеуказанных примерах продемонстрированы случаи лексикализации и фразеологизации сериальных глагольных конструкций с деепричастным маркером. Приведем примеры из турецкого языка, где СГК создаются способом редупликации.

- (29a) *Genç, sinir-i-nden vur-du kır-dı tutuklan-dı.*
 young.man nerve-3sg-ABL hit-PST3sg break-PST3sg be.arrested-PST3sg
 ‘Юноша на нервах буянил и был задержан’

- (29b) *Çocuk-lar vur-du-kır-dı ol-an film-ler-i izle-me-meli-dir.*
 child-PL hit-PST3sg break-PST3sg be-PTCP film-PL-ACC
 watch-NEG-OBLIG-3sg
 ‘Дети не должны смотреть фильмы, **содержащие насилие**’

- (30a) *Tüm olay-lar bir an-da ol-du bit-ti.*
 all event-PL one moment-LOC happen-PST3sg end-PST3sg
 ‘Все произошло в один момент’

- (30b) *Bütün iş-ler-i ol-du bit-ti-ye getir-mek etik değil-dir.*
 all work-PL-ACC happen-PST3sg end-PST3sg-DAT bring-INF
 ethic not-3sg
 ‘Неэтично делать все дела только **для галочки**’

В примере (29a) *vur-du kır-dı* [ударить-PST разбить-PST] представляет собой СГК, выражающую одно событие. В (29b) – пример завершённого процесса лексикализации и субстантивации выражения. В примерах (30a) и (30b) аналогичная ситуация: в (30a) СГК, в (30b) субстантивация. Следует отметить, что некоторые лексикализовавшиеся элементы не могут выступать в роли СГК. Например, слова *indi-bindi* [сошёл-сел (в транспорт)] ‘стоимость самой короткой поездки на маршрутке’, *çekyat* [тяни на себя-ложись] ‘диван-кровать’, [делай порти] *yapboz* ‘головоломка’, *gelgit* [уходи-приходи] ‘прилив’ уже не могут быть составляющими СГК.

Приведем еще несколько примеров СГК в турецком языке:

- (31) *Abi-m yine kır-dı dök-tü her şey-i,*
 brother-1sg again break-PST3sg spill-PST3sg every thing-ACC
bağır-dı çağır-dı ama bu kez aldır-ma-dı-m.
 shout-PST3sg call-PST3sg but that time mind-NEG-PST-1sg
 ‘Мой брат все **разломал, раскричался**, но я на этот раз не обиделся’
 [Şakacı]
- (32) *Ahmet dön-dü dolaş-tı eski iş-i-ne başla-dı.*
 Ahmet turn-PST3sg walk-PST3sg old job-DAT start-PST3sg
 ‘Ахмет **походил** да и принялся за прежнюю работу’
- (33) *Para-lar-ı ara-mış tara-mış ama bul-a-ma-mış.*
 money-PL-ACC look.for-PST2 brush-PST2 but find-ABL-NEG-PST2
 ‘Он поискал-поискал деньги, но не нашел’
- (34) *Ömür boyunca çalış didin, ama el-de bir şey kal-ma-sın!*
 life long work toil but hand-LOC any thing keep-NEG-IMP
 ‘Всю жизнь **работай-трудись**, но чтоб в руках у тебя ничего не оставалось!’

Поскольку СГК нацелены на выражение прямого значения, фразеологические сочетания не всегда могут рассматриваться как СГК по причине их метафорической семантики. Ниже приведены примеры глагольных комплексов, которые уже не являются СГК в связи с употреблением в переносном смысле, и показано, как конструкции в прямом значении могут быть СГК, а в переносном становиться фразеологизмами.

Таблица 1. Примеры СГК в прямом и переносном значении

СГК/фразеологизм	Прямое значение	Значение фразеологизма
sil(ip) süpür-	‘почистить’ <i>Tüm ev-i sil-ip</i> all house-ACC wipe-CVB <i>süpür-dü-m.</i> sweep-PST-1sg ‘Я почистил весь дом.’	‘все поест’ <i>Çocuk-lar pasta-yı</i> child-PL cake-ACC <i>sil-ip süpür-dü.</i> wipe-CVB sweep-PST3pl ‘Дети торт съели до крошки.’
bit(ip) tüken-	‘закончиться’ <i>Kafe-de-ki tatlı yarım</i> café-LOC-A sweet half <i>saat-te bit-ip.</i> hour-LOC run.out-CVB <i>tüken-dü.</i> consumed-PST3sg ‘Сладости в кафе закончились в течение получаса.’	‘испытывать душевный кризис’ <i>Dert-ler-den</i> trouble-PL-ABL <i>bit-ti</i> run.over-PST3sg <i>tüken-dü.</i> consumed-PST3sg ‘Он от страданий совсем истощен.’
yala(yıp) yut-	‘кушать с аппетитом’ <i>Yemeğ-i yala-yıp</i> food-ACC lick-CVB <i>yut-tu-lar.</i> swallow-PST-3pl ‘Поели с аппетитом.’	‘хорошо изучить’ <i>Çocuk-lar çarpım</i> child-PL multiplication <i>tablo-su-nu yala-yıp</i> table-3sg-ACC lick-CVB <i>yut-tu.</i> swallow-PST3pl Дети вдоль и поперек изучили таблицу умножения.’

В заключение можно сказать, что в турецком языке СГК могут формироваться как со связующими элементами, так и без них. Иногда СГК подвергаются процессу лексикализации и фразеологизации. Поэтому при определении конструкции как СГК нет необходимости обращать внимание на наличие или отсутствие связующих элементов. Также СГК не следует искать среди метафорических фразеологических сочетаний, так как СГК

передает прямое значение посредством объединения двух и более действий в одно событие.

3.3. Сериальные глагольные конструкции представляют собой один глагол, семантика которого включает несколько действий, или более одного глагола со значением одного действия

Под СГК чаще всего понимается конструкция из двух и более глаголов, передающих информацию об одном событии. Однако можно заметить, что есть одиночные глаголы, передающие значение более одного действия или события. Фоли и Ослон [Foley, Oslon 1985, p. 22] заметили, что значение соединений <действие + действие> могут передаваться через одну лексему, представляющую собой СГК. Такие исследователи, как Дюри [Durie 1997] и Массам [Massam 2013], также относят к СГК лексемы, семантическая структура которых соответствует схеме <действие + действие>.

В турецком языке СГК могут принимать обе формы – два глагола передают одно действие и один глагол передает более одного действия.

Приведем примеры:

а) В одном глаголе – несколько действий.

Многие турецкие глаголы имеют в своей глубинной структуре значение нескольких действий. Например, в глубинной структуре *ye-* ‘кушать’ заключены действия *çigne-* ‘жевать’ и *yut-* ‘глотать’, однако этот глагол не встречается среди примеров СГК. Глаголы с передним ограничением [+ПО] (*Ön sinuri virgülayan fiiller*)³ могут нести значение двух действий, имеющих внутреннее время и способ осуществления [Karadoğan 2009]. Эти два действия можно рассматривать как два события. Глагол *otur-* ‘сесть, садиться’ является одним из типичных примеров [+ПО]. В турецком языке глагол *otur-* передает как момент усаживания, так и состояние сидения. В сущности, здесь и появляется проблема сериализации глагола. В английском языке конструкция ‘to sit down’ передает момент усаживания, а состояние сидения передает глагол ‘to sit’. Например, английское высказывание ‘We all sat down to dinner’/‘Мы все сели поужинать’ нельзя заменить на ‘We all sat to dinner’, так как оно будет неправильным.

³ По классификации [Karadoğan 2009] и [Hirik 2016], глаголы турецкого языка с точки зрения внутреннего временного значения могут быть с передним ограничением действия (*yat-* ‘лечь, лежать’), конечным ограничением действия (*öl-* ‘умереть’) и без ограничений (*oku-* ‘читать’).

Если речь идет о точке начала действия, необходимо употребить ‘to sit down’. И этот пример демонстрирует наличие двух действий в одном глаголе. В рамках турецких СГК можно отметить глаголы [+ПО], например, *otur-* ‘сесть/сидеть’, *yat-* ‘лечь/лежать’, *uyu-* ‘заснуть/спать’, *yap-* ‘загореться/гореть’, *uç-* ‘полететь/лететь’.

В турецком языке некоторая последовательность (группа) действий может быть выражена несколькими глаголами или одним глаголом, включающим эти действия в свою семантическую структуру. Такие конструкции тоже могут быть отнесены к СГК. Например, глагол *sızlan-[yakınmak / şikâyet etmek]+anlatmak* ‘жаловаться+рассказывать’ включает себя два действия и передает одно событие.

Приведем еще примеры таких глаголов:

<i>apar-</i>	‘унести’	= [<i>al-</i> + <i>var-/git-</i> (<i>götür-</i>) ‘взять+достигнуть/уйти’]
<i>getir-</i>	‘принести’	= [<i>al-</i> + <i>gel-</i> ‘взять+прийти’]
<i>sufsa-</i>	‘шептать’	= [<i>oku-</i> + <i>üfle-</i> ‘читать+дуть’]
<i>tutun-</i>	‘схватить’	= [<i>tut-</i> + <i>bırakma-</i> ‘держат+не отпускать’]
<i>yakın-</i>	‘жаловаться’	= [<i>sızlan-</i> + <i>anlat-</i> ‘жаловаться+рассказывать’]
<i>ürükle-</i>	‘утащить’	= [<i>it-/çek-</i> + <i>götür-</i> ‘толкать/тащить+уносить’]

Некоторые описательные глагольные формы (*tasvir fiiller*)⁴, чей процесс грамматикализации еще не завершен, воспринимаются как полноценные лексические единицы. Некоторые из них в своей семантической структуре содержат два действия, представляющие одно событие. Данную ситуацию для описательных глаголов со значением достаточности действия наилучшим образом иллюстрирует глагол *bil-* ‘знать’, семантика которого при слиянии с другим глаголом⁵ не меняется в полном смысле слова. Кроме глаголов достаточности, конструкции с описательным значением могут образовывать такие глаголы как *yaz-* ‘писать’, *dur-* ‘стоять’, *ver-* ‘давать’, но они менее эффективны для создания СГК в силу своей метафоричности.

⁴ К описательным глаголам относятся формы, содержащие характеристику основного действия, например, фазовые или модальные.

⁵ Речь идет о форме потенциалиса, которая образуется при помощи глагола *bil-*, например, *yüzebilmek* [‘плавать +знать’] ‘уметь плавать’.

Примеры с глаголом *bil-* ‘знать’:
çalabil- ‘уметь играть (на музыкальном инструменте)’ = [*çal-*+*bil-* ‘играть + знать’]
okuabil- ‘уметь читать’ = [*oku-* + *bil-* ‘читать+знать’]
yüzebil- ‘уметь плавать’ = [*yüz-* + *bil-* ‘плавать+знать’]

б) Много глаголов – одно действие.

В основе понятия *сериализация глаголов* лежит представление об употреблении нескольких глаголов для выражения одного действия. Айхенвальд утверждает, что основная функция сериальных глаголов – передача сложных событий [Aikhenvald 2006, p. 22]. Прозрачность (*transparency*) означает способность грамматического значения передавать код реципиенту без искажений. Прозрачные структуры имеют определенное смысловое содержание, состоят из одной или нескольких морфем, они легко анализируются и интерпретируются как говорящим, так и слушающим [Sanı 2015, p. 98]. Соединения, выражающие одно действие с помощью нескольких глаголов, имеют свойство прозрачности/проницаемости и поэтому легко воспринимаются реципиентом, который слышит эти выражения впервые.

Основное грамматическое свойство глагола – выражение действия. Обычно турецкий глагол употребляется именно в этой функции для выражения одного действия. Однако со временем некоторые глаголы объединяются в группы, с маркером соединения или без, для обозначения одного события/действия. В турецком языке область употребления SGK по схеме <несколько глаголов – одно действие> частично пересекается с областью сложных слов. Иными словами, часть сложных глаголов можно рассматривать как SGK. В работах турецких исследователей можно найти разные определения и классификации сложных глаголов. Кормаз [Korkmaz 2007, p. 791], Эргин [Ergin 2002, p. 386], Тимурташ [Timurtaş 2005, p. 159], Бангуоглу [Banguoğlu 2007, p. 294], Хаджиэминоглу [Hacıeminoğlu 1992, p. 262] в целом интерпретируют такие конструкции как сложные глаголы вида <имя + вспомогательный глагол> или как два разных глагола, один из которых основной. Эрджиласун [Ercilasun 1984, p. 4] говорит о сложных глаголах следующее: «Независимо от того, являются ли оба элемента глаголами или один из них имя, а другой глагол, каждый сложный глагол представляет собой самостоятельную лексему. Сложные глаголы выражают действие или переход в другое состояние, как и простые глаголы». Этим определением автор подчеркнул, что в его понимании сложные глаголы выражают одно событие, и указал на их схожесть с SGK.

Зейналов подошел к сложным глаголам с другой точки зрения. Рассмотрев тему словосочетаний, Зейналов говорит о словосочетаниях как

о синтаксических конструкциях, а сложные слова относит к морфологическим категориям. Ученый говорит, что в словосочетании оба элемента употребляются в их словарном значении, а при образовании сложных слов часть словарных значений слагаемых элементов утрачивается, и таким образом появляется новая лексическая единица [Zeynalov 1986, p. 456]. И это наталкивает Зейналова на мысль, что сложные глаголы, выражающие одно действие, следует относить к сложным словам [Zeynalov 1986, p. 458]. Чтобы отличить сложные глаголы от других глагольных сочетаний, Зейналов предлагает опираться на несколько основных принципов: во-первых, каждый элемент сложного глагола должен обладать собственным значением, во-вторых, при соединении этих элементов должен возникать глагол с новым значением [Zeynalov 1986, p. 460]. Зейналов утверждает, что вспомогательный глагол не придает нового значения существительному, при котором он выступает, и не создает новую единицу словаря. Автор приводит следующие примеры: *söhbət etmək* ‘беседовать’, *kömək etmək* ‘помогать’ (азербайджанский); *harap etmək* ‘разорвать’, *çorançılık etmək* ‘пасти’ (туркменский); *jerdem etmək* ‘причинять боль’, *kızmet etmək* ‘служить’ (казахский); *temin etmək* ‘предоставлять’, *hörmət etmək* ‘уважать’ (уйгурский) и др. Подобные сложения целесообразно относить не к классу составных глаголов, а к конструкциям с вспомогательным глаголом. Аналогичным образом глагол *ol-* в качестве вспомогательного не создает сложные глаголы [Zeynalov 1986, p. 460-461]. Кроме того, по мнению Зейналова, к сложным словам и сложным глаголам нельзя относить идиомы-метафоры, так как словосочетания не являются сложными словами [Zeynalov 1986, p. 463]. Исследователь распределяет сложные глаголы современных тюркских языков по четырем группам:

1. Сложные глаголы, обозначающие начало, продолжение и направление движения: *ötüp gitmek* ‘продолжать писать’, *geçip gitmek* ‘все время проходить мимо’, *oynaııp durmak* ‘продолжать играть’ и др.

2. Сложные глаголы, указывающие на непрерывность, внезапность и длительность движения: *gelivermek* ‘вдруг приходить’, *yazadurmak* ‘все время писать’, *çıkagelmek* ‘вдруг появиться’ и т.д.

3. Сложные глаголы, обозначающие предел движения, окончание: *silip süpürmek* ‘сметать’, *bitip tükenmek* ‘заканчиваться’, *basıp kesmek* ‘отрезать’, *yalvarıp yakmak* ‘умолять’ и т.д.

4. Сложные глаголы со значением повторения движения и обобщения: *sararıp solmak* ‘пожелтеть и увянуть’, *sarınp sarmalamak* ‘обернуть’ и т.д.

В свою очередь, Сеидов, рассматривая разнообразные сочетания слов в азербайджанском языке, дает оценку и глагольным сочетаниям. Сеидов –

один из тех исследователей, которые продемонстрировали подход к сложным глаголам, отличающийся от подхода Зейналова. Ученый называет сочетания с глаголами «глагольными соединениями» (*fiilî birleşmeler*). Сеидов приводит такие примеры глагольных соединений: *çağırmaq* ‘звать’ – *kemege (yardıma) çağırmaq* ‘звать на помощь’, *bağırıp çağırmaq* ‘кричать’, *gözü sataşanda* ‘вызывать зависть’ и подобные. Исследователь классифицирует глагольные соединения по составу: <местоимение + глагол>, <существительное + глагол>, <глагол + глагол>, <наречие + глагол>. По мнению автора, глагольными соединениями следует считать даже те конструкции, элементами которых становятся существительные, местоимения и наречия. Сеидов считает, что все глагольные соединения состоят из слов с самостоятельным значением, будь то имена с глаголами или глаголы с глаголами. Сеидов не считает глагольными соединениями выражения типа *muallimolmak* ‘быть учителем’, *yahşi olmak* ‘быть в порядке’, *çok olmak* ‘получиться много’, *tez olmak* ‘быть быстрым’, *yazabilmek* ‘уметь писать’, *okuyabilmek* ‘уметь читать’, *gidebilmek* ‘сможешь поехать’, *danışabilmek* ‘сможешь проконсультировать’ и т. п. Он считает их не вполне самостоятельными с лексической точки зрения словами, которые употребляются с вспомогательным глаголом. Несмотря на то, что данные единицы состоят из двух слов, они не воспринимаются как отдельные понятия, не могут выражать отдельные значения, а если отдельные значения проявляются, то это уже важный признак словосочетания [Seidov 1966, p. 184-185].

В зависимости от типа отношений между элементами, Сеидов выявляет 8 групп глагольных конструкций, которые не могут относиться к сложным словам:

1. Действие – субъект: *bülbül öttüğünde* ‘когда поет соловей’, *bahar geçerken* ‘когда идет весна’, *öğrenci öğrenirken* ‘когда учится студент’, *sen okuduğunda* ‘когда ты читаешь’.

2. Действие – объект: *kitabı almak* ‘взять книгу’, *mektubu göndermek* ‘отправить письмо’, *sinemaya bakmak* ‘посмотреть кино’.

3. Действие – время действия: *sabah uyanmak* ‘проснуться утром’, *gündüz çalışmak* ‘работать днем’, *aşam yatmak* ‘ложиться вечером’, *tez gelmek* ‘быстро приехать’, *geçgitmek* ‘поздно пойти’.

4. Действие – пространство: *şehirden çıkmak* ‘выехать из города’, *şehire gelmek* ‘приехать в город’, *evde oturmak* ‘сидеть дома’, *yaylaya gitmek* ‘ездить за город’.

5. Действие – способ: *hızlı hızlı yürümek* ‘быстро-быстро идти’, *iyi okumak* ‘хорошо учиться’, *süratle gitmek* ‘ехать быстрее’, *birden geçmek* ‘вдруг перейти’.

6. Действие – его количество: *çok danışmak* ‘много консультироваться’, *az çalışmak* ‘мало работать’, *hayli yemek* ‘много есть’, *yüz yıl yaşamak* ‘жить сто лет’.

7. Действие – его причина: *sevinçten gülmek* ‘смеяться от радости’, *korkudan durmamak* ‘не стоять на месте от страха’, *mutluluktan ağlamak* ‘плакать от счастья’.

8. Действие – цель: *okumaya gitmek* ‘пойти учиться’, *yaşamak için yemek* ‘есть, чтобы жить’, *savaşmak için silahlanmak* ‘вооружаться, чтобы сражаться’ [Seyidov 1966, p. 187].

После изучения столь разных подходов сложно определить границы между SGK и составными глаголами. Можно сказать, что эти два поля пересекаются: часть составных глаголов участвует в формировании SGK, а часть не участвует. Поэтому SGK является одновременно синтаксической, семантической и формальной категорией.

Подводя итоги, скажем, что употребление SGK для передачи одного события с помощью нескольких глаголов довольно распространено в турецком языке. В случаях употребления SGK глаголы объединяются в разнообразные конструкции, но с одним и тем же функциональным признаком – для выражения одного события. Приведем примеры разных видов SGK в турецком языке:

(35) *bit tüken-* ‘заканчиваться’

Üzgün-üm, tüm yiyecek-ler bit-ip tüken-di.
sorry-1sg all food-PL end-CVB run.out-PST3pl

‘Мне жаль, но вся еда закончилась’

(36) *çek git-* ‘удалиться вон’

a. *Şura-dan bir çek git!*

here-ABL ar pull go

‘Уходи отсюда!’

b. *Kızgın genç çek- ip git-ti / çek-ti git-ti /*

Angry young.man pull-CVB go-PST3sg / pull-PST3sg go-PST3sg /

çek-miş git-miş.

pull-PST3sg go-PST3sg

‘Разозлившийся молодой человек ушел’

(37) *dur düşün-* ‘подумать’

a. *Anla-mak isti-yor-san dur düşün.*

understand-INF want-PRES-CND stop think

‘Если хочешь понять, **подумай как следует**’

b. *Sevgili dost-um, bir saniye dur-up düşün iste-r-sen.*

dear friend-1sg one second stop-CVB think want-PRES-CND

‘Дорогой друг, **подумай-ка** секунду’

(38) *düşün(üp) dur-* ‘хорошо подумать’

Sonra düşün-(üp) dur neden işi-m-den ol-du-m di-ye.

then think-(CVB) stop why job-1sg-ABL become-PST-1sg say-CVB

‘Потом **подумай хорошенько**: «Почему это я остался без работы?»’

(39) *fırlatat-* ‘далеко выкинуть’

El-in-de-ki taş-lar-ı deniz-e doğru fırlat-tı at-tı.

hand-3sg-LOC-A stone-PL-ACC sea-DAT PP throw-PST3sg throw-PST3sg

‘Камни, которые были у него в руках, он **взял и метнул** в сторону моря’

(40) *geç git-* ‘проходить’

Baş-ı-ndan bir sürü olay-lar geç-ip git-ti /

head-3sg-ABL a lot event-PL pass-CVB go-PST3sg /

geç-ti git-ti / geç-miş git-miş.

pass-PST3sg go-PST3sg / pass-PST3sg go-PST3sg

‘С ним случился ряд происшествий’

(41) *öl git-* ‘умереть’

Karı-sı anlaşıl-ma-yan bir illet-le sarar-ıp

wife-3sg understand-NEG-PTCP ar illness-INST turn.pale-CVB

sol-du, birkaç ay iç-i-nde öl-dü git-ti.

fade-PST3sg some month inside-3sg-LOC die-PST3sg go-PST3sg

‘Его жена вся побледнела от непонятной болезни и в течение нескольких месяцев ушла из **жизни**’

(42) *tutat-* ‘схватить и выкинуть’

Ev-de-ki eski kitap-lar-ı tut-up at-mış!

house-LOC-A old book-PL-ACC keep-CVB throw-PST3sg

‘Старые книги в доме он **взял и выкинул.**’

Некоторые СГК могут употребляться в отрицательной форме. Похоже, что глаголы, объединяющиеся для передачи одного события, закрепились в отрицательной форме и редко употребляются в положительной.

(43) *уарта etme-* ‘не делать’

Ban-a kız-ıp hep “Yap-ma, et-me” di-yor-lar.

I-DAT get.angry-CVB always do-NEG make-NEG say-PRES-3pl

‘На меня злятся и все время говорят: «Не делай то, не делай сё»’

В этом примере два глагола в отрицательной форме объединены для передачи одного события и образуют СГК.

3.4. Сериальные глагольные конструкции бывают симметричными и асимметричными

Айхенвальд была первым исследователем, кто предложил разделять СГК на симметричные и асимметричные [Aikhenvald 2006]. Она же ввела термины «*мажорный глагол*» (*majör* ‘главный’) и «*минорный глагол*» (*minör* ‘второстепенный’). Как позже заметил Лавстранд, в структуре предложения синтаксическая функция СГК определяется не по второстепенному глаголу (*minor verb*), а по позиции главного глагола (*major verb*) [Lovestrands 2017, p. 66]. В свою очередь, Себба [Sebba 1987, p. 40] использует термины «*фиксированный*» (*fixed*) и «*свободный*» (*free*). Какой бы ни была структура СГК, будь то одно слово (много действий в одном глаголе) или несколько слов (одно действие, выраженное несколькими глаголами), она включает в себя смысловое доминирование одного из действий или равенство всех действий. Иными словами, с точки зрения смысла в СГК один из двух глаголов может иметь больший вес, но в некоторых СГК оба элемента могут быть равноценными. СГК с равноценными элементами называются «*симметричными*», а СГК с элементами разного уровня – «*асимметричными*».

3.4.1. Симметричные сериальные глагольные конструкции

- (44) *Kapı çarpınca ürk-tü-m.*
door bump-CVB [get scared-flinch]-PST3-1sg
ürk- ‘вздрогнуть от испуга’ = [*kork-* ‘испугаться’ + *sıçra-* ‘дернуться’]
‘Дверь хлопнула, и я **вздрогнул от испуга**’
- (45) *Baş-ım ağrıyınca güzelce ov-du-m.*
head-1sg ache-CVB well palm-PST-1sg
ov- ‘растирать ладонью’ = [*dokun-* ‘трогать’ + *el gezdir-* ‘водить ладонью’]
‘Когда у меня заболела голова, я как следует **растер** ее руками’
- (46) *Bakkal parayı alınca evir-di çevir-di*
grocer money-ACC take-CVB invert-PST3sg turn-PST3sg
kasa-ya koy-du
safety.box-DAT put-PST3sg
‘Бакалейщик, взяв деньги, **повернулся** и положил их в кассу’

В примере (44) глагол *ürk-* передает значение действий *kork-* ‘испугаться’ и *sıçra-* ‘вздрогнуть’. Однако оба действия в совокупности соответствуют одному событию. Так же в примере (45) глагол *ov-* включает действия: *dokun-* ‘дотронуться’ и *elgezdir-* ‘провести рукой’. При этом оба действия в семантической структуре глагола *ov-* равноправны. Выражение *evir- çevir-* в (46) включает два семантически близких глагола, то есть создается путем редупликации. При этом *evir-* и *çevir-* играют одинаково важную роль в передаче значения одного события. Поэтому все три примера демонстрируют симметричные SGK.

3.4.2. Асимметричные сериальные глагольные конструкции

- (47) *Genç, patron-u-na yakın-ıyor-du.*
young.man boss-3sg-DAT complain-PST3sg
‘Молодой человек жаловался хозяину’
yakın- ‘излагать жалобы’ = [*şikâyet et-* ‘жаловаться’ + *anlat-*
‘рассказывать’]
- (48) *İhtiyar, birgün iç-i-nde öl-üp git-ti.*
old.man one.day inside-3sg-LOC die-CVB go-PST3sg
‘Старик за сутки **скончался**’

В примере (47) глагол *yakın-* включает действия *şikâyet et-* ‘жаловаться’ и *anlat-* ‘рассказывать’. При этом ‘жаловаться’ имеет больший вес в передаче смысла. Семантическая структура этого сериального глагола [*şikâyet et- > anlat-*] выглядит асимметричной. Подобную семантическую структуру демонстрирует пример (48), в котором *öl-* ‘умирать’ имеет больший вес, чем *git-* ‘уходить’. То есть пример (48) тоже является асимметричным.

Из всего вышесказанного следует, что в турецком языке СГК могут быть симметричными и асимметричными независимо от количества элементов.

3.5. Сериальные глагольные конструкции входят в структуру одной клаузы

СГК моноклаузальны: составляющие их глаголы входят в одну клаузу и не имеют признаков синтаксической зависимости между компонентами [Foley 1991, p. 320-321]. Компоненты этих конструкций, как правило, представлены в одной морфологической форме. Обычно СГК не допускает дублирования ролей. Глаголы в их составе не могут иметь собственные отдельные субъекты, объекты или инструменты [Durie 1997, p. 340-341].

В общелингвистических исследованиях некоторые клаузы с СГК рассматриваются как отдельные клаузы по причине формалистского подхода.

(49) *Ban-a market-ten ekmek al gel.*

I-DAT shop-ABL bread take come
‘Принеси мне хлеба из магазина’

(50) *Ban-a market-ten ekmek al-di gel-di.*

I-DAT shop-ABL bread take-PST3sg come-PST3sg
‘Он принес мне хлеба из магазина’

(51) *Ban-a market-ten ekmek al-mış gel-miş.*

I-DAT shop-ABL bread take-PST3sg come-PST3sg
‘Он, оказывается, принес мне хлеба из магазина’

(52) *Ban-a market-ten ekmek al-acak gel-ecek.*

I-DAT shop-ABL bread take-FUT come-FUT
‘Он принесет мне хлеба из магазина’

(53) *Ban-a market-ten ekme^k al da gel*
I-DAT shop-ABL bread take and come
‘Купи мне хлеба в магазине и приходи’

(54) *Ban-a market-ten ekme^k al-ı^p gel*
I-DAT shop-ABL bread take-CVB come
‘Купи мне хлеба в магазине и приходи’

При рассмотрении данных примеров с точки зрения традиционной грамматики указанные глаголы (за исключением примера (54)) рассматриваются как однородные сказуемые. В примере (54) сказуемое – только *gel-*, а *alı^p* – подчиненная единица. Однако конструкция *alı^p gel* ‘купив, приходи’, хотя и отличается по форме от глагольных последовательностей в предыдущих примерах, на самом деле не отличается от них по своей функции. Иначе говоря, все примеры, в том числе (54), демонстрируют одну и ту же функцию глаголов. Однако SGK необходимо рассматривать не только с функциональной точки зрения, но и как семантико-синтаксическую, а также формальную категорию. Очевидно, что эти структуры нужно рассматривать как единое целое, так как они отражают событие целостно, а их элементы тесно связаны друг с другом.

Итак, можно сделать вывод, что некоторые конструкции турецкого языка в восприятии говорящего и слушающего, в своей глубинной структуре и с прагматической точки зрения передают одно событие. Формально предложения содержат два отдельных сказуемых и могут рассматриваться лингвистами как две клаузы, но с семантической точки зрения они передают одно событие и могут быть включены в класс SGK. Приведем еще несколько примеров SGK в турецком языке:

(55) *Çocuk-lar bahçe-de koş-ı^p oynu-yor-du.*
child-PL garden-LOC run-CVB play-PST3sg
‘Дети носились во дворе’

(56) *Genç-ler kendi ara-lar-ı-nda gül-dü eğlen-di.*
young.people-PL themselves among-PL-3sg-LOC laugh-PST3sg enjoy-PST3sg
‘Молодые люди смеялись и веселились друг с другом’

(57) *Öğrenci-ler çal-dı-lar oyna-dı-lar.*
student-PL play-PST-3pl dance-PST-3pl
‘Студенты музицировали и танцевали’

(58) *Adam-ın söyle-dik-ler-i-ne gül-üp geç-ti-k.*
 man-GEN say-N-PL-3sg-DAT laugh-CVB pass-PST-1pl
 ‘В ответ на слова человека мы **со смехом** прошли мимо’

(59) *Saatlerce ye-miş iç-miş-ler.*
 for.hours eat-PST3pl drink-PST3pl
 ‘Они **ели-пили** часами’

3.6. Сериальные глагольные конструкции могут представлять собой синтаксическое целое или отдельные синтаксические единицы

Сериальные глагольные конструкции, состоящие из двух отдельных глаголов, могут быть как синтаксически единым элементом, так и отдельными единицами синтаксиса, включающими дополнительные элементы. Однако синтаксическая обособленность элементов СГК не мешает им целостно выражать единое событие [Aikhenvald 2018, p. 143-144].

(60) *Çok yorgun görünü-yor-sun. Bence yat uyu.*
 very tired look-PRES-2sg in.my.opinion lie sleep
 ‘Ты выглядишь очень усталым. **Ложись поспи**’

(61) *Çok yorgun görünü-yor-sun. Bence yat da uyu.*
 very tired look-PRES-2sg in.my.opinion lie and sleep
 ‘Ты выглядишь очень усталым. **Ложись и поспи**’

В примере (60) СГК, выражающая одно событие, состоит из глаголов, представляющих собой синтаксически целую конструкцию. В примере (61) событие одно, но между элементами появился союз. Эти два предложения отличаются структурно, но семантически и функционально они одинаковы, что подтверждает возможность включения в СГК дополнительных элементов. Однако если разделяющий элемент не является союзом, то акцент на передаче единого события становится слабее:

(62) *Hadi çık gel bir şey-ler yi-yelim.*
 let's go.out come ar something-PL eat-IMP
 **Hadi çık bir şey-ler yi-yelim gel.*
 let's go.out ar something-PL eat-IMP come
 ‘Давай **выходи к нам**, поедим что-нибудь’

Но не во всякую структуру можно включить дополнительный элемент.

- (63) *El-in-de-ki taş-lar-i fırlat-ıp at.*
 hand-3sg-LOC-A stone-PL-ACC throw-CVB throw
 **El-in-de-ki taş-lar-i fırlat da at.*
 hand-3sg-LOC-A stone-PL-ACC throw and throw
 ‘Метни камни, которые у тебя в руке’

В примере (63) элемент *at-* ‘бросить’ выражает мгновенное, быстрое действие и не может иметь при себе дополнительные элементы, в том числе союзы. Отсюда следует, что элементы, входящие в состав СГК, также влияют на ее структурные особенности.

3.7. Примеры тюркских сериальных конструкций в синхронии и диахронии

СГК были представлены в тюркских языках с древнейших времен, они отмечаются и в современных языках. Ниже приведены примеры СГК из текстов разных исторических периодов.

Таблица 2. Примеры СГК с одним глаголом⁶

Орхоно-енисейский	<i>ögir-</i>	‘радоваться’	= [<i>düşün-</i> ‘думать’ + <i>mutlu ol-</i> ‘быть счастливым’]	[BK D2]
Хорезмско-тюркский	<i>art-</i>	‘взвалить (на спину)’	= [<i>kaldır-</i> ‘поднять’ + <i>koy-</i> ‘положить’]	[ME 54 8]
Чагатайский	<i>ökür- / ökir-</i>	‘громко рыдать’	= [<i>bağır-</i> ‘кричать’ + <i>ağla-</i> ‘плакать’]	[ML]
Турецкий	<i>pusulan-</i>	‘сесть в засаду’	= [<i>sin-</i> ‘сжаться’ + <i>saklan-</i> ‘спрятаться’]	
Азербайджанский	<i>adda-</i>	‘перепрыгнуть’	= [<i>sıçra-</i> ‘прыгнуть’ + <i>geç-</i> ‘перейти’]	[ATS]

⁶ ATS – Azərbaycan Türkçesi Sözlüğü, BK D – Bilge Kağan Doğu Yüzü, DLT – Divânu Lugâti't-Türk, FŞ – Şakacı, Figen- Bitirgen, KT D – Költigin Doğu Yüzü, M – Manichaena, MAN – Manas Üniversitesi Kırgızca-Türkçe Sözlük, ME – Mukaddimetü'l-Edeb, ML – Muhakemetül-Lugateyn, TDK – GTS Türk Dil Kurumu Güncel Türkçe Sözlük, TKS – Türkçe-Kazakça Sözlük, TS – Tarama Sözlüğü, TTVI – Turfantexte.

Азербайджанский	<i>al-</i>	‘забрать’	= [<i>tut-</i> ‘схватить’ + <i>götür-</i> ‘унести’]	[ATS]
Азербайджанский, турецкий, казахский	<i>apar-</i>	‘унести’	= [<i>al-</i> ‘взять’ + <i>var-/git-(götür-)</i> ‘уйти/унести’]	[TDK, GTS, ATS]
Азербайджанский	<i>aşır-</i>	‘взвалить на спину’	= [<i>kaldır-</i> ‘поднять’ + <i>koy-</i> ‘положить’]	[ATS]
Азербайджанский	<i>çal-</i>	‘повязать на голову’	= [<i>ört-</i> ‘покрыть’ + <i>bağla-</i> ‘завязать’]	[ATS]
Киргизский	<i>çirke-</i>	‘тащить на привязи’	[<i>bağla-</i> ‘завязать’ + <i>çek-</i> ‘тащить’ + <i>götür-</i> ‘уводить/уносить’]	[MAN]
Киргизский	<i>cetele-</i>	‘уводить за руку’	[<i>tut-</i> ‘держат’ + <i>götür-</i> ‘уводить’]	[MAN]
Киргизский	<i>äkel-</i>	‘принести’	[<i>al-</i> ‘взять’ + <i>gel-</i> ‘прийти’]	[TKS]
Турецкий	<i>aktar-</i>	‘передать, сообщить’	= [<i>dinle-</i> ‘слушать’ + <i>anlat-</i> ‘пересказывать’]	[TDK GTS]
Турецкий	<i>sürü-</i>	‘тащить по земле’	= [<i>it-/çek-</i> ‘толкать/тащить’ + <i>götür-</i> ‘уносить’]	[TDK GTS]
Турецкий	<i>tanı-</i>	‘узнавать кого-то или что-то’	[<i>gör-</i> ‘видеть’ + <i>bil-</i> ‘знать’]	[TDK GTS]
Турецкий	<i>tutun-</i>	‘захватить’	= [<i>tut-</i> ‘схватить’ + <i>birakma-</i> ‘не отпускать’]	[TDK GTS]
Турецкий	<i>yakın-</i>	‘излагать жалобу’	= [<i>sızlan-</i> ‘хныкать’ + <i>anlat-/şikâyet et-</i> ‘рассказывать’/ ‘жаловаться’]	[TDK GTS]

Примеры СГК с несколькими глаголами

Орхоно-енисейский язык

- (64) ...*begli bodunlıg yonaşur-tuk-in için türk bodun ille-dük il-in*
Bey folk provoke-N-GEN PP Turk folk found-N state-ACC
ıçgın-u id-mış. [KTD 6]
lose-CVB send-PST
‘...тюрки отобрали созданное государство, так как бей и народ их спровоцировали’
- (65) ...*eçü-miz apa-mız tut-muş yir sub idi-siz bol-mazun*
ancestor-1pl ancestor-1pl settle-PTCP place water lord-NEG be-NEG3sg
tıyın az bodun-ug it-ip yarat-ıp...
PP few people-ACC organize-CVB arrange-CVB
‘...чтобы построенное нашими отцами и дедами государство не оказалось без хозяина, организовав и направив малую часть народа...’
- (66) *kara bodun kağan-ım kel-ti tip ögür-ip sebin-ti*
common folk khan-1sg come-PST3sg PP enjoy-CVB be.happy-PST3sg
‘Простой народ ликовал и веселился, что вернулся их хан’

Древнеуйгурский язык

- (67) *ıyar basar* ‘наступить, раздавить’ [TTVI 254]
ol üd-ün yene kentü süriig koyan-ug alk-ur yok kıl-ur. [MI 88]
that time-INST PP own herd sheep-ACC finish-PRES3sg absent do-PRES3sg
‘Тогда он берет и уничтожает свое собственное стадо овец’

Азербайджанский язык

- (68) *Gənc-lər də-di-lər gül-dü-lər.*
young.people-PL enjoy-PST-3pl laugh-PST-3pl
‘Молодые люди смеялись и веселились’
- (69) *Aysel biz-den köz-ü-n al-a kaç-a samoor-du*
Aysel we-ABL eye-3sg-ACC take-CVB run.away-CVB samovar-ACC
al-dı da sirt-ka ket-ti.
take-PST3sg and out-DAT go-PST3sg
‘Айсель вышла с самоваром, пряча от нас глаза’

(70) *Lyazzat üy-de jat-ıp uyuqta-dı / jat-tı uyuqta-dı.*
Lyazzat home-LOC lay-CVB sleep-PST3sg / lay-PST3sg sleep-PST3sg
'Ляззат дома лег, уснул'

(71) *Osınşa köp jemıs-jydek, kökönis, azıq-tülik tür-ler-i-n kör-gen*
so much fruit greenery food.and.drink type-PL-3pl-ACC see-PTCP
ol tañırğa-y qara-dı.
he be.surprised-CVB be.surprised-PST3sg
'Увидев так много фруктов, зелени, еды и напитков, он удивился'

Турецкий язык

(72) *Yer-e düş-en-ler-i ez-ıp çığne-di.*
ground-DAT fall-PTCP-PL-ACC press-CVB crush-PST3sg
'Он раздавил все, что упало на пол'

(73) *Yemeklik tüm malzemey-i kar-ıp karıştır-di.*
cooking all material-ACC mix-CVB mix-PST3sg
'Приготовление еды перемешало все ингредиенты'

Выводы

Перед языком стоит непростая задача отображать любые явления во вселенной и всевозможные отношения между ними. Поэтому элементы грамматики выполняют более одной функции. Имена, глаголы и служебные слова расширяют свои возможности выражения, вступая в различные отношения между собой, сочетаясь по звучанию, форме, синтаксису и значению. Сериальные глагольные конструкции представляют собой явление, которое находится на пересечении формы, синтаксиса и семантики. Они расширяют выразительные возможности языка.

СГК могут представлять собой как глагольные структуры, в которых более одного глагола сочетаются друг с другом, так и один глагол, значение которого включает более одного действия, но при этом глагол обозначает одно событие. Можно сказать, что в исследованиях сериальных глагольных конструкций существует общая гармония мысли, хотя по ряду моментов мнения ученых расходятся. В ранних работах рассматривались СГК только в африканских языках, но дальнейшие исследования привели к обнаружению СГК во многих других языках мира. Турецкий язык тоже содержит СГК, которые выявляются как при диахронических, так и при синхронических исследованиях. Глаголы, выражающие несколько действий в одной лексеме, и несколько глаголов, которые вместе передают одно

событие, употреблялись в разные исторические периоды, употребляются и в современных тюркских языках, делая язык более богатым и гибким.

СГК турецкого языка обладают своими особенностями. Одна из особенностей – это употребление нескольких глаголов, описывающих одно и то же событие и соединенных с помощью разных морфологических стратегий. В турецких СГК маркеры *-DX*, *-AcAK*, *-mXş*, суффикс времени + личный суффикс, особенно суффиксы наречия-глагола, могут использоваться в качестве связующих элементов. Однако в некоторых случаях в структуру СГК могут входить и нулевые морфемы. Этот аспект является отличительной особенностью турецкого языка.

В традиционных исследованиях грамматики турецкого языка СГК, состоящие из двух глаголов, рассматриваются как две отдельные клаузы. Если глаголы содержат нулевые морфемы, их определяют как два отдельных предиката. Однако с функциональной точки зрения такие структуры передают «одно событие», выражают одно суждение и должны оцениваться как СГК. При этом СГК могут быть симметричными и асимметричными, в зависимости от соотношения элементов по значимости при передаче смыслов.

Некоторые СГК в турецком языке имеют тенденцию к лексикализации и фразеологизации. Считается, что такие слова (*yarboz* ‘головоломка’, *çekyat* ‘диван-кровать’, *oldu-bitti* ‘лишь бы отделаться’ – наречие, *vurdu-kirdi* ‘содержащий насилие’ – существительное) употребляются как имена. Такие лексические единицы не могут быть отнесены к СГК, если они являются метафорами. Некоторые СГК могут иметь отрицательную форму. Кроме того, в СГК, состоящих из нескольких глаголов, могут входить другие элементы, меняющие синтаксическую структуру сочетания, но это не влияет на целостность конструкции в плане ее функции.

Подведем итоги:

- поскольку СГК – это семантическая/формальная категория, они могут быть выражены одним глаголом, передающим минимум два действия;
- поскольку СГК – это семантико-синтаксическая категория, они могут представлять собой составные глаголы, области употребления которых частично пересекаются. В этой связи некоторые сложные глаголы могут быть СГК;
- СГК делают турецкий язык более гибким, позволяют подбирать формы для эффективного выражения действий, происходящих во вселенной.

Список условных сокращений⁷

ABL – аблатив,
ACC – аккузатив,
ag – артикль,
CND – условие,
CVB – конверб,
DAT – датив,
GEN – генитив,
FUT – будущее время,
IMP – императив,
INF – инфинитив,
INST – инструменталис,
LOC – локатив,
N – номинализатор,
NEG – отрицание,
OBLIG – долженствование,
PL – множественное число,
POS – возможность,
PP – послелог,
PRES – настоящее время,
PTCP – причастие,
PST – прошедшее время,
1/2/3 sg/pl – маркер лица, ед./мн. числа,
[+ПО] – глагол с передним ограничением,
X – основа глагола

Литература

1. Aikhenvald, Alexandra Y. Serial Verb Constructions in Typological Perspective // A. Aikhenvald, R. Dixon, eds. *Serial Verb Constructions: Crosslinguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 1-68.
2. Aikhenvald, Alexandra Y. *Serial Verbs*. Oxford: Oxford University Press, 2018. — 320 p.
3. Aksan Yeşim, Aksan Mustafa. Birleşik Eylemler, Sıralı Eylemler ve Görünüş // Sarı M., Nas H., eds. *Proceedings of the XIXth National Linguistics Conference*. Şanlıurfa: Elif Printing House, 2005. P. 398-413.

⁷ Составлен О.М. Кадыровой

4. Altaylı, Seyfettin. *Azerbaycan Türkçesi Sözlüğü I-II*. İstanbul: Milli Eğitim Bakanlığı Yayınları, 1994. — 1292 p.
5. Atalay, Besim. *Divanü Lûgat-it Türk I-II-III-IV*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2013.
6. Aydemir, İbrahim Ahmet. *Türkçede Zaman ve Görünüş Sistemi*. Ankara: Grafiker Yayınları, 2010. — 140 p.
7. Baker, Brett and Harvey, Mark. Complex predicate formation // M. Amberber, B. Baker, M. Harvey eds. *Complex Predicates: Cross-linguistic Perspectives on Event Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 13-47.
8. Balmer, W. T., Grant, F. C. F. *A Grammar of the Fante-Akan Language*. London: Atlantis Press, 1929. — 224 p.
9. Bnguoğlu, Tahsin. *Türkçenin Grameri*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2007. — 272 p.
10. Barutçu Özönder, Sema. Ali Şir Nevâyî, Muhakemetü'l-Lugateyn // *Balkan, Kafkas, Doğu Avrupa ve Anadolu İncelemeleri Dergisi*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1996.
11. Bendix, Edward H. *Serial verbs in the Caribbean and West Africa: Their semantic analysis in Papiamentu*. Manuscript. Hunter College of the City University of New York, 1972.
12. Bisang, Walter. Serial Verb Constructions // *Language and Linguistics Compass*. III/3, 2009. P. 792-814.
13. Bradshaw, J. Subject Relationships within Serial Verb Constructions in Numbami and Jabêm // *Oceanic Linguistics*, 32, 1993. P. 133-162.
14. Carlson, Robert. *A Grammar of Supyire*, 14. Walter de Gruyter, 1994. — 789 p.
15. Christaller, Johann Gottlieb. *A Grammar of the Asante and Fante Language Called Tshi [Chwee, Twi] Based on the Akuapem Dialect with Reference to the Other (Akan and Fante) Dialects*. Basel: Basel Evangelical Mission Society, 1875.
16. Comrie, Bernard. Serial Verbs in Haruai (Papua New Guinea) and Their Theoretical Implications // J. Bouscaren, J. Franckel, S. Robert eds. *Langues et Langage: Problèmes et Raisonnement en Linguistique, Mélanges Offerts à Antoine Culioli*. Paris: University Presses of France, 1995. P. 25-37.
17. Csato, Eva A. Turkic Double Verbs in Typological Perspective // Ebert K. H., Zuniga F. *Aktionsart and Aspectotemporality in Non-European Languages*. Zürich: ASAS-Verlag, 2001. P. 175-187.
18. Dempwolff, Otto. *Grammatik der Jabem-Sprache auf Neuguinea*. Hamburg: Friederichsen de Gruyter. 1939. — 92 p.

19. Dixon, Robert M. W. Serial Verb Constructions: Conspectus and Coda // Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. eds. *Serial Verb Constructions A Cross-linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 338-350.
20. Dizdaroğlu, Hikmet. *Türkçede Fiiller*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1963. — 62 p.
21. Durie, Mark. Grammatical Structures in Verb Serialization // Alex Alsina, Joan Bresnan, Peter Sells eds. *Complex Predicates*. Stanford: CSLI Publications, 1997. P. 289-354.
22. Ercilasun, Ahmet Bican. Kutadgu Bilig Grameri: Fiil. Ankara: Gazi Üniversitesi Yayınları, 1984. — 196 p.
23. Ergin, Muharrem. *Türk Dil Bilgisi*. İstanbul: Bayrak Yayınları, 2002. — 218 p.
24. Foley, William A. Oslen, Mike. Clausehood and Verb Serialization // Johanna Nichols, Anthony C. Woodbury eds. *Grammar Inside and Outside the Clause*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 17-60.
25. Foley, William A. *The Yimas Language of New Guinea*. Stanford: Stanford University Press, 1991. — 490 p.
26. Foley, William A. Events and Serial Verb Constructions // M. Amberber, B. Baker, M. Harvey eds. *Complex Predicates: Cross-linguistic Perspectives on Event Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 79-109.
27. Givón, Talmy (a). Serial Verbs and The Mental Reality of “Event”: Grammatical vs. Cognitive Packaging // Elizabeth Closs Traugott, Bernd Heine eds. *Approaches to Grammaticalization*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1991. P. 81-128.
28. Givón, Talmy (b). Some Substantive Issues Concerning Verb Serialization: Grammatical vs. Cognitive Packaging // Claire Lefebvre eds. *Serial Verbs: Grammatical, Comparative and Cognitive Approaches*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1991. P. 137-184.
29. Gökçe, Faruk. *Oğuz Türkçesinde Fiil Birleşmeleri Tarihsel Karşılaştırmalı Bir İnceleme Denemesi*. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. (Yayımlanmamış Doktora Tezi), 2007. — 262 p.
30. Gökdağ, bilgehan atsız. Halaç Türkçesinde –mXş Ekinin Zarf-Fiil Eki Olarak Kullanılmasına Dair // *VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi Bildiri Kitabı*. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Yayınları, 2014.
31. Grashchenkov, Pavel. Vita Markman. Serial Verb Ditransitives in Turkic // Andrew Simpson ed. *Proceedings of Working on Altaic Formal Linguistics 7*. MIT Working Papers in Linguistics, 2011, P. 78-90.

32. Hacıeminoğlu, necmettin. *Türk Dilinde Yapı Bakımından Füller*. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1992. — 320 p.
33. Haspelmath, Martin. The Serial Verb Construction: Comparative Concept and Cross-Linguistic Generalizations // *Language and Linguistics*. XVII/3, 2016. P. 291-319.
34. Hırik, Erkan. -(X)k Ekinin Kiliniş, Kiplik Ve Çati Kategorisindeki İşlevleri // *Türkbiligi*, 32, 2016. P. 97-114.
35. Hırik, Erkan. *Evlîyâ Çelebi Seyahatnâmesi'nin Grameri: Fiil*. Kayseri: Kimlik Yayınları, 2019.
36. Hyman, Larry M. (1971). Consecutivization in Fefe // *Journal of African Languages*.X/2, 1971. P. 29-43.
37. Johanson, Lars. *Aspekt im Türkischen, Vorstudien zu einer Beschreibung des Türkeiitürkischen Aspektsystems*. Uppsala: Studia Turcica Upsaliensia, 1971. — 334 p.
38. Karadoğan, Ahmet. *Türkiye Türkçesinde Kılınış*. Ankara: Divan Kitap, 2009. — 168 p.
39. Karahan, Leylâ. Görülen Geçmiş Zaman Eki –DI/-Dİ'nin Tarz ve Bağlama Fonksiyonuna Dair // *Türk Kültürü Araştırmaları*. Prof. Dr. Muharrem Ergin'e Armağan, 1992. P. 335-341.
40. Kırgızca-Türkçe Sözlük (Kırgızistan-Türkiye Manas Üniversitesinin Sözlüğü). [электронный ресурс] URL:<http://sozduk.manas.edu.kg/> (дара обращения: 07.01.2019).
41. Korkmaz, Zeynep. *Türkiye Türkçesi Grameri: Şekil Bilgisi*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2007. — 1028 p.
42. Levin, Beth. *English Verb Classes and Alternations a Preliminary Investigation*. Chicago/London: The University of Chicago Press, 1996. — 366 p.
43. LI, C. Thompson, S. A. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley: University of California Press, 1981. — 719 p.
44. Lovstrand, Joseph. An Overview of the Literature on Serial Verb Constructions, 2017. [электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/31061255/DRAFT_An_overview_of_the_literature_on_serial_verb_constructions_Jan_24_2017 (дата обращения: 10.12.2018.)
45. Lovstrand, Joseph. *Serial Verb Constructions in Barayin: Typology, Description and Lexical-Functional Grammar*. Oxford: Oxford University. (Yayımlanmamış Doktora Tezi), 2018. — 326 p.
46. Massam, Diane. Nuclear Complex Predicates in Niuean // *Lingua*. 135, 2013. P. 56-80.
47. Noonan, Michael. Complementation // Shopen T. ed. *Language Typology and Syntactic Description. Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press: 2, 1985. P. 42-140.

48. Noonan, Michael. *A Grammar of Lango*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.
49. Progovac, Ljiljana. *Evolutionary Syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2015. — 320 p.
50. Riis, Hans Nicolaus. *Elemente des Akwapim-Dialects der Odschi-Sprache, Enthaltend Grammatische Grundzüge und Wörtersammlung nebst Sammlung von Sprichwörtern der Eingeborenen*. Basel: Bahnmaier, 1853. — 390 p.
51. Sari, İsa. *Türkçede Ekleme Dışı Sözcük Yapımı ve Sözlükselleşme*. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. (Yayımlanmamış Doktora Tezi), 2015.
52. Schuchardt, Hugo. *Die Sprache der Saramakkaneger in Surinam*. Amsterdam: Johannes Müller, 1914. — 120 p.
53. Sebba, Mark. *The Syntax of Serial Verbs: An Investigation into Serialisation in Sranan and Other Languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1987. — 241 p.
54. Seyidov, Yusuf. *Azerbaycan Edebi Dilinde Söz Birleşmeleri*. Bakü: Maarif Neşriyatı, 1966.
55. Stewart, John. Some Restrictions on Objects in Twi // *Journal of African Languages*, II/2, 1963. P. 145-149.
56. Şakacı, Figen. *Bitirgen*. İstanbul: İletişim Yayınları, 2016.
57. Şirin User, Hatice. *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları Söz Varlığı İncelemesi*. Konya: Kömen Yayınları, 2009.
58. Tîmurtaş, Faruk Kadri. *Eski Türkiye Türkçesi*. Ankara: Akçağ Kitabevi, 2005.
59. *Türkçe Sözlük*. Kenan Koç ed. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2011.
60. *Türkçe-Kazakça Sözlük*. Almatı, 2007.
61. Uğurlu, Mustafa. Türkiye Türkçesinde ‘Bakış’ (Aspektotempora) // *Türkbilig Türkoloji Araştırmaları Dergisi*. 5, 2003. P. 124-133.
62. Ward, Ida C. *An Introduction to the Yoruba Language*. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1952. — 255 p.
63. Westermann, Dietrich. *Grammatik der Ewe-Sprache*. Berlin: Dietrich Reimer, 1907. — 158 p.
64. Westermann, Dietrich. *A Study of the Ewe Language*. London: Oxford University Press, 1930. — 258 p.
65. Yıldız, Hüseyin. Türk Dilinde Fiillerin Semantik Sınıflandırılması Problemi, *Littera Turca, Journal of Turkish Language and Literature*. III/1, 2017. P. 337-362.
66. Yüce, Nuri. *Mukaddimetü'l-Edeb, Zamahşari*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1993.

67. Zeynalov, Ferhad R. (1986). Türk Dillerinde Birleşik Eylem Meselesi // *İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. 1980-1986, XXIV-XXV*. P. 455-468.
68. Zimmermann, Johann. *A Grammatical Sketch of the Akra- or Gã-Language, with Some Specimens of It from the Mouth of the Natives and a Vocabulary of the Same, with an Appendix on the Adanme Dialect*. Vol. 1. Stuttgart: J.F. Steinkopf for the Basel Missionary Society, 1858. — 698 p.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Языки Востока: изученное и неизученное

Сборник статей

В авторской редакции

Верстальщик *Мальшева С.Д.*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 05.12.2022. Формат 60х90х16.
Усл. печ. л. 20,1. Уч.-изд. л. 21. Тираж 500 экз. Зак. № 3928

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»

Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru